

9027(Alt)

П640

Л. П. ПОТАПОВ

РАЗЛОЖЕНИЕ РОДОВОГО СТРОЯ

У ПЛЕМЕН

СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

9(с.18)

П 640

Л. П. ПОТАПОВ

Разложение родового строя у племен Северного Алтая

I. Материальное производство

~~1955
Инд. 37462~~

ДН 74157 ✓

Горно-Алтайская Областная
* БИБЛИОТЕКА *

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА

Институт истории доклассового общества

Кафедра истории родового общества
Заведывающий кафедрой В. И. Равдоникас.

Ленинград, ул. Халтурина, 5, Мраморный дворец

474157

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР *Н. Г. ЛЕСОХИН*
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР *П. С. СМЕРНОВ*

Сдано в набор 29/IV 1935 г. Подписано к печати 26/IX 1935 г.

Соцэкгиз № 1100/л. Ленгорлит № 26247. Заказ № 2164

Формат 62 × 94¹/₁₆. Тираж 1500

Объем 8,5 авт. 7⁵/₈ н. л. 3¹³/₁₆ б. л. (90.600 тип. зн. в 1 бум. листе).

Набрано во 2-й типографии „Печатный Двор“, треста „Полиграфкнига“, Ленинград,
Гатчинская, 26. Отпечатано в тип. „Печатня“, Прачечный пер., 6.

От редакции

Работа Л. П. Потапова содержит весьма ценный фактический материал по материальной культуре народов Северного Алтая, в жизнь которых Октябрьская революция внесла коренные изменения. Народы эти, осужденные царизмом на вымирание, сейчас гигантскими шагами меняют весь свой производственный и культурный облик. Отдельные архаические черты в материальном производстве населения Северного Алтая, о которых в некоторых местах упоминает автор, достаточно ярко свидетельствуют, насколько чудовищный колониальный грабеж царизма выжимал все жизненные соки населения и резко задерживал развитие его производительных сил.

Вместе с тем пережитки эти наглядно демонстрируют, какие огромные сдвиги произошли после Октябрьской революции, как далеко ушли в своем развитии эти народы от того времени, когда то, что выступает сейчас как остатки быстро умирающих пережиточных явлений, целиком характеризовало всю хозяйственную и культурную жизнь населения Северного Алтая в не столь уже далекие от нас предреволюционные годы.

Введение

В книге «Очерк истории Ойротии»¹ мы рассмотрели ряд основных вопросов истории коренного населения Ойротской автономной области. Буржуазные исследователи ойротов-алтайцев, утверждая, что у последних господствовал родовой строй за период русской колонизации, вплоть до Октябрьской революции, не утруждали себя при этом анализом конкретных общественных отношений. Такая концепция находилась в полном соответствии с буржуазным мышлением ее авторов и в глубоком противоречии с фактами. Посредством анализа конкретного материала, по этнографическим и историческим данным, мы вскрыли антинаучность и политический смысл подобных утверждений и показали для упомянутого периода господство феодальных отношений. Однако при этом мы обращали внимание, что феодальные отношения не были единственной формой производственных отношений данного общества. Наряду с ними нам удалось показать существование элементов зарождавшихся капиталистических отношений и пережитки отношений родовых, восходящих к эпохе доклассового общества. Мы не имели возможности в то время остановиться на анализе пережитков первобытнокоммунистических отношений и приступаем к этой задаче теперь, давая попытку ее разрешения преимущественно на этнографическом материале. Ближайшим и непосредственным поводом к выполнению настоящей работы послужил тот общий теоретический интерес, который развился в последнее время к проблеме первобытного коммунизма, особенно в Государственной Академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра. Теоретическая и политическая актуальность указанной проблемы общеизвестна.

Включившись в число работающих над первобытным коммунизмом на материале, относящемся к территории Советского Союза, мы решили рассмотреть данный вопрос на материале этнических групп Северного Алтая. Этот выбор был продиктован прежде всего тем обстоятельством, что общественное развитие этнических групп Северного Алтая было значительно ниже по сравнению с уровнем общественного развития основного населения Ойротии и содержало в себе много пережитков первобытнокоммунистических отношений. Кроме того, к этому побуждало нас совершенное отсутствие специальных работ, относящихся к населению Северного Алтая, за исключением немногих мелких статей. Наконец, не только попытка, но даже

¹ Новосибирск, Гиз, 1933 г.

самая постановка вопроса, сформулированного в заголовке работы, для Алтая предпринимается впервые. Этим в значительной мере объясняется наличие ряда погрешностей и недостатков, исправить которые нам поможет серьезная критика.

В виду большого объема работы пришлось расчленить ее на два отдела. Настоящий отдел посвящен в основном описанию и анализу материального производства, на основе которого происходило развитие общества в Северном Алтае. Второй отдел будет содержать в себе описание родовой организации и процесса ее постепенного разложения.

I. Краткие общие сведения об этнографических группах Северного Алтая

Туркоязычные племена, обитающие в Горном Алтае, Кузнецком Алатау и в степных районах, примыкающих к ним, раньше были известны в этнографической литературе под общим названием «алтайцы» или «алтайские инородцы». Из них жители северной части Алтая миссионерами, путешественниками, исследователями всегда выделялись в особую этнографическую группу, объединявшуюся названием «черневые татары». ¹ В состав «черневых татар» входили следующие этнографические группы: шорцы, шелканцы, тубалары, кумандинцы. В дальнейшем изложении мы нередко называем для краткости данные этнографические группы «племенами Северного Алтая» или просто «северными алтайцами». В старинных русских документах XVII—XVIII вв. «черневые татары» чаще всего выступают под названием «ясашные татары» (с указанием той или иной волости). Шорцы чаще назывались «кузнецкими татарами» или «мрасскими и кондомскими татарами» — по названию рек, бассейны которых они населяли. Название «шорцы» не есть самоназвание их. Это название одного рода, обитающего главным образом в системе реки Кондомы и имеющего три подразделения (sarı şor, kara şor и yzyt şor). Однако их соседи называли термином «şor» всех обитателей бассейнов рек Кондомы, Мрассы и Томи (от г. Кузнецка и выше). Так, например, тубалары и кумандинцы и теперь называют население бассейнов указанных рек, распадающееся на ряд родовых делений, şor-kızı, aba-kızı (т. е. шорцы или абинцы). Şor kızı называют их и южные алтайцы и шелканцы. Телеуты, живущие по рр. Большому и Малому Бачату, в степях, прилегающих к Горной Шории, называют современное население Шории şor-kızı или aba-kızı. Последнее название довольно древнее, и, вероятнее всего, оно относилось к одной из многочисленных родовых групп данного края, жившей в северной части Шории, в окрестностях г. Кузнецка. Радлову и нам удалось зарегистрировать название «ава» как одно из

¹ Название произошло от сибирского слова «чернь», т. е. тайга, среди которой жили указанные этнические группы.

родовых названий. Известно, что когда после покорения «кузнецких татар» русские власти произвели административное деление «ясашных татар» на волости, в основу которого почти целиком лег родовой принцип, была образована «Абинская» волость. Наконец, упоминание Георги об абинских татарах, живших ранее около Кузнецка (позже вынужденных подняться вверх по Томи, а также и расселиться по рр. Кондоме и Мрассу), занимавшихся звероловством, кузнечным делом, прекрасно увязывается с этим названием. Надо думать, абинцы времен Георги, платившие подать «с небольшим за сто луков», представляли собой родовое образование, родственное по языку и хозяйственной деятельности многим другим подобным образованиям, которые мы теперь в совокупности привыкли обозначать термином «шорцы». Часть шорцев переселилась, уже во времена русского господства, в Абаканскую долину, по рр. Таштыпу, Матуру, Сее. Незначительная часть шорцев проживает в Турочакском аймаке Ойротской автономной области. Основная же масса шорцев выделена в национальный Горно-Шорский район, входящий в состав Западно-сибирского края. Согласно материалам, собранным нами лично в Шории, у шорцев отмечены следующие родовые названия: 1) кьзaj (он же кьыл - gaja), 2) tajaş, 3) кьj, 4) kara şor, 5) şarь şor, 6) karga, 7) celej, 8) sebi, 9) ковьj, 10) aba, 11) cettiber, 12) kalar, 13) yzyt şor, 14) kecin. ¹

Расселение названных родов, по поздним данным, представляется в следующем виде.² Род celej — в верхнем течении р. Мрассу, по р. Кондоме, ее притоку Антропу. Род şor с подразделениями şarь, şor, kara şor и yzyt şor обитал преимущественно по р. Кондоме и составлял Карачерскую волость (искаженное название «карашорская»). Yzyt şor жили в верховьях Кондомы, в системе р. Пызаса и в улусе Кузедеево. Род karga занимал места по р. Мрассу, выше порога, особенно близ р. Анзаса и частично по рр. Кондоме и Антропу (например, селения Оролугол, Адагол, Карасу). Род tajaş, входивший в состав Мрасско-Изушерской волости, обитал, по р. Пызасу и его притоку Узасу. Род cettiber был расселен по рр. Кондоме, Антропу, Мундыбашу, Андыбашу и в степном районе близ с. Солтонского. Кроме того, cettiber частично жили в низовьях Мрассу и по р. Томи (выше впадения Мрассу). Род sebi жил по р. Кондоме (ниже Тельбеса) и частично по Антропу. Род kalar занимал долину Мундубаша, правого притока Кондомы, ниже устья Тельбеса. В верховьях Мрассу обитали роды: ковьj по р. Кобырзу (составляли Кивийскую волость), кьыл gaja или кьзaj, — по р. Мрассу, близ устьев

¹ Первые 14 названий зарегистрированы в Шории в 1881 г. А. В. Адриановым. См. его «Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г.» Зап. РГО по общей географии, т. XI, Спб., 1888 г.; у Радлова (Aus Sibirien, т. I, Leipzig, 1893 г., стр. 214) список шорских родов имеет 21 название.

² При указании местообитания того или иного рода мы руководствуемся нашими опросными сведениями и сведениями, собранными, также опросным путем, А. В. Адриановым, проверенными В. Вербицким, помещенными в «Очерках северо-западной Монголии» Потанина, т. IV, стр. 936—941.

рек Пызас и Кобырзу (составляли Кызыльскую волость), кьј—главным образом по р. Кыйзасу, притоку верхнего течения Мрассу (составляли самостоятельную волость).

Шелканцы называют себя чаще кии кизи (т. е. лебединцы) по названию реки Лебедь, которую они населяют. Среди них два рода; şalğan и сакşь. Расселены в Турочакском аймаке Ойротии, по р. Лебедь и ее притоку Байгол. По языку они ближе к кумандинцам, нежели к шорцам. Тубалары называют сами себя із кизи (т. е. лесные люди), алтайцы называют их tuba kizi (тубинцы). Сойоты, или таннутувинцы, называют тубаларов сапагаş (лыжники). Расселены в настоящее время тубалары в Турочакском и Успенском аймаках, частично в Эликмонарском и Ойрот-Туринском Ойротской автономной области, наиболее густо живут по рр. Сары и Кара-Кокши, Ише и др. Акад. В. Радлов считал в составе тубаларов следующие пять племен: 1) күзөн (роды күзөн и чедибеш), 2) тиргешь (роды тогус, чагал), 3) көмнөш (роды көмнөш, јалан, тон, чагал и палан), 4) јүс (роды јүс и шор), 5) торгул.¹ Радловские племена — это названия волостей старого русского административного деления. Вербицкий сообщает нам о следующих волостях «черневых татар», за исключением кумандинских: 1) Кузенская, 2) Южская, 3) Комляжская или Кондожская, 4) Кергежская, 5) Тогульская. Эти волости существовали и в 1897 г., во время обследования алтайцев статистико-экономической экспедицией Швецова.²

Шведовым были отмечены 22 родовых названия в первых четырех волостях: 1) комдош (кондош), 2) юсь, 3) чагат, 4) тогус, 5) кузень, 6) ярык, 7) тентерек, 8) тибер, 9) ялаң, 10) чор (сары чор, шор), 11) танды, 12) юуты (тюуты), 13) юртас (тюртас), 14) санмай, 15) мундус, 16) тастар, 17) кергиль, 18) соен, 19) байлагас, 20) салгылар, 21) утты сары, 22) палан. К сожалению, Швецов не считает нужным указать, какие из этих родов не относятся к тубаларам, а лишь зарегистрированы в тубаларских четырех волостях. Из отмеченных Шведовым явно не тубаларские роды: 1) чор (выселенцы из Кузнецкой тайги помнят о своем переселении), 2) танды, 3) юуты, 4) юртас (относятся к родам, главная масса которых обитала в Ашкыштымской волости б. Кузнецкого уезда), 5) мундус, 6) кергиль, 7) байлагас (роды алтайцев, входивших в состав 7 алтайских дючин и 2 чуйских волостей), 8) ялаң — настоящее название его «јаландаң келген» (пришедшие из степи), их так и называли «јаландан» (т. е. из степи), сокращенно «јалан», постепенно это имя и они сами усвоили, 9) чагат — «перекочевали сюда с Телецкого озера и принадлежали к сеоку [роду. Л. П.] теолес; изменение названия сеока произошло вследствие того, что пришлецы явились с берега, называемого Коль-Чагады, имя которого и удержали за собой»,³ 10) та-

¹ W. Radloff, Aus Sibirien, т. I, стр. 213.

² Горный Алтай и его население, т. I, в. 1, Барнаул, 1900 г.

³ Швецов, ук. соч., т. I, стр. 105. Там же он приводит сходное с нашим объяснение по поводу родов шор и ялаң.

стар — многочисленный сеок у кумандинцев, 11) соён, 12) педбыш (по Радлову — «чедибеш»), по существу подразделение рода «кузен», 13) палай — подразделение рода комдош, 14) уттысары — большинство жило в алтайских дючинах, 15) тентерек¹ (или на стр. 17 «Приложений» — «тонтерок»), отмеченные Шведовым в Кузнецкой волости, — несомненно искаженная запись или опечатка названия подразделения рода кузен — «тонжорок-кузен».

Таким образом, 22 родовых названия, зарегистрированные Шведовым в тубаларских черневых волостях, мы уточняем исключением из списка названий не-тубаларских родов и согласно нашим полевым материалам предлагаем считать как тубаларский (сын tubalar, т. е. настоящие тубалары) следующий список родов и их подразделений: 1) коңдош, или по другому произношению komнош, komдош, с подразделениями: көбүрсі коңдош (угольщики кондоши); katugas коңдош (молчаливый кондош, буквально: с твердым ртом); kiis poryk коңдош (в кошемных шапках кондош); palan коңдош (калинщики кондоши, от palan — калина) с подразделениями: көгүс palan коңдош (громкоголосые кондоши) и tastar коңдош (плешивые кондоши), 2) кузен — имел три подразделения: tonzorak кузен, pedibes кузен и kištinder кузен; 3) јуз — с пятью подразделениями: јус, тау јузтар (горные юзы), sarь јуз (желтые юзы), şanmьјуз,² sargajсь јуз (саранщики юзы, т. е. собиратели растения сараны — *Lilium martagon*); 4) tergeş; 5) tiber; 6) togus.³

Род јарьк, распадающийся на два подразделения: сьгьпсь јарьк (охотник за маралами) и кара јарьк (черные јарьк), тубалары считают осколком телесов, живших по р. Чулышману. По их словам, часть рода сьгьпсь јарьк переселилась с Чулышмана в Комляжскую волость, и уже здесь образовались кара јарьк.

По поводу рода кузен старики сообщают, что их предки жили по бассейну р. Лебедь, близ горы Актыгана, и тесно общались с кумандинцами. Переехали в большую прителецкую чернь потому, что хотели разводить скот и предполагали здесь найти более удобные условия для скотоводства, нежели близ Актыгана. Род кузен считается сын tubalar (настоящий тубаларский). Род togul тубаларами своим не признается. Он пришел со степи, из Солтонского района, во время голода, шесть-семь поколений тому назад. В степи занимались скотоводством. В чернь (в Комляжскую волость) пришло два брата, третий остался у кумандинцев. От этих братьев и происходят togul'ы, которых стали называть јалан.⁴ Род kondos раньше был единым. Происхождение подразделений относят ко временам

¹ Шведов, ук. соч., т. I, стр. 93.

² У Шведова «санмай» как самостоятельный род, т. I, стр. 94.

³ Подразделений этого рода записать не удалось.

⁴ В рукописи «О Сибирском царстве и о царях того великого царства» говорится, что в «Сибирском царстве живут люди разноязычны», в числе которых упоминаются «чаландасцы». См. А. Попов, Изборник славянских и русских сочинений, внесенных в хронографы русской редакции, Москва, 1869 г. стр. 401 и 404.

джунгарского или ойротского подданства и объясняют его следую-
щей легендой. Однажды к кондошам приехал targa — сборщик ал-
бана. Он подъехал к одной из юрт и, не слезая с лошади, стал вызы-
вать людей. Вышел мальчик, который на все вопросы сборщика не по-
желал отвечать, и targa, ничего не добившись от него, подъехал к
другой группе юрт и снова стал кричать. Опять вышел мальчик. На
вопрос: где взрослые? — он рассказал сборщику, что его родные в
горах, жгут уголь для плавки железа. Джунгарский сборщик на-
звал эту группу юрт kəburci koңdoş (т. е. угольщики), а вторую
группу, где жил молчаливый мальчик, — katugas koңdoş (с жестким,
твердым ртом), отсюда название «katugas» закрепилось за ними.
Название «kiis rədyk koңdoş» появилось потому, что часть kondos
носила кошменные шапки (kiis rədyk). Между прочим, обувь у них
были составные (ajrğ ɵlyk), перeda кожаные, а голенища холщевые,
опояска ременная (kajьs, kur), и ходили они с палками (tajak agas),
промышляли зверя деревянными капканами (sergei) и луком (sa-
adak). Подразделение palan-koңdoş получило свое название во время
длительного голода, когда часть кондошей питалась почти исключи-
тельно мерзлой калиной (palan). От koңdoş отделился род juz.
Незамужняя девушка из koңdoş родила сына (suras), который, как
происшедший от неизвестного отца, сначала назывался по роду ма-
тери. Когда его потомство выросло до ста работоспособных человек,
они с согласия koңdoş выделились в самостоятельную администра-
тивную и податную единицу, стали называться juz (т. е. «сто») и
выбрали себе зайсана Чокона. По поводу названия «тубалар» (tu-
balar) для жителей большой черни мы склонны согласиться с Н. Н.
Козьминым, который полагает, что оно произошло от названия
Тубинского княжества «енисейских киргизов», известного по до-
кументам XVII в. Оно располагалось по правой стороне Енисея с
центром на р. Уссе, впоследствии названной русскими Тубой.
Сфера влияния этого княжества простиралась на Горную Шорию
и таежную часть Алтая. Население указанных районов платило
дань тубинским князьям. Вероятно, поэтому данное население на-
зывали тубалар, т. е. тубинские люди.¹ Надо сказать, что нечто
подобное произошло с названием «Ойрот», объединившим мелкие
этнографические группы Алтая. Ряд родов, обитающих по р. Ка-
туни, называл себя ojrot kizi благодаря сохранившимся воспоми-
наниям о подданстве Ойротскому союзу — политическому объеди-
нению западномонгольских князей. В связи с образованием Ойрот-
ской автономной области (1922 г.) этнические группы Алтая носят
теперь общее название «ойроты».

Кумандинцы живут в небольшом количестве в Турочакском аймаке
Ойротии, а значительная часть их населяет сопредельные с Ойро-
тией районы: Старо-Бардинский, Солтонский и частично Новиков-
ский. По численности кумандинцев больше, чем тубаларов и шел-
канцев, как можно судить по наиболее поздним сведениям. Более

Н. Козьмин, Хакасы, Иркутск, 1925 г., стр. 25—39.

ранние источники дают цифру свыше 2000 человек.¹ Официальные данные 1898 г. насчитывают 4876 человек.² По сведениям 1929 г., кумандинцев свыше 5000 человек.³

Академик Радлов считал язык кумандинцев более близким к шорскому, чем к алтайскому, и констатировал почти полное сходство языка кумандинцев с шелканцами или лебединцами.⁴ Идентичное утверждение находим и у А. Сухотина,⁵ исследовавшего кумандинский язык в 1929 г.

В дореволюционное время кумандинцы делились на две волости: Верхнекумандинскую (oъo kumandъ) и Нижнекумандинскую (altъna kumandъ). Среди верхних кумандинцев Радлов зарегистрировал два рода: so и kubandъ. Среди нижних: 1) tastar, 2) jutъ, 3) sabaş, 4) ton-kubandъ.⁶ Мы отметили кумандинцев на р. Кондоме в Горной Шории, там встретились роды tastar и ton.

Северные алтайцы были обложены ясаком—данью, взимаемой пушминой в XVII в. Раньше всех этой участи подверглись шорцы. Сибирские летописи, относящиеся к XVII в., сообщают нам всегда о населении Шории как об ясачном населении: «А от Кузнецкого острога и Томи реки... по другую сторону реки горы зело высокие каменные, и леса из них зело темные всякие; а около тех мест по рекам и по лесам живут государские ясачные люди татарове, тубинцы, мразцы, кондомцы, верхние киргизцы».⁷

По свидетельству историка Г. Миллера, предки современных шорцев до русского завоевания «не знали еще над собой никакой чужой власти и жили в природной своей вольности, кроме что иногда киргизы, яко хищный народ, к их жилищам подъезжали, и тогда они татаре откупывались у них подарками, а именно давали им своей работы котлы, таганы, стрелы и прочее».⁸ На деле же, как это явствует и из слов самого Миллера, до русской власти шорцы, или «кузнецкие татары» того времени, платили дань киргизским князьям, что подтверждается рядом исторических документов.

Попытки обложить шорцев ясаком, судя по имеющимся историческим источникам, относятся к периоду основания русскими казаками г. Томска (1604 г.). Томские воеводы систематически посылали казаков для объясачивания шорцев. В 1607 г. несколько томских

¹ W. Radloff, Reise durch den Altai nach dem Telezker See und dem Abacan, Erman, Archiv für wissenschaftl. Kunde von Russland, т. XXIII; Aus Sibirien, т. I, стр. 212; Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии, Томск, 1887 г.

² Н. Шерр, Из поездки к кумандинцам 1898 г., Алтайский сборник, т. V, Барнаул, 1903 г., стр. 87.

³ А. Сухотин, К проблеме национального лингвистического районирования Сибири, — журн. «Культура и письменность Востока», кн. VII—VIII.

⁴ W. Radloff, Aus Sibirien, т. I, стр. 212.

⁵ Ук. соч.

⁶ W. Radloff, Aus Sibirien, т. I, стр. 212, Sabaş II Cabat

⁷ Сибирские летописи, изд. Археографич. комиссии, Спб., 1907 г., стр. 382; А. Титов, Сибирь в XVII веке. Описание Новья земли, сиречь Сибирского царства, Москва, 1890 г., стр. 79, 382. По рукописи б. Румянцевского музея, № ССХСIV.

⁸ Описание Сибирского царства, Спб., 1787 г. стр. 334—335; Фишер, Сибирская история, Спб., 1771 г., стр. 213.

казаков пытались собрать с шорцов ясак, но возвратились с пустыми руками. В 1609 г. казаки вновь посетили шорцев, однако с таким же успехом. В челобитной своей царю Василию Ивановичу казаки Васька Волинский и Михалка Новосильцов указывают, что «воевать осенью и зимой Кузнецких людей не можно, что живут государь в крепостях великих, и болота обошли и зыбели великие и ржавицы, а зимой снега великие, и воевать государь их кроме лета в жары не можно».¹ Во время указанных экспедиций казакам неоднократно грозила смерть, и они избавились от нее только благодаря заступничеству абинского паштыка Пазаяка. В 1610 г. казачий атаман Иван Павлов был послан с 40 казаками к «непокорным» с инструкцией: по прибытии на место сначала укрепиться, а потом рассылать людей с требованием уплаты ясака и посылки в Томск князьков татарских для признания власти «белого царя». Павлову не удалось выполнить поручение. В последующие три года казачьи военные экспедиции не были удачнее. В 1614—1615 гг. две сотни казаков, под предводительством стрелецкого сотника Пущина Ивана и казачьего атамана Константинова, вновь предприняли поход на шорцев. Казакам удалось взять с боем несколько улусов (Абинский, Сарачерский, с паштыком Кызга). Однако шорцы вызвали на помощь калмыков и киргизов, данниками которых они состояли, и соединенными силами, в количестве свыше 5000 человек, осадили казаков. Последние, выдержав 10-недельную осаду, решились на отчаянную вылазку, которая им удалась таким образом, что казаки не только прорвали окружавшее их кольцо, но еще захватили с собой некоторых пленных. В результате казаки смогли уйти в Томск и одновременно продемонстрировали свое боевое превосходство. Последнее обстоятельство, очевидно, сыграло немалую роль, ибо, когда в следующем году к шорцам явился казак Ананьин, они внесли ясак.

Желая закрепить выколачивание дани с шорцев, томские воеводы наметили постройку острога на р. Томи, против впадения в нее р. Кондомы. Для осуществления задуманного предприятия в 1617 г. была снаряжена казачья военная экспедиция под руководством боярского сына Харламова, который, отправившись вверх по р. Томи в сентябре месяце, не дошел до намеченного пункта и остановился на зимовку. Это не остановило предприимчивости томских воевод, торопившихся выполнить свой план. В помощь Харламову был послан отряд служилых людей на лыжах под начальством татарского головы Кокарева и казачьего головы Лаврова. Отряд соединился с Харламовым в феврале 1618 г. и вскоре достиг назначенного места, где и был в том же году построен Кузнецкий острог. Первым воеводой Кузнецка был назначен Харламов. В 1622 г. Кузнецк был объявлен городом в виду важности этого пункта в деле объясачивания племен, находящихся к югу от Кузнецка, и в 1656 г. Кузнецк уже получил герб с изображением волка.

¹ Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 336.

Несколько позже произошло объяснение кумандинцев, тубаларов, шелканцев. Трудно сказать точно, когда это случилось. Попытки к объяснению указанных этнических групп были предприняты в первой половине XVII в. По свидетельству источников, уже в 1633 г. томский казак Федор Пушин с 60 товарищами пытался проникнуть по Оби вверх до слияния Бии и Катунь, чтобы построить там укрепление. Однако Пушину не пришлось достигнуть намеченной цели. Дойдя до устья реки Чулыма (правый приток Оби), он столкнулся с телеутским князем Обаком и отступил после пятидневного боя. В том же году на Бию проник и дошел до Телецкого озера боярский сын Петр Собанский с казаками. На Телецком озере он имел столкновение с телесским князем Мандраком. Собанский разбил Мандрака, обложил ясаком и в качестве заложников отправил в Томск его сына Айдара с женой. Надо думать, что кумандинцы, частично шелканцы и тубалары, жившие поблизости от берегов Бии, были обложены Собанским ясаком. Но так как Собанский не построил острога ни на Бии ни на Телецком озере, то обложение ясаком, очевидно, не было закреплено. Это совершенно ясно вытекает из того, что воеводы сибирские позднее неоднократно обращали внимание московского царя на местности, занятые указанными племенами. Так, тобольский воевода Петр Годунов, известный своим чертежом Сибири, составленным им в 1667 г. по его «высмотру», указывает в первоначальной редакции текста к чертежу, что «при устье реки Бии и Катунь места красные и угодно быть Великому Государю городу или острогу, потому что места пашенные и всякого зверя и соболей и лисиц и бобровых речек много и прибыль Великим Государем будет не малая» и что население «ясаку Великому Государю не платит».¹

Путешествовавший по Сибири в 1675 г. Николай Спафарий отметил: «А вершины р. Оби начинаются от большого озера Тележского, которого и Алтын называют Бугарцы, а около того озера кочуют многие иноземцы: саяны, мундужцы, кайманцы, таутелеуты и яумундужцы, учюги, каранцы. И те Великому Государю ясаку не платят. А места те зело хлебородные и степные и леса есть же».² В списке с чертежа сибирские земли (составлен в 1672 г.), изданном гр. Спасским, говорится: «А Бия река течет из Алтына озера: вдоль по тому озеру в легком судне ехать 6 дней, а поперег день. А около его кочуют многие иноземцы, саянцы, мундусцы, кайманцы, теленгуты, яумундусцы, учюги, карагайцы: а ясаку великому Государю не платят».³

В описании Сибири 1683 г. также проводится мысль о необходимости построить в устье Бии и Катунь острог или город, так как

¹ Рукопись б. Румянцевской библиотеки, № ССХСIV, № 2. См. Путешествие Н. Спафария, Зап. РГО по отд. этнограф., т. X, в. 1, Спб. 1882 г., примечания, стр. 185., А. Титов, Сибирь в XVII в., М., 1890 г., стр. 35.

² Путешествие Спафария, стр. 69. Мундужцы — род мундус; кайманцы — кайман.

³ Временник Общ. истории и древностей российских при Московском унив., 1849 г., стр. 6; Титов, ук. соч., стр. 50.

«около вершин Бии и Катуня места зело были обильные лесами и полями: чернота земляная в человека вышиною. Зверя всякого, птиц и рыбы всякой велие множество», вследствие чего «Великим Государем была прибыль великая от ясачных звероездов и от торговых людей всяких».¹

Как видно из источников, обложение постоянным ясаком указанных районов еще не имело места к концу XVII в. Однако сказано по этому поводу в Чертежной книге Сибири, составленной в 1701 г. Семеном Ремезовым. На листе 14-м его атласа изображен «Чертеж земли Кузнецкого города», на котором обозначено Телецкое озеро, а верховья Бии показаны северо-западнее озера. Восточнее озера указано местообитание саянцев, на западной стороне «волость Кергеши» (тубалары), протянувшаяся по обоим берегам Оби, примыкая к озеру. Рядом, западнее, по течению Оби—волость Комляши (тубалары). По левому берегу Лебеди, впадающей в Бию, указаны «шелкалы» (шелканцы), ниже р. Лебеди, по правому берегу Бии—верхние и нижние «куманда» (кумандинцы). При этом волости шорские, шелканские и кумандинские показаны у Ремезова как «ясашные».

Более определенные указания на сбор ясака с кумандинцев мы имеем относительно 1710—1714 гг. А совершенно определенные данные об этом находим в журнальной записке рудопримемщика Шелегина, заведывавшего правительственной экспедицией к Телецкому озеру в 1745 г., снаряженной «в целях исследования земель и выяснения народов, обитающих за Колывано-Воскресенской пограничной линией», где указано, что: 1) «двоеданцы ясашные татары Таутелеутских юрт, кочующие по р. Майме, платили ясак русским по одному соболю с человека» и «алман Цзюнггарскому Контайше по 5 соболей с человека»; 2) двоеданцы ясашные таутелеутские татары, кочующие в вершине р. Иши, платили ясак русским по одному соболю с человека, а Контайше по 5 соболей с человека; 3) «южские татары, кочующие вниз по р. Сара-Копше [Сары-Кокша. Л. П.], которая течет из-под хребта Катунского с полдня на север в р. Бию», платили ясак русским по 2—3 соболя, Контайше «по котлу и тагану железному»; 4) комлежские татары, кочевавшие вверх по Бии, платили ясак русским по 2—3 соболя, Контайше по котлу и тагану железному; 5) «ясашные кергежские татары» платили русским по 2—3 соболя, Контайше — по котлу и по тагану; 6) «телеутские татары», кочующие около устья Чулышмана [впадает в Телецкое озеро. Л. П.] платили русским по 1 соболю с юрты, «а сколько Контайше не сказали»; 7) «около устья Лебеда [приток Бии. Л. П.] имеющие стойбища «кумандинские татары», которые «ясака русским платят по два и по три соболя с человека, Контайше по котлу и по тагану».²

¹ Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II, Спб., 1885 г., стр. 295—350.

² Архивное дело Алтайского округа за № 32, в связке № 12 за 1745 г. См. рукопись Гуляева и Семьянова, хранится в окружном архиве в г. Барнауле.

В рапорте кузнецкого воеводы Шапшикова¹ от 10 августа 1745 г. сведения об ясаке с северных алтайцев более подробные и точные. «По обе стороны Бии реки, над самой рекой, живут ясашные двоеданцы в следующем порядке: 1) Волость Кумандинская, от Кузнецка 140 верст, дорога гориста и чернолесна, и по тому переезжают это расстояние в 3—4 сутки, из Бийска же в 1 сутки; в этой волости ясашных 110 человек; в год берется ясака разною мягкою рухлядью против 7 сороков 17 соболей. 2) Выше по Бие—вторая Кузенская волость; от Кумандинской в 20 верстах, в ней ясашных 46 чел., ясаку в год 1 сорок, 25 соболей. 3) Камляжская волость, в 50 верстах, ясашных 51 чел., ясаку в год 4 сорока, 4 соболя. 4) Кергешская волость, от Камляжской в 10 верстах, при самом Телецком озере, ясашных 43 человека, ясаку в год 3 сорока, 12 соболей; от Кузнецка до Кергешской волости будет 220 верст, а езды из Кузнецка 7, из Бийска 3 суток. 5) От Кергешской волости два дня ходу лодками до двоеданцев, живущих по ту сторону Телецкого озера, вместе с Зенгорскими калмыками; имян своих при платеже ясака не объявляют, ясаку в год платят 60 соболей и приносят ясашному сборщику, не объявляя с кого ясак собран, при том их собирается до 100 человек и более. 6) От Кумандинской же волости 60 верст до Тау-Телеутской волости, которая кочует по берегам Катуня и по Найме, которая бежит из каменистых гор между Бией и Катунью и впадает в последнюю. Ясашных татар здесь 51 человек, ясаку в год 52 соболя. От них вниз по Катуню, в 80 верстах, на той стороне реки, русская пограничная деревня Иконникова. На здешней же стороне Бии, по Чернолесью, живут двоеданцы. 7) Итиберская волость: 34 человека, ясаку 2 сорока, 22 соболя, в Итиберской же волости 50 человек платят 3 сорока, 35 соболей. 8) Елейская волость: 31 человек, ясаку 1 сорок, 38 соболей. 9) Карачерская волость: 75 человек, ясаку 6 сорок, 14 соболей. 10) Каргинская волость: 7 человек, ясаку 14 соболей. 11) Шелкалская волость: 46 человек, ясаку 3 сорока, 20 соболей. 12) Юсская волость: 11 человек, ясаку 30 соболей, до них от Кузнецка езды 2—5 суток».

Таким образом, можно полагать, что уже в начале XVIII в. кумандинцы, шелканцы и тубалары платили постоянный ясак русскому царю, однако одновременно платили дань и джунгарскому хану. Такое положение для населения Северного Алтая было делом «привычным». В течение долгого времени с них выколачивали дань одновременно русский царь, киргизские князья, владетель Северной Монголии и тувинцев-урянхайцев Алтын-хан, позднее джунгарский «хан-тайши». Вот почему нередко племена Северного Алтая известны в исторических документах под названием «двоеданцев». Киргизские князья, Алтын-хан, джунгарский хан-тайши с давних времен считали племена Северного Алтая своими «киштымами», т. е. данниками. Слово «киштым» мы разъясняем как «мой собольщик»,

¹ Г. Потанин, *Материалы для истории Сибири*, Чтения в Общ. истории и древностей российских при Московском унив., 1866 г., кн. 4, стр. 88—89.

т. е. обязанный платить соболей (kiş — соболь). Когда в 1642 г. «Мрасских и Кондомских волостей... ясачные люди [т. е. шорцы. Л. П.] сбежали в киргизы», киргизским князькам Толаю и Томаку была отправлена царская грамота, где предписывалось во избежание царского гнева «тех... кузнецких мрасских и кондомских ясачных людей, сыскав у себя в улусах, всех с женами и с детьми отослать от себя в Кузнецкий уезд, в Мрасскую и в Кондомскую волость, на их старые кочевья... без всякого задержания». Киргизские князья ответили, что «мрасские и кондомские ясачные люди киштымы их киргизские, а пришли-де к ним кормиться».¹

Джунгарский хан-тайши считал своими данниками шорцев, кумандинцев и таутелеутов (горных телеутов) и посылал систематически из Урги своих зайсанов для собирания дани. Из «Розыскного дела о жестоких поступках с калмыками бывшего кузнецкого коменданта Бориса Синявина, по жалобе на него калмыцкого князца Байгорока Табунова»² выясняется, что в 1710 и 1714 гг. зайсаны Байгорок и Чап-Шалов по приказу Хан-тайши приезжали к указанным выше племенам для сбора дани. В 1712 г. посланец хан-тайши, по имени Дюренг, «сбирал ясак с хумяндцев», т. е. с кумандинцев. Год спустя (в 1713 г.) посланцы хан-тайши Манзу Байдоев и Замсун собирали дань (алман) с шорцев, но были прогнаны выступившим из Кузнецка с командой людей боярским сыном Федором Сорокиным. В 1714 г. к шорцам Мрасских волостей явился с той же целью посланец хан-тайши калмык Мергенъ Хашха, который был прогнан по приказу кузнецкого коменданта Бориса Синявина сыном боярским Федором Козминым.

Двоеданство северных алтайцев продолжается до момента разгрома китайцами Джунгарии, как это можно видеть по более поздним документам. Так, в рапорте кузнецкого воеводы Шапошникова от июня 1745 г. говорится: «На реку Мрассу приехал алманский сборщик Чахо для сбора алману и обратно с них собрать и велел им заготовить алману за 2 года таганами и котлами. А с кумандинских волостей алман уже собран Дюренем. С Чахо приехали 13 человек калмык, лошадей 50».³ В рапорте Крафта от 1750 г. сообщается о том, как в деревню Новикову 26 августа прибежал кумандинец Урбек Урдоков, который объявил: «Прибыли, де, в улус алманщики [т. е. сборщики алмана. Л. П.] из Урги, 10 человек, которые имеют следовать для сбора ясака вверх по Бие, в кумандинскую волость. При них имеются так же хамы и выбойки для мены. Башлык у них Тюрень; улус, в который они прибыли, в 40 верстах от деревни Новиковой».⁴ А в 1742 г. зайсан Бухтуш Кумекков собирал алман по поручению джунгарского хан-тайши Галдан-Чирина

¹ Исторические акты XVII столетия, Материалы для истории Сибири, Томск, 1890 г., стр. 8—9.

² Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II, Спб., 1885 г., стр. 295—350.

³ Чтения в Общ. ист. и древн. рос. при Москв. унив., 1866 г., кн. 4, стр. 88.

⁴ То же, стр. 84.

в Тау-телеутской волости [бассейн реки Маймы, правого притока Катуня) и запретил при этом геодезисту поручику Шишкову, посланному в географическую экспедицию к Телецкому озеру, производить съемку и описание местности, занятой тау-телеутскими двоеданцами.¹

После разгрома Джунгарии в 1755—1756 гг. претензии на двоеданцев Алтая по преемственности от Джунгарии предъявляет Китай. В 1759 г. к тубаларским старшинам Комляжской волости Сербиче Иванову, Икышу и Коярту приезжал посланный от китайского сборщика алмана, находившегося в телесских волостях, с требованием выдачи алману 30 лошадей и 50 кибиток беглых джунгаров. Посланец получил отказ.² Однако Китаю удалось добиться у российского правительства признания права собирания дани с теленгитов, обитавших по р. Чуе (приток Катуня). И до 1865 г. теленгиты чуйские были двоеданцами.

II. Охота

Древнейшей формой производства в Саяно-Алтайском нагорье является охота, сохранившаяся здесь до наших дней в виде промысла на пушного зверя, который у некоторых племен Алтая составляет ведущую отрасль производства.

Звероловный промысел в Саяно-Алтайских горах сохранил в себе, особенно в области техники охотничьего производства, много архаических элементов, представляющих собой ценнейший материал для суждения о ранних этапах общественного развития.

О древности охоты в Саяно-Алтайском нагорье свидетельствуют прежде всего археологические памятники.³ Так, например, раскопки в Минусинской котловине,⁴ близ горы Афанасьевой, у села Батеней, показали, что уже примерно около 4000 лет тому назад население данной территории занималось охотой. Здесь было найдено значительное количество охотничьих орудий, изготовленных из камня и кости. Каменные орудия сделаны отжимной техникой и отполированы. Из костей диких животных обнаружены кости изюбра и дикого быка. В эту эпоху охотничье производство преобладает, хотя известны и домашние животные (лошадь, бык, овца). Археологический материал из более поздних погребений

¹ Томские Губ. Вед., 1859 г., № 1.

² Чтения в Общ. истории и древн. росс. в Моск. унив. кн. 4, стр. 111.

³ См. Саяно-Алтайскую выставку в Государственном Этнографическом музее (б. Этнографический отдел Русского музея), кроме того: С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае, Материалы по этнографии, изд. Гос. Русского музея, т. III, в. 2, 1927 г.; его же статьи в «Сибирской Советской Энциклопедии»; «Афанасьевская культура», «Андроновская культура», «Карасукская культура», «Бурганы» (томы I и II).

⁴ Под именем «Минусинская котловина» известна обширная впадина сбросового происхождения, расположенная между горными системами Кузнецкого Алтая, Западных и Восточных Саян. Котловина вытянута с Ю на С вдоль реки Енисея. См. Сиб. Сов. Энци., т. III, стр. 457—462.

(погребение близ деревни Андроновой, в бывшем Ачинском округе, погребения по реке Карасу и особенно погребения Минусинской котловины) также убеждает нас в существенном значении охоты в хозяйственной жизни человека, о чем красноречиво свидетельствуют находки орудий охоты и кости диких животных. Особенно ярко это подчеркивают скальные изображения в Минусинской котловине.¹ Охота продолжает играть весьма существенную роль в жизни населения Саяно-Алтайского нагорья и в более поздние времена, сохраняясь в горно-таежных районах до наших дней включительно. Сказанное целиком относится и к районам Северного Алтая, которые и послужат предметом нашего рассмотрения. Еще недавно густая тайга покрывала не только хребты Северного Алтая, но ею были покрыты и предгорные степи. По реке Бие вплоть до ее слияния с Катунью и еще ниже, уже по реке Оби, также простирался густой лес, где водились лось, олень, соболь, выдра, бобр и другие звери. Как ни мало было произведено археологических раскопок на Алтае, особенно в его северной части, все же обнаруженных материалов достаточно, чтобы установить древность охотничьего производства и для данного района. Погребения Андроновского типа известны по раскопкам в предгорьях Алтая, в б. Бийском округе.² Материалы погребений позволяют заключить, что охота в это время являлась преимущественным занятием населения этого района, хотя уже в то время были известны домашние животные (собака, лошадь, корова, овца). Об этом говорят находки близ села Фоминского (б. Бийский округ) и близ села Большереченского на реке Оби. На постоянство охотничьего производства указывают как орудия охоты (из камня, кости и бронзы), так и обилие костных остатков диких животных. Среди последних определены кости лося, оленя, козули, волка, лисицы, соболя, зайца, выдры, бобра. Многие из перечисленных животных в этих местах уже давно вывелись (лось, олень, косуля, соболь, бобр).³ О большом значении охоты на Алтае свидетельствуют не только археологические памятники эпохи бронзы, но также и памятники эпохи железа (раскопки В. Радлова на рр. Берели и Катанде, Адрианова по р. Бухтарме, экспедиции Гос. Русского музея в 1925 г. по Катанде).⁴

¹ См. пи саницы на Саяно-Алтайской выставке. Большой материал по этому вопросу опубликован И. Т. Савиным в работе «О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее», Москва, 1910 г.

² Археологическая коллекция Гос. Этнографического музея, № 4263—3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 1924 г.

³ М. П. Грязнов, Доисторическое прошлое Алтая, Природа, 1926 г., № 9-10; его же, Древние культуры Алтая, Материалы по изуч. Сибири, в. 2, Новосибирск, 1930 г., Кроме того, коллекции №№ 4405, 4615, 4448, хранящиеся в Гос. Этнографическом музее.

⁴ А. В. Адрианов, К археологии Западного Алтая, Изв. Археол. Ком., в. 62, 1916 г. А. А. Захаров, Материалы по археологии Сибири, Труды Гос. Исторического музея, I, 1926 г.

Костяная обкладка передней луки седла (рис. 1) из могильника Кудурге (Восточный Алтай, правый берег реки Чулышмана), покрытая тонкой художественной гравировкой, дает ценный материал для суждения о значении охоты в то время (VII в. н. э.). Рисунки представляют весьма реалистичные изображения диких животных, мчащихся во весь галоп. Таковы олени, козы, горные бараны, кулан, лисица, заяц. Замечательны фигуры двух всадников, преследующих зверей и на всем скаку стреляющих из лука. Лук короткий, с загнутыми концами. Виден и наконечник стрелы. Весьма интересно, что лошади взнузданы и заседланы, однако седла не имеют стремян.¹ В этом же могильнике найдено много железных стрел и остатки колчана.

Привлеченный археологический материал позволяет утверждать древность и непрерывность охотничьего производства в горах на

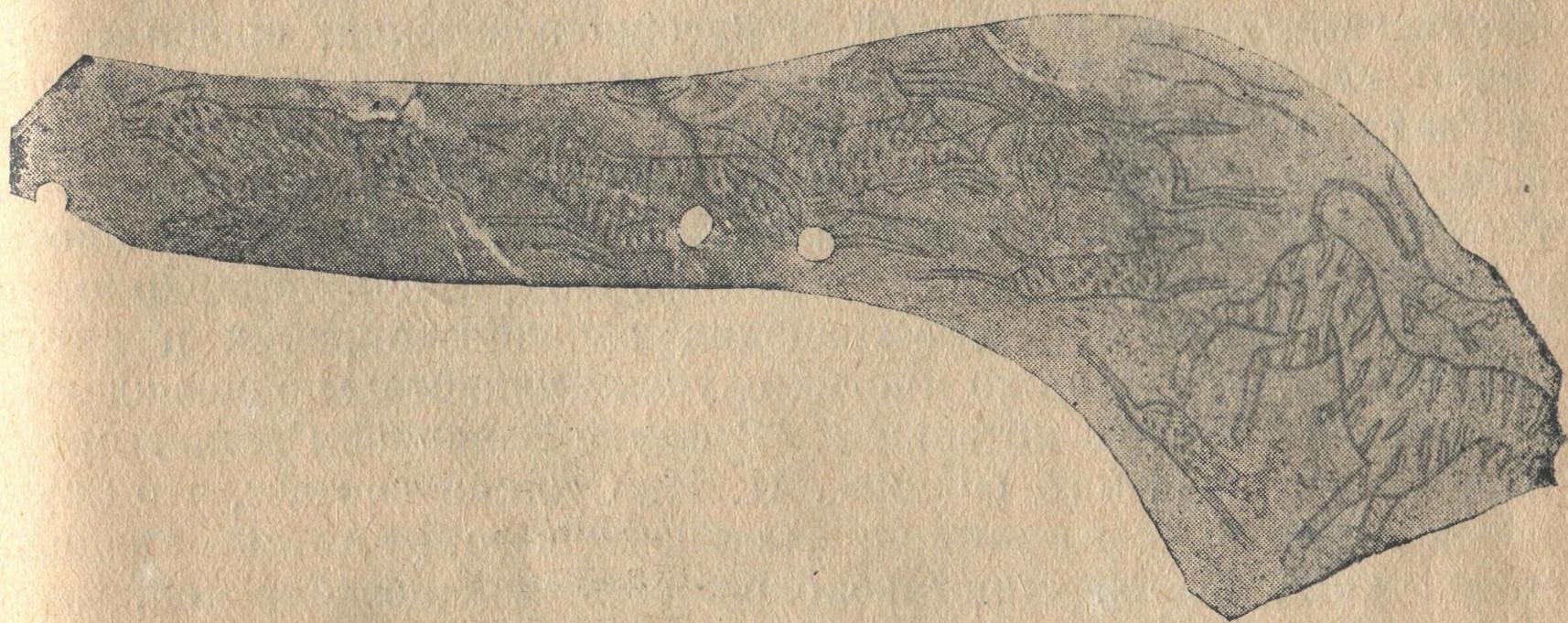

Рис. 1. Костяная обкладка луки седла из мог. Кудурге

Алтае и его предгорьях. Непрерывность данного занятия от древнейших времен (с эпохи первобытного коммунизма) до нашего столетия способствовала преемственности и сохранности первобытных форм этой отрасли производства под влиянием определенных социально-экономических условий, вызывавших застойность в области охотничьего производства. Разъяснение этих условий последует ниже. Теперь же укажем на некоторые особенности природных условий Алтая, в рамках которых протекала человеческая деятельность. Условия эти, как это сейчас увидим, весьма благоприятствовали возникновению и долгому существованию здесь охотничьего производства.

Алтайская горная система, некогда покрытая мощными лесными массивами, теперь уже сильно поредевшими, смыкается на севере через кузнецкую чернь с сибирской тайгой. По мнению акад. П. П. Сушкина, этот край являлся в свое время западной

¹ Ср. седла без деревянной основы и стремян из Пазырыкского погребения на Алтае (начало н. э.).

частью Ангарского материка. Приведем ряд выдержек из его работы: ¹

«В начале третичного периода Ангаро-Китайский материк представляет огромную площадь, которая обнимает заенисейскую Сибирь с Алатем и Алатау и область центрального азиатского поднятия с Китаем, Индокитаем, Памиром и большей частью Русского Туркестана. Западная Сибирь в это время занята морем, которое отделяет Ангаро-Китайский материк от Европы, на севере соединяясь с Ледовитым океаном, а на юге с остатком моря Тетис, которое занимало область Гималаев, часть юго-западного Тибета и области к югу от Памира, Аральского и Каспийского морей». «Постепенно море отступает». «Западно-Сибирское море исчезает к началу миоцена, и южная часть Западной Сибири остается с тех пор сушой». «Эта картина палеографических изменений прекрасно гармонирует с... чертами зоогеографических отношений». «Область фауны закаспийско-сибирской и нагорно-азиатской, сродных частично между собой и носящих черты относительной древности, принадлежит территории древнего материка, издавна существовавшей как единое целое». Западносибирская область, исключая Алтай, «область с малооригинальной фауной и отпечатком юности в немногочисленных характерных формах, лишь недавно стала сушей». «Границы распространения западносибирских и ангарских форм до сих пор во многих случаях удивительно совпадают с границами древнего материка». «В фауне Западной Сибири преобладание европейского облика». П. П. Сушкин считает, что фауна бывшего Ангарского материка, включившего и Алтай, является целой и однородной в противоположность западносибирской, малооригинальной, с преобладанием европейских типов. Преобладание последних в западносибирской фауне объясняется более ранним наступлением оледенения в Европе по сравнению с заенисейской Сибирью. Перед наступающим с северо-запада ледником европейская фауна отступала и дала преобладающее население молодой западносибирской суше. Большое значение Сушкин придает Енисейской разделительной линии, идущей по меридиану, которая в начале четвертичного, даже в конце третичного периода была западной береговой линией Ангарского материка. Сушкин считает эту линию более важной, чем линию, отделяющую тайгу от степи. Ангарский материк он делит на подобласти: Палеоарктическую и Нагорно-Азиатскую, которые в свою очередь имеют более мелкие подразделения.

Анализ Сушкина затрагивает и русский Алтай. «В русском Алтае, как я выявил, — пишет он, — Нагорно-Азиатской подобласти принадлежит юго-восточный угол его, который я везде называю юго-восточным Алтаем: сюда относится плоскогорие Укок с гор-

¹ П. П. Сушкин, Зоологические области Средней Сибири и ближайших частей нагорной Азии и опыт истории современной фауны палеоарктической Азии, Бюллетень Московского общ. испытателей природы, Отдел биологический, новая серия, 1925 г., т. XXXIV, стр. 13, 19, 53, 54 и др.

ным узлом Табын-Богдо, пограничный хребет Сайлюгем, восточная часть Чуйских Альп, Чуйская и Курайская степь и Чулышманское плато», «юго-восточный Алтай был покрыт оледенением, вся фауна его пришлая, и, по условиям сокращения алтайского ледяного щита, она пришла из Монголии, фауна которой, следовательно, уже приняла современные черты ко времени конца оледенения». Северо-восточный Алтай он относит к Палеоарктической подобласти, к провинции тайги. «Уже наблюдения на месте ясно показали мне, — продолжает Сушкин, — фаунистическую близость северо-восточного Алтая к восточно-сибирской тайге, ряд особенностей центрального Алтая и, наконец, резкие отличия юго-восточного Алтая от остальных его частей и тесную связь его с северо-западной Монголией». Отсюда следует, что северо-восточный Алтай принадлежит к северной Палеоарктической подобласти, провинции тайги, а юго-восточный Алтай — к Нагорно-Азиатской подобласти, имеющей тесную связь с северо-западной Монголией. Это различие двух крупных подобластей по климатическим условиям, флоре и фауне следует иметь в виду. Оно имело влияние на зарождение и направление здесь хозяйственной деятельности первых человеческих насельников, вынужденных приспособляться к окружающим природным условиям. Дремучая тайга, покрывавшая северную Палеоарктическую подобласть, с незапамятных времен и на протяжении многих веков доставляла ее человеческому населению то обильную пищу, то суровые голодовки. Весь северо-восточный Алтай, смыкающийся через таежную Шорию с сибирской тайгой, можно считать древнейшим охотничьим районом с весьма слабым развитием производительных сил, с преобладанием архаических черт в производстве. В этот район входит черневая или таежная часть Алтая с длительной зимой, глубокими снегопадами. Границами района служат: на северо-востоке — сибирская тайга, на юго-востоке — Чулышманские белки, на юге — правый приток Катунь р. Кадрин, на западе — правый берег Катунь, на северо-западе — предгорная степь Бийского округа. Некогда этот район сплошь был покрыт дремучей тайгой. Теперь тайга местами совершенно истреблена (район расселения кумандинцев), местами сильно поредела (западная Шория).

Животный мир Алтая, являясь частью животного мира, населяющего Палеоарктическую подобласть, представлен следующими животными: из млекопитающих водятся медведь, волк, барсук, барс, лисица, россомаха, рысь, выдра, хорек, соболь, горноста́й, колонок; из грызунов — белка, заяц, суслик, сурок, бурундук, сеноставка, земляная медведка, мыши, полевки. Рукокрылые — летучая мышь, ушан. Насекомоядные — крот. Копытные — марал, северный олень, лось, козуля, кабарга мускусная (*Moschus moschiferus* по Брему), горный баран, каменный козел, дзерень или газель, сайга.

Итак, стало быть, рассмотрение природных условий не исклю-

чает, а, напротив, делает более убедительным наше указание на древность охотничьего производства в северном и северо-восточном Алтае. Об этом же свидетельствует и фольклор северных алтайцев, который весьма ярко подчеркивает в сказках и многочисленных рассказах ведущее значение охоты в прошлом. В сказках богатыри то и дело промышляют зверей при помощи луков и самострелов.¹ Некоторые сказки начинаются так: «Старик ставил самострелы (айа) на небольших горах, ставил петли возле озер. Что падает в петли и самострелы, брал и тем питался. Старуха копала сарану и кандык и этим питалась».² Предания также передают, что встарину охота на зверя была основным занятием. В предании, записанном у шорцев, говорится, что шорец Куюк, живший на горе близ Кыйзаса, существовал исключительно охотой на крупного зверя. Куюк ходил в тайгу всегда пешком, вооруженный луком и железными стрелами. Его сопровождали только злые собаки, на которых он при возвращении с промысла выючил добычу, так как не имел деревянных ручных нарт. Здесь еще весьма любопытна подробность о выючных собаках. Про Куюка рассказывают еще, что, кроме диких зверей, он ел змей и насекомых. В легенде об Унзас-кая-бажы (скала, с которой берет начало речка Унзас в Шории) богатырь Алдан живет зверовым промыслом, промышляя зверя при помощи лука и цепных собак.³

В недалеком прошлом, в условиях колониальной политики царизма, воспоминания о котором еще прекрасно сохранились у шорцев не только в преданиях, но и в рассказах очевидцев, вся семья шорца принимала участие в промысле, бродя по тайге в поисках зверя. В улусе Калары (Шория) 80-летняя Татьяна Ошкычакова рассказывала, что зимой уходили семьями в тайгу и там жили в деревянных шалашах (агъс). Летом жили по речкам и занимались рыбной ловлей. Женщины, так же, как и мужчины, промышляли зверя на лыжах. В предании, записанном И. Д. Старынкевич у шорцев улуса Кечин, говорится, как кам (шаман) послал своих трех снох в тайгу промышлять и как они настреляли из луков много зверей, убивали даже оленей и сохатых. В настоящее время женщины ставят капканы на мелких зверьков вблизи жилья. Об участии женщины в охоте имеются рассказы и у тубаларов. Даже в 1932 г. у тубаларов еще была одна девушка, дочь старика Кундуса, живущего на устье реки Ирбитту, которая промышляла с ружьем медведей, маралов, козлов. Однако это единственный случай, и только предания говорят об участии женщины в охотничьем производстве. Вообще же у северных алтайцев имеет силу целый ряд запретов, по которым женщина не имеет права даже прикоснуться к орудиям или оружию звериного промысла, что является отражением разделения труда между полами.

¹ В. Вербицкий, Алтайские инородцы, Москва, 1893 г.

² См., например, сказку «Алтын-Мизе», Аносский сборник Никифорова, Зап. Сиб. отд. РГО, т. XXXVII, Омск, 1915 г.

³ Вербицкий, ук. соч., стр. 134.

Дошедшие до нас русские исторические документы изображают жителей Северного Алтая как звероловов-охотников, плативших дань пушниной то киргизам, то джунгарскому «контайше», то русскому царю.¹ Еще из более ранних исторических документов известно, что население Северного Саяно-Алтая в первых веках нашей эры было под властью гуннов, затем сяньбийцев и жужан, которым уплачивало дань. В дани видное место занимала пушнина, а в уплате дани жужанам и железо.

Все это не может не служить достоверным свидетельством о древности охоты на Алтае, последним аргументом в пользу чего мы еще привлечем религиозные воззрения северных алтайцев, отражающие охотничье производство. Краткий очерк этих воззрений дает представление о том, насколько религиозные верования алтайцев были насыщены охотничьим бытом. Любопытно отметить, что обрядов, связанных с земледелием и скотоводством, у северных алтайцев наблюдалось несравненно меньше.

По меткому замечанию Поля Лафарга,² религия подчас является богатейшим музеем древних обычаев. «Человек создает свою религию, — пишет он, — под влиянием окружающих его фактов. Но с течением времени факты меняются и исчезают. Религиозные же формы, бывшие их отражением в человеческом уме, сохраняются».

Религиозное наполнение зверового промысла было настолько обширно, что промысел этот северным алтайцам представлялся почти священным. Вот почему они никогда не допускали в отношении его хвастовства, вранья, насмешки и пр. Даже в тех случаях, когда промышленник отправлялся на охоту, он не находил возможным говорить кому-либо, за исключением родных, о настоящей цели своей поездки. Поехать на промысел требовалось чистым. Перед отправлением на промысел, как утверждают шорцы и кумандинцы, нельзя было иметь сношения с женщиной. Племена Северного Алтая считали, что все звери, населяющие тайгу, находятся в распоряжении духов — «хозяев» — гор, тайги.

Каждого зверя, даже самого маленького, охотник мог лишь поймать с разрешения хозяина тайги. Это в большей степени относилось к крупному или дорогому зверю. Вот почему, когда убивали соболя, самого ценного зверя, охотники размахивали убитым соболем на том месте, где убили, и говорили, обращаясь к хозяину горы или тайги:

Ababispa pis keldibis — С отцами нашими мы приходим.
Ponu perdin ababis oşkaş — Эту же дал, как отцам нашим

¹ Исторические акты XVIII столетия, Материалы для истории Сибири, Томск, 1890 г., стр. 8—9; Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II, Спб., 1885 г., стр. 295—350; Материалы для истории Сибири, Чтения в Общ. истории и древностей российских, 1866 г., кн. 4, стр. 84, 88, 111; Том. Губ. Вед., 1859 г., № 1; Акты исторические, собранные Археографич. комиссией, Спб., т. IV, стр. 58; т. III, стр. 380 и др.

² П. Лафарг, Очерки первобытной культуры.

Ak taskyl per yş yleş — в белой тайге дай, три части
(доли)
Kudaj saga perşe turzun — бог тебе пусть дает.¹

По дороге на промысел охотник проделывал целый ряд действий религиозного содержания. Прежде всего совершает брызгание вином всему встречающемуся по пути, чем-либо отличному по внешнему виду: горам, тайгам, скалам. При этом нельзя было совершать брызгание различным горам из одной и той же посуды.

Шорцы останавливались около высоких, чем либо выдающихся гор, и брызгали абырткой (брагой из солода), говоря:

Purungu ababis cyrgen — Встарину отцы наши ходили.
Em piş jaş yren kaldьbis — Теперь мы, молодое поколение, остались.
Ajlandьbis piş jaş olganar — Кружились мы, молодые парни.
Ajlanganda arьnman odur — Когда ты кружишься, не уставай.
Ajlandьra terlep cyrgen — Кружа, вспотевшему
Kizige (aң naльцна) pirigi — человеку из твоей дичи хотя бы одну ты покажешь...
Ne korgyzen — Благодарение воздадим.
Alkьş perebis

Переваливая на хребет, охотники ограждали себя пихтовыми ветками и тут же их бросали и, обращаясь к taglar-suglar, просили горы и реки дать им благополучие.²

В то время, как мужчины охотились, женщины и все оставшиеся даже дома должны были соблюдать известные правила: нельзя было ни веселиться, ни играть, ни ругаться, ни громко смеяться, иначе белка не придет к охотнику. На реке Кобырзу две семьи поссорились из-за того, что молодежь одной из них пришла с бала-лайкой в юрту другой в то время, как хозяева ее были на промысле.³

По окончании охоты шорцы-охотники благодарили хозяина тайги и огонь. Совершалось обычное брызгание хозяину тайги со словами:

Ababis oşkaş ak taskyl purunаң — Если отцы наши белые вершины (снеговые) прежде переходили,
Pere cyrgen ababis ebire — сюда ходили отцы наши, окружая.
Yrgynур naцьр oturgan — И радуясь домой возвращались.
Pis keldibis edөk yrgyndyrdyң — Мы пришли, также ты порадовал нас.
Kudaj saga alkьş perzin — Бог тебе благословение даст.

¹ Записано Н. П. Дыренковой.

² Сообщено Н. П. Дыренковой.

³ То же.

Домашний огонь (хозяин его — ot icezi) ярким вспыхиванием и треском «извещал» домашних о скором возвращении охотников. Войдя в юрту, охотник обращался к огню.

Кумандинец по возвращении говорил, примерно, следующее:

Кесе kudaј berde	— Переправу бог дал:
Jolm jakşь boldь	— Дорога моя хорошая была.
Абыг encу jān keldim	— С миром (благополучно) возвратился.
Кесиг kudaј mal берге	— Немного бог «скота» дал.

Весьма показательно и то обстоятельство, что в религиозных воззрениях племен Северного Алтая большинство почитаемых духов является исключительно охотничьими духами или же покровителями охоты. Это относится как к мелким многочисленным духам, почитаемым родами, так и к духам, несомненно, позднейшего происхождения, которых чтут целые группы различных родов, племена. Последние духи уже антропоморфизированы, но связь их с охотой все же подчеркивается или в обращениях к ним или в сделанных изображениях, куда непременно входят шкурки диких зверей или их отдельные части (хвост, лапа и т. п.). Таков, например, у шорцев, у тубаларов популярный дух Шаныр.

С именем Şаныр или Сапыр у тубаларов связывалось представление о духе, способствующем удаче охотника в тайге. Почитая его, охотник имел в виду получить помощь во время промысла. Şаныр живет в тайге, там же, где живут и плодятся звери. Внешний вид его рисуется шаманами в молитвах в образе человека с бледными бровями, с посохом из желтой акации, едущего на быстром марале.

В тех случаях, когда охотники проявляли к Şаныр недостаточное внимание, он «наказывал» их различными накожными болезнями (чесоткой, фурункулами и пр.) и во время охоты «заслонял» зверей от пуль охотников железной лопаткой. Şаныр имел силу высушивать тайгу, уничтожать ее пожаром. Гора Чаптыган в долине реки Ишы уже в течение нескольких лет неприятно колет взгляд щетиной обгорелых деревьев. Местные тубалары твердо уверены, что это — дело сильного Şаныр'а. Гибель охотничьего шалаша от огня — причина, заставляющая охотников временно покинуть промысел в виду своего дурного значения, — рассматривалась тубаларами как проявление гнева Şаныр'а. Поэтому, возвращаясь домой, охотники «умилостивляли» Шаныра жертвоприношением şaba (брага) и снова шли на промысел. Вблизи охотничьего стана тубалары подвешивали Şаныр'у ленточки со шкуркой белого (как и всем покровителям) зайца и совершали кропление мешаниной из толкана — ortko (алт. — potko). По традициям тубаларов, Şаныр'у требовалось принести в жертву «саба» (туяс с брагой из ячменной муки и солода) в количестве 3, 5 или 7 ведер. Количество это определялось усердием приносящего жертву. Жертвоприношение совершал шаман. Шаманские мистерии были образны

и продолжительны по сравнению с короткими, импровизированными молитвами охотников.

Жертвенной брагой кропили (tar — изображение) Şаныр'а. После этого присутствующие пили брагу и выкуривали из нее вино, которым также кропили tar. Это моление совершал каждый охотник один раз в три года обязательно осенью перед промыслом. По возвращении с промысла Şаныр'у не молились. Изображений Şаныр'а два. Первое называется tar. Оно состоит из двух небольших и наглухо сшитых берестяных пластинок квадратной формы. Внутри их клали 9 зерен ячменя. К нижней части изображения прикрепляли ленты из коры желтой акации (саркьп), от жимолости (көг, у алтайцев — таја) и конопли (kendir). Все эти составные части имели

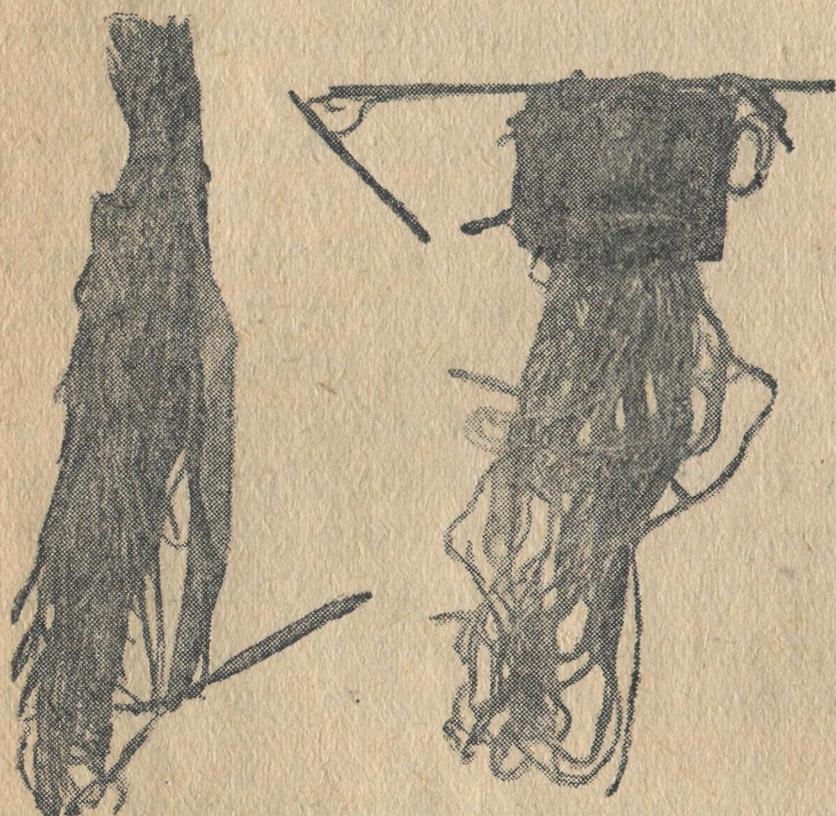

Рис. 2. Изображение охотничьего духа

не только смысл украшения к берестяной основе, но скорее символизировали связь между этим почитаемым духом и охотой, так как первые два сорта ленточек служат материалом для приготовления фитиля к ружью, а конопля идет на чистку дула. Местами эти ленты делали исключительно из акации. Tar Şаныр носили на бедре. К верхней части tar прикреплялась лычкой палочка из желтой акации — это тајак — посох, костыль Şаныр'а (рис. 2). Зерна, зашитые в tar, по объяснению охотников, имеют смысл обещания приносить жертву. Это — задаток Şаныр'у. Tar охотники хранили в амбаре, там, где хранятся и шкурки зверей, и вынимали его только во время моления своему покровителю. Tar, или второе название — пјанськ, значит — мешок.

Другое изображение, называемое мансак (алт. манјак), висело постоянно на огромном деревянном гвозде в почетном углу юрты. Оно делалось из более длинных (10—12 вершков) ленточек желтой акации, жимолости и одной ленточки из материи. Оно тоже имело тајак из акации. Охотники, особенно проникнутые чувством уважения к Şаныр'у, ежегодно перед охотой привязывали к манчаку три новые ленточки из акации. Иногда, по словам тубаларов, манчак приносила с собой женщина вместе с приданым, а муж усваивал этого духа, если он охотник. Поэтому отношение к Şаныр'у было двояким. Если он являлся родовым духом, т.е. чтимым по мужской линии, ему приносили в жертву саба и называли его своим төс'ом — основой рода. Если же он был только духом жены, то ему в этой семье саба не поднимали (кө лырbes), а кропили обычно его изображение вином.

Обращение к Şаныр'у:

Şarь capкьн tajaktu

Şarь tiin ilyly

Jalan jerde turlalu

Koco sьgьн ajдыglu

Teke juңma ajдыglu

Şarь saglak salu

Agьн suga kecy pozotsьн

Altajkada azu pozotsьн

Jalan jerde yleş surазьн

Tajka taştu kultpa

Tezen le cө өр ber

Tilinme kudalap ber

el yleştu jajap — ber

Altьн tepşi tajanьр tur

jele kojон расьлу

Ajгыр kojон jililyg

Attu sьnu yrsy

Adam şаныр bij şаныр

sarь njанськту

jan tala kerer bolzo soltpo

Altajkanь өлөбө

Cok, kajrakan!

- С посохом из желтой акации,
- с подвешенной рыжей (летней) белкой,
- на открытом месте имеющей стоянку (зверей),
- с приносимым маралом-самцом,
- с приносимой самкой каменного козла,
- с желтой бородкой (козлиной формы).
- Через текущие воды переправу прошу дать!
- Через обширную тайгу перевод прошу дать!
- В поле долю (добычу) испроси.
- Каменные горы не изменяй.
- На колени вставши, дай!
- Говоря (вспоминая о боге): дай!
- Народную долю (добычу) сотворивши, дай!
- Опираясь на золотое блюдо, стой!
- (Чествуемый) вырезанным зайцем на шнуре...
- (Чествуемый) подвешенным самцом, зайцем.
- (Лучшим) наваром лошадиного хребта.
- О, отец мой Шаныр! О, начальник Шаныр!
- Имеющий желтый мешок (изображение).
- Большие (почвенные) воды, если переходишь, не высуши.
- Обширную тайну не выжигай!
- Чок, уважаемый!

Если обратиться к шорцам, то у них тоже найдем духов, способствующих охоте. Охотники рода «челей» каждую осень устраивали камлание «хозяину двери» ezik ёzi, который является сыном Ульгения и хранителем человеческого жилища. Ему приносили в жертву туяс с ячменной брагой—ortko. Моление совершал шаман. Вот отрывок из обращения шамана к ezik ёzi, характеризующий этого покровителя:

Sarь şarkьn tajaktu
Peli cok peldiniş

— С посохом из желтой акации,
— с тонкой вихляющейся поясницей,

Sarь tiin sagalu
Ak Ylgeni cargaьg

— с бородой из желтой белки,
— имеющий решение светлого Ульгена...

Это описание очень походит на описание Шаныра. Непочитание влекло за собой дурные последствия: охотник или болел и не выходил на промысел, или во время охоты его преследовали неудачи. Каларцы осенью перед промыслом камлали Рајна. По преданию, Рајна раньше был человеком. Почитающие его охотники получали во время охоты его личную помощь. Не чтящие терпели неудачи. Камлание совершал шаман. В жертву приносили şektos — брагу из просеянного толкана и солода. Она замешивается в количестве 7—9 ведер в берестяном туясе — kusrak. Во время камлания куспак ставили в избе, в передний угол. К нему привязывали березку и сеть для ловли соболя. Большая часть камлания происходила утром. Заканчивалось моление в тот же день вечером.

У шорцев в низовьях реки Кондомы «покровитель охоты» — Saras или Kolunak. Изображение его состояло из белой холщевой тряпочки, заменяющей шкурку колонка. Хранилось это изображение вместе с другими домашними духами и угощалось при отправлении на охоту. От изображения зависил успех охоты. Верили, что он бежит вместе с охотником и мешает ему, перебегая дорогу. Перед охотой его надо было задобрить, чтобы он шел тихо, помогая загонять зверя. Обычно изображение колонка хранилось где-нибудь в амбаре или под крышей в юрте. Перед отправлением на охоту его вносили в избу или юрту, вешали на матицу или втыкали прут, на котором была шкурка привязана, на скамейку. Хозяину колонка брызгали аракы (вином). Если во время брызгания шкурка шевельнется, удачи на охоте не будет. Иногда шкурка эта оставлялась висеть на все время, пока хозяин охотился. Перед самым выходом из юрты охотник брызгал огню и давал ему куски сала, говоря:

Өмнүң, eleri tajkaga pazapotur — Хозяев дома в тайгу веди.
Аң, cok serden, өба tartьpotur — На место, где нет зверя, не веди.
Аң, bar cerge orta pazapotur¹ — На место, где есть зверь, прямо веди.

В качестве примера обращения к колонку может служить и следующий отрывок:

sarь saras cargaьg

— Желтый колонок, имеющий решение.

кьзыl saras attьg

— Красный колонок, имеющий лошадь.

kara kyndus saкаьg

— Имеющий воротник из черного бобра.

Talaj kan-уль

— Морского царя сын.

¹ Сообщение Н. П. Дыренковой.

По среднему течению реки Мрассу, а также в верховьях реки Томи почитался охотничий дух — *kanatъg* — крылатый. Изображение его состоит из двух вилообразных веток березы с тряпочкой посредине. К тряпочке пришиты два пера глухаря. Его также угощали перед охотой. За непочтение *kanatъg* «насылал» болезни живота и мешал охотникам прицеливаться в зверя, мелькая перед глазами.

В низовьях реки Мрассу изображение, подобное *kanatъg*'у, называют *usugat-kan*. Он имелся у охотников и торговцев. *Usugat-kan* угощали маслом и кашей без соли. Его изображение хранили в доме. За непочтение он «наказывал» болезнями глаз и ушей. В верховьях же реки Мрассу и в западной части Минусинского округа, населенной шорцами, охотничьим духом являлся *tajgam*. Изображение *tajgam* вырезано из дерева и имеет лицо с глазами из медных пуговиц.¹

У кумандинцев, по сообщению А. Новикова (1928 г.), охотничьим покровителем является также *tajgam*, или, по другому произношению, *tajgъm*. Изображение его здесь иное. Оно состоит из двух сшитых берестяных пластинок квадратной формы, наподобие изображения *Şalyг'a* у тубаларов (*tar*), только у *tajgam* таких берестяных сумочек две. В каждой из них находятся зерна ячменя: в верхней 9 зерен, в нижней 7 зерен. Обе эти сумки насажены на черемуховую палочку длиной в пол-аршина. Изображение *tajgъm* хранят на вышке избы. Во время камлания достают и приносят в избу и кропят его ячменной брагой — *ortka*. Через 3—5 лет делают новое изображение. Камлают *tajgъm*'у с обыкновенным деревянным луком небольшого размера. После камлания этот лук висит в избе.

У кумандинцев Солтонского района Бийского округа, у шорцов среднего течения р. Кондомы и у шелканцев охотники почитали перед промыслом *şalyг'a*. Изображение его вырезано из дерева, имеет оловянные глаза и бороду из беличьего хвоста.

По рассказам охотников, *şalyг* раньше был человеком, отчаянным и бесстыдным. Он никого не признавал и ходил даже к Эрлику, у которого сломал три двери. Эрлик решил его наказать. Он поставил заряженный самострел. *Şalyг* попался в эту ловушку. Стрела ему ранила ногу и язык. Оттого он не может хорошо говорить и хромает. *Şalyг* часто мучал охотников болезнью — ломотой костей. Ему приносили в жертву *şalamat* (кашицу).

А. Новиков, подробно ознакомившись с нижними и верхними кумандинцами, отмечает, что у степных кумандинцев и у кумандинцев, живущих на границе с шорцами, *şalyг'a* называют *urgen-ēzi*. В других местах он известен под названием «*Şary şalyг*» (кумандинцы и челканцы), «*Cartъ şalyг*» (шорцы—рода челей), «*Şarygan*» (роды чабат, оро куманды, шелканцы, тубалары). В одной из

¹ По сообщению И. Д. Старынкевич (1927 г.), шорцы улуса Кечин перед охотой камлают *tajgam*. На стену в избе вешают ружье. Кам (шаман) брызгает на него абырткой (брагой из ячменя).

легенд, записанных А. Новиковым у кумандинцев, говорится, что Ylgen, которому Şalyg приходится внуком, послал его к людям, чтобы он жил у них в переднем углу избы и оберегал от злых духов, помогал охоте и способствовал общему благополучию. Sarь şalyg помогает также при лечении глаз. Если его прогнать, он хватает охотников за половые органы и наказывает спинной болью. По другим, менее распространенным версиям, şalyg племянник или даже сын Ylgen'я и живет на восходе солнца. Şalyg ведает всей дичью тайги. Охотники нередко отвлекают его внимание от зверей сказками. Şalyg невидимым образом сопровождает охотников в тайге. Кумандинцы, выстроив охотничий шалаш, делают жидкую ячменную кашу (без соли) и бросают ее на дерево, под которым устроен шалаш. Эта каша предназначается şalyg'у (сообщено в 1928 г.). При этом говорят, например:

Şok şoka bolзын сөнөдүр — Чок, чок, будь радостный.
 Şok şok bolзын mendүр — Чок, чок, будь добродетельный.

Внешность şalyg'а мало отличается от внешности şalyr'а у тубаларов или ёзік ёзі у шорцев рода челей: с бородой из желтой белки, с костылем из желтой акации, с тонкой вихляющей поясницей, без ляжек, ковыляющий и т. д.

В качестве образца обращения к şalyg'у приведем отрывок из молитвы, читаемой до выхода на промысел (записана А. Новиковым):¹

şarь şapрын tajктыг — С посохом из желтой акации,
 Sarьgan ріјім — сары-хан, начальник мой,
 Оң көзүп көрөргіме — посмотришь ли правым (справедливым) глазом,
 Оң, саргынь берергіме — дашь ли твое правое решение?
 Сырбыг тајка баптап сүрергіме — Будешь ли водить в прекрасную тайгу?
 Сјалбак тајка баптап сүрергіме — Будешь ли водить в просторную (широкую) тайгу?
 Екі корба абыр болорба — Два прута (лыжи) будут ли благополучны?
 Galbak şanam caraş сүрер бе — Мои широкие лыжи будут ли хорошо ходить?
 Таş осок тајкы болор-ба — Каменный очаг скользкий будет ли?
 Талың кылі сообьс болор ба — Таловая зола остывшая будет ли?
 As тајка аргы ылеş сајар берергіме — Малая тайга, чистую долю сотворивши, дашь ли?

¹ О «Шалыге», или «Чалыге», есть краткие сведения по шорцам, шелканцам, кумандинцам у Г. Н. Потанина в статье «Этнографические сборы»; А. В. Анохина, Труды Томского об-ва изучения Сибири, Томск, 1915 г., стр. 106—107.

Как видно из изложенного, мелкие и более крупные многочисленные духи племен Северного Алтая обнаруживают близкое сходство и имеют охотничье происхождение. Представление об этих духах выросло в обществе, где ведущей отраслью производства являлась охота, где все общественные отношения развивались на базе охотничьего производства, сначала, как увидим дальше, коллективного, впоследствии все более и более индивидуализировавшегося. Вполне понятно поэтому, что охотничьи духи-хозяева так же промышляют зверя, как и люди, и стреляют из ружей; люди иногда слышат их громкие выстрелы.

Религиозные представления отразили и общественное устройство охотничьих племен Северного Алтая, разделявшихся на мелкие роды и промышлявших в определенных тайгах и лесах (подробнее об этом ниже).

Таким образом, в охотничьих верованиях племен Северного Алтая мы находим совершенно определенные указания на звероловный промысел как на наиболее древнюю хозяйственную отрасль для Северного и Северо-Восточного таежного Алтая.

В шорских запретах, правда, действительных не повсеместно, по которым нельзя брать на охоту мясо лошади, коровы, овцы, свиньи или нельзя приносить в жертву огню сало перечисленных животных, а нужно давать в жертву непременно сало зверей, кроется убедительное указание, что все шорцы раньше придерживались этого просто потому, что этих животных не имели, не разводили, т. е. не были скотоводами. Напротив, у скотоводов лошадиное сало и коровье масло считаются одними из излюбленных продуктов огня. Алтайцы, брызгая в огонь лошадиное сало и наблюдая вслед за этим яркое вспыхивание огня, говорят, что «огонь его шибко любит». Любопытно, что шорцы на промысле называют скот условными описательными терминами: лошадь — *trpi* вместо настоящего имени «at», овцу — *şagyr karak* (выпуклоглазая) вместо *koj*, корову — *şyзь birun* (голоносая), свинью — *ser nurkuş* (землю роющая) или *казыр tuңcuk* (крючконосая).

Любопытно, что в большинстве случаев у кумандинцев и шорцев видеть во сне продукты скотоводческой и земледельческой культуры, например, хлеб печеный, муку, пшеницу, мельницу, кошеную траву, молоко, творог, масло, водку, наконец, местами, корову, овцу, свинью и т. д., означало иметь неудачу в промысле. Напротив, ловить птиц, рвать осоку для заворачивания ног вместо онучей, собирать кедровый орех — сулило несомненный успех.

Сопоставим с этим некоторые факты из области обычного промыслового права. Так, например, важность охотничьего ружья в хозяйстве шорца выразилась в запрещении брать его за долг из имущества должника по решению суда паптыка (родового старосты). У тубаларов за убийство охотничьей собаки виновный штрафовался лошадью. Из этого видно, какое значение имела охотничья собака, если она приравнивалась стоимостью к лошади. Такое значение собака в Алтае может иметь только для охотников, ибо, насколько

нам известно, в алтайском скотоводстве собака не играет сколько-нибудь выдающейся роли как сторож стада. Собака используется здесь в охотничьих целях, и полезность ее определилась раньше лошади, что вытекает из того хозяйственного уклада, который сопутствовал охоте и предшествовал скотоводству.

Наконец, преобладающее значение охоты в прошлом мы можем усматривать и в хозяйственных названиях месяцев. Из годового двенадцатимесячного цикла у алтайцев девять месяцев связаны с названием зверей, преимущественно тех, которые служили объектом промысла в данное время года. У тубаларов и телеутов сентябрь месяц носит название «сыгып-ај», т. е. маралий месяц, в других местах Алтая это название дается августу. Теленгиты Восточного Алтая маральим месяцев называют декабрь. У шорцев декабрь называется аң ајь — месяц зверя. У кумандинцев январь — куган-ај, т. е. месяц самца дикой козы, теленгиты Восточного Алтая под куган-ај подразумевают ноябрь. У телеутов и теленгитов мы встретили месяц дикого барана — коскор ај, у первых для февраля, у вторых для января. Апрель месяц у различных родов шорцев связан с названием бурундука «көгук ајь», то же самое название имеем у тубаларов для марта. Октябрь тубалары называют сапа-ај — лыжный месяц, так как в этом месяце по первому снегу идут на лыжах за белкой и т. д.

Необходимо также отметить значение продуктов охоты для племен Северного Алтая в их повседневной жизни вплоть до Октябрьской революции. Достаточно вспомнить, как долго служили шкурки зверей предметом уплаты подати, о чем подробно говорится в главе об ясаке, чтобы представить роль зверового промысла в жизни этих племен. До Октябрьской революции роды, обитающие в Шории, употребляли в пищу мясо почти всех добываемых зверей. Местами ели даже хорьков и колонков, удалив предварительно мускусную железу (сăзу). Шкуры маралов выделялись и повсеместно служили, как служат и теперь, материалом для штанов, курток. Шкуры козуль идут на дохи. Шкурки мелких пушных зверьков на оторочку шуб и шапок. Сухожилия оленей и маралов давали с примесью конопляного волокна прочные нитки, рога — пороховницы, рукоятки к пожам, кожа с ног идет на шитье меховой обуви и обивку лыж. Печень и легкие крупных зверей употребляются для выделки шкур. В шаманском ритуале, в одежде шамана, в бубне (который обтягивался кожей дикого оленя или марала), делали ли изображение духу-покровителю, устраивали ли моление, платили ли калым, подносили ли подарок, — везде шкурки зверей были необходимы. Различные части отдельных зверей имели большое применение в эмпирических и магических способах местного врачевания (сало барсука, сушеный маралий рог, сало, желчь и мозг медведя, амулеты из лап, когтей, волос, экскременты и т. д.).

Обратимся к рассмотрению роли охоты в экономической жизни северных алтайцев, поскольку об этом позволяют судить литературные данные. Здесь мы найдем обильные указания на звероловный

промысел как *главное* занятие, имеющее в хозяйственной жизни того или иного племени основное значение. Для примера возьмем несколько цитат, относящихся к авторам различных времен. Наиболее ранние литературные указания мы находим у Георги: «Звериный промысел у них в чести, — пишет он про телеутов, — гористые их места к оному привольны; да они и времени при малом своем скотоводстве довольно к тому имеют. Будучи на сем промысле, употребляют они лыжи (шана)». ¹ Позднее звероловство у телеутов отмечает Григорий Спасский. ² Паллас ³ фиксирует его у родов карга и кобий, обитающих и теперь в Шории. Обитающие в верховьях реки Томи «верхь томские татары питаются по большей части от звериного промысла и дикими растениями. Земли же совсем не пахут, и потому хлеба не едят». ⁴ Про алтайцев читаем: «В настоящее время звероловство составляет один из главных промыслов алтайских инородцев, достигших в деле звериной охоты изумительной ловкости и искусства». ⁵ О «кузнецких инородцах» сообщает автор под псевдонимом «Заангарский Сибиряк»: «кочевые инородцы занимаются одним только звероловством, стреляя из винтовок, и собиранием кедровых орехов». ⁶ М. Швецов считает, что «главные занятия алтайских инородцев — охота, орешный промысел и скотоводство». ⁷ Относительно кумандинцев мы имеем весьма определенное утверждение: «ореховый и зверовый промысел играют в жизни кумандинских инородцев первенствующую роль. Для кумандинских инородцев, как и для других кочевников горного Алтая, эти промыслы составляют главный источник их благосостояния, и ради них они готовы пожертвовать другими видами своего хозяйства, оставляя сенокосы, уборку хлеба и т. д.» ⁸

Отсюда понятно, например, что во время землеустройства у кумандинцев (в первом десятилетии нашего века) Нижнекумандинской волости, землестроителям приходилось наталкиваться на характерные факты, об одном из которых сообщает Н. Богатырев: «При предъявлении земельного надела Егона, инородцы коллективно заявили свое желание платить за землю, но не в виде денег, а в виде пушнины, как раньше». ⁹

О шелканцах имеется известие В. Радлова: «Все шелканду занимаются земледелием, но лишь настолько, насколько это необходимо для их пропитания, зато они *много и старательно занимаются охотой*». ¹⁰ (*Курсив мой.* (Л. П.)

¹ Описание народов, ч. II, стр. 157.

² Сибирский вестник, 1821 г., стр. 1—10.

³ Путешествие по разным местам Российского государства, ч. III, стр. 508, 514.

⁴ Георги, ук. соч., ч. II, стр. 164.

⁵ М. М., Природа и население Алтая, Томск. Епарх. вед., 1890 г., № 16.

⁶ Кузнецкие инородцы, Томск. Губ. вед., 1858 г., № 9; см. также Журн. мин. вн. дел., 1858 г., кн. V.

⁷ Зап. Сиб. отд. Русск. геогр. общ. 1898 г., XXIII, стр. 28.

⁸ Н. Богатырев, Алтайский сборник, IX, 1908 г., Барнаул, стр. 11.

⁹ Его же ук. соч., стр. 12.

¹⁰ W. Radloff, Aus Sibirien, т. I, стр. 360.

Экономическое обследование шорских хозяйств в 1900 г. показало: на реке Мрассу зверовым промыслом оказались заняты 90% хозяйств, а на реке Кондоме — 80%.¹ Поэтому нужно признать, что в полном соответствии с данными экономического обследования А. Аравийский утверждал: «Пушной промысел основное в жизни шорца, обуславливающее экономическое благосостояние семьи, быт шорца и т. д.».² Даже для нижних кумандинцев, которых в этнографической литературе было принято считать за оседлых земледельцев, имеются сведения, показывающие о недавнем преобладании в экономической жизни кумандинцев зверового промысла, хотя и земледелие здесь получило значительное развитие. По материалам волостного правления, в Нижнекумандинском районе еще в 1908 г. охотой занималось 64% хозяйств, как это видно из приводимой ниже таблицы:

Название сельского общества	Название айлов, входящих в состав этого общества	Количество кумандинских хозяйств	Из них занимаются охотой и сбором кедровых орехов	
			Абсолютное количество	В %
1. Сузопское	Сузоп, Тостоков, Карасев, Курлачан, Кичеков, Ионы	102	83	80
2. Таштинское	Ташта, Кымыжак, Курлек	102	64	62
3. Кубинское	Кубья Пешнер, Сайланка, Ибеке	72	58	80
4. Караканское	Каракан, Бехтемир	38	18	48
5. Сарыковское	Сарыков, Карлых, Теберек, Подчайный	104	66	63
6. Алешкинское	Алешкин, Иртышкин, Бугочак, Калташ	118	57	48
7. Ужлепское	Ужлеп, Озерки, Елташ, Егона	108	65	60
8. Елейское	Елей, Пильненский	52	38	73
	Всего	696	449	64

Совершенно очевидно, что основные экономические отношения у племен Северного Алтая складывались и развивались вокруг зверового промысла как ведущей отрасли производства. Между прочим, зверовый промысел имел большое значение и для крестьян-алтайцев горных, скотоводческих районов Алтая как промысел, к которому обращались разорившиеся скотоводы, чтобы приобрести средство для уплаты подати.

В таежных частях Алтая охота на зверя являлась преобладающей и ведущей отраслью производства; в период русской коло-

¹ К. Миротворцев, Южная часть Кузнецкого имения, Труды земельно-лесных чинов Алтайского округа в 1910 г., Барнаул, 1911 г., стр. 25.

² Шория и шорцы, Труды Томского краевед. музея, т. I, Томск, 1927 г., стр. 124.

низации (первая четверть XVII в. по 1917 г.) под влиянием усиленного спроса на пушнину со стороны казны и рынка охота стала быстро переходить на мелкотоварные рельсы. Производители-охотники Северного Алтая раньше своих соседей-скотоводов сделались объектом царской колониальной эксплуатации и к 1917 г. работали исключительно на рынок, сбывая всю продукцию в руки хищников-скупщиков. На основе звероловческого хозяйства развилась и окрепла торгово-ростовщическая эксплуатация северных алтайцев, которая высосала все жизненные соки этого хозяйства, доведя его до крайнего предела разорения и упадка. Именно на этой основе происходила жестокая эксплуатация трудящихся охотников русскими и своими торговыми партнерами, закончившаяся полным обнищанием производителя. Не случайно киргизские князья, джунгарские ханы и московские цари столетиями вели между собой борьбу за право обладания звероловческими племенами Алтая, так как обложение их данью давало большое обогащение покорителям.

Установив древность происхождения и важность экономического значения охоты у северных алтайцев вплоть до эпохи Октябрьской революции, рассмотрим орудия и технику охотничьего производства. Последнюю задачу нам придется выполнить, руководствуясь преимущественно этнографическими материалами, собранными нами в течение ряда лет в Северном Алтае. К этому вынуждает почти совершенное отсутствие в литературе освещения затронутых вопросов. Разумеется, мы не думаем пренебречь теми немногими замечаниями на этот счет, которые изредка попадаются в описаниях путешественников или в этнографической литературе. Наконец, существенную помощь в этом отношении нам окажут описания этнографических коллекций по северным алтайцам, хранящихся в Государственном Этнографическом музее.

Звероловный промысел на Алтае по своему техническому типу разделяется на пеший и конный, хотя о последнем типе нельзя говорить как о чистом конном: шорцы, шелканцы, кумандинцы и тубалары — пешие охотники. Большую часть охотничьего сезона, приходящегося на зимний период, они проводят на лыжах, а в летнее и осеннее время — пешком. Сойоты называют тубаларов сапагаз — лыжники. Но нельзя не отметить, что за последние десятилетия лошадь уже стала приобретать значение в их пешем быту как перевозочное средство. Например, с осени на лошадях везут большие запасы продовольствия в тайгу, где складывают их на специальные высокие лабазы. Лошадей отправляют назад, а сами ждут первого снега, чтобы стать на привычные лыжи. По мере удаления на запад лошадь имеет больше значения. Тубалары в летнее время ездят по высоким перевалам, подкарауливая маралов, на лошадях. Но с выпадением снега обращаются к лыжам. Живущие еще западнее алтайцы с ранней весны до глубокой осени охотятся на лошади, совершая на ней поездки и зимой, но лыжи им также привычны. Наконец, у теленгитов Чуйской степи лошадь и в зимнее время имеет преобла-

дающее значение. Все же и у них лыжи сохраняются и применяются для восхождения на крутые горы. Однако охота у теленгитов, по крайней мере теперь, составляет подсобное занятие и имеет степной характер. Теленгиты заняты преимущественно добычей сурка. Здесь нельзя говорить о настоящей таежной охоте. Из сказанного следует, что по мере удаления с северо-востока на юго-запад в пеший охотничий быт все больше и больше внедряется лошадь — признак, характеризующий скотоводство, и на крайнем юго-западе Алтая об охоте можно говорить как о придатке к скотоводству. Тубалары в этом отношении в известной мере занимают промежуточное место между северо-восточными и юго-западными племенами Алтая, так как они, будучи охотниками, соединяют в своем быту элементы охоты пешей и конной.

Свою трудную охотничью жизнь северные алтайцы начинали рано. С 16 лет подросток уже наравне со взрослыми совершал по тайге трудные переходы на лыжах, участвовал в облавах и при разделе добычи получал полный пай. Полным ясаком раньше облагались алтайцы с 18 лет. В эти годы юноша считался вполне зрелым охотником. Однако уже 12—14-летние мальчишки десятками верст ходили на лыжах позади отцов. «Для тепла в ноги класть берем» — поясняли шорцы. На деле же это суровая школа будущего охотника. В тайге во время промысла эти мальчишки несли нелегкую работу по присмотру за станом, заготовке топлива и воды. Старик Сафрон Тепчегешев, живущий в верховьях реки Мрассу (Колзаский сельсовет) рассказывал, что он начал брать на промысел с 7 лет своего сына Ивана, который еще сосал грудь матери. Иван шел за отцом на собственных маленьких лыжах. В тайге мальчик сидел в шалаше, присматривая за станом. Когда его отец приходил на ночлег, он учил его целиться из ружья. Однако стрелять Иван не мог, так как у него рука не могла дотянуться до курка. По приходе домой, — рассказывал со смехом Софрон, — его «помощник» первым делом бросался к матери и просил грудь.

Охотничий сезон (по-шорски — согуг) начинался с осени, с середины октября. Кончался осенний сезон в половине ноября. Зимний сезон начинался непосредственно за осенним. Отдохнув немного и приготовившись, северные алтайцы соединялись в артели и выходили на самый трудный и утомительный промысел, отбиваясь от дома от 50 до 200 км. Артели составлялись преимущественно из родственников. При родовой собственности на охотничьи угодья (о чем подробно ниже) иначе не могло быть. В преимуществе родственного принципа при составлении охотничьих артелей нам пришлось убедиться у тубаларов и особенно у шорцев. Даже при промысле пушного зверя, охота на которого ведется по существу в индивидуальном порядке, шорцы объединяются в небольшие артели. Количественный состав артели колеблется от 2 до 6 человек. В возрастном отношении артель также разнообразна. В нее входят и старики, не принимающие иногда непосредственного участия в охоте, и подростки, которые еще учатся стрелять. При разделе добычи все на-

деляются равным паем. Продукты и огнестрельные припасы заготавливаются заранее. Огнестрельные припасы в некоторых артелях покупались сообща и составляли достояние всей артели. Остатки их после охоты делились поровну. У шорцев, живущих в бассейне реки Кондомы, продукты питания каждый приобретал самостоятельно. С таким явлением очень часто мы сталкивались у тубаларов, у кумандинцев Солтонского района. Посуда и котелок для еды у каждого были свои. Объясняли это поверьем, якобы охотничье счастье (ьгьс) каждого охотника находится в котелке. Потому в целях безраздельного обладания счастьем каждый должен пользоваться только своим котлом. Отец и сын, не находящиеся в разделе, могут иметь один котелок. На деле же данное поверье отражает материальную обособленность производителей, которые объединяются в артели лишь на короткий срок, а по существу ведут индивидуальное мелкое хозяйство. Наряду с этим у шорцев верховьев Мрассу мы имели возможность зафиксировать общность питания охотников на промысле. Из одного котла питались по два и по три охотника.

В огромном большинстве случаев объединение родственных артелей у северных алтайцев происходило по отцовской линии. Артели составлялись из наиболее близких родственников по отцу. Тем не менее у рода Ковь, обитающего в Шории, объединение в охотничьи артели происходило предпочтительно по материнской линии. Такие случаи наблюдались и в роде кь (верховья реки Мрассу), однако там это в последнее время запрещалось отцовскими родственниками, причем последние мотивировали запрещение принадлежностью родственников по отцу и родственников по матери к разным родам, в результате чего, говорили они: «У нас тайги разные, пусть каждый у себя промышляет». О родственном же принципе организации артели у шорцев улуса Кечин свидетельствует личное сообщение И. Д. Старынкевич. Шорцы данной местности составляют артели из родственников численностью до 6—8 человек. В каждой такой артели раньше выбирался *paɣtaɣ* (руководитель, глава), который ведал распределением добычи. Подтверждение мы часто встречаем у шорцев. У рода кьзай [кьзылгаја] во главе артели стоял наиболее старший по возрасту охотник *uluglaɣ* или *ulug-kizi* (старший). Он руководил промыслом и делил добычу между охотниками. Делил поровну и сам получал себе равный пай. У рода ковь охотничьим коллективом руководил обычно старик *ulug-kizi*, который еще мог промышлять. Он указывал, какого зверя, где и когда нужно промышлять, расставлял силы охотников; его беспрекословно слушались. Он же делил добычу зверя. У шорцев низовий Мрассу предводителя охотничьей артели называли *ulug-razь*. У рода кь во время промысла артель во всех вопросах руководствовалась указаниями старшего [*uluglaɣ*], которым обычно являлся старший по возрасту охотник.

Необходимо иметь в виду, что за последнее время родственный принцип составления артели не исключает другие. Многие тубалары, шорцы бассейна реки Кондомы, объединяясь в артель, руковод-

ствуются главным образом личными качествами охотника. Неутомимость, неустрашимость, знание тайги, многолетний опыт — качества, ради которых легко пренебрегают родственным принципом.

Сборы на промысел производятся довольно тщательно. Чинится, а иногда и шьется новая обувь и одежда. Каждый имеет свое ружье, несколько капканов, котелок, чашки, топор и съестные припасы. Все это шорцы, шелканцы и тубалары складывают на деревянные нарты [šupa], которые тянут за собой на лыжах (см. рис. 3)¹. У тубаларов и у шорцев встречается, очевидно, более древнее средство для передвижения охотничьего запаса. Мы имеем в виду волокушу

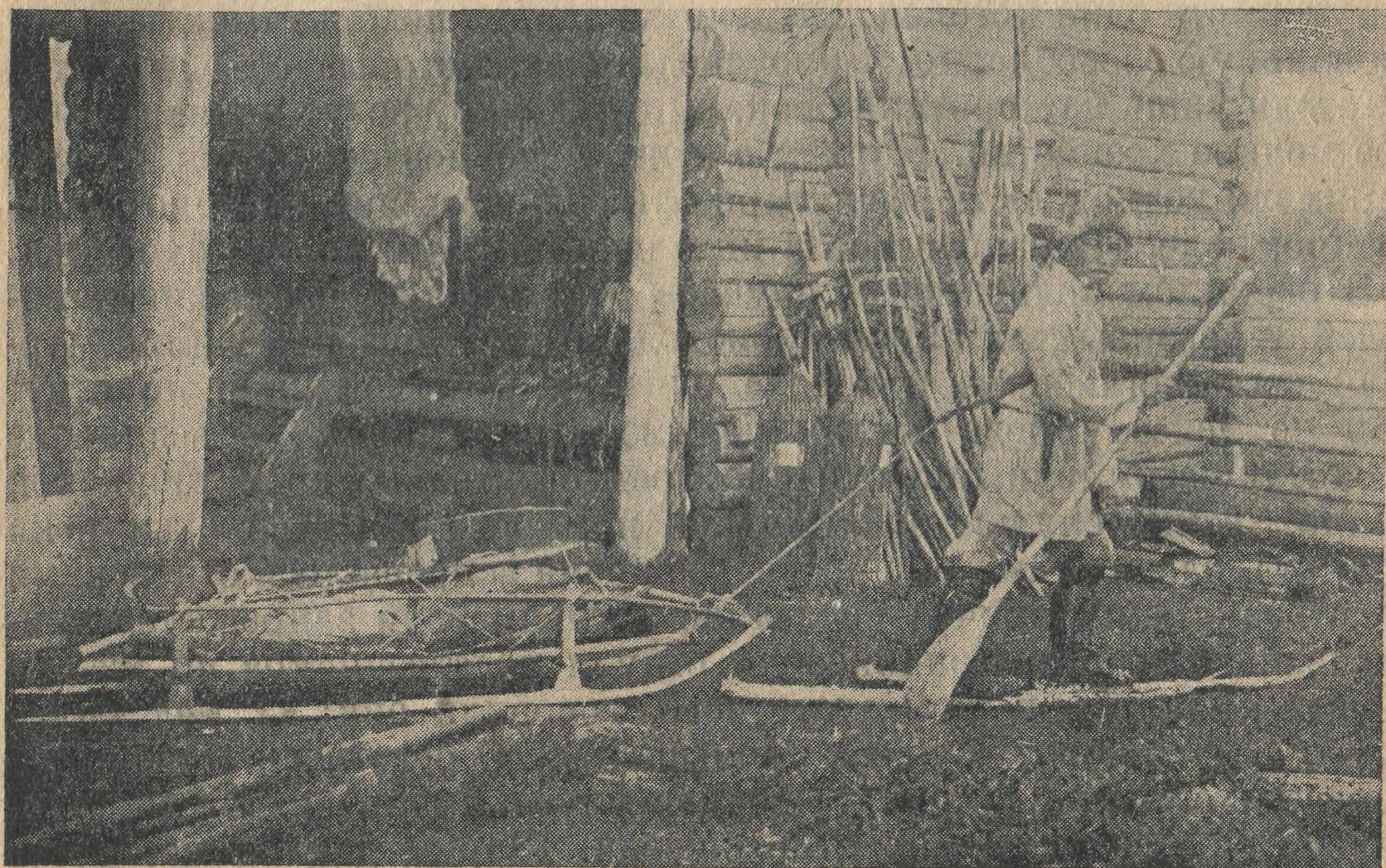

Рис. 3. Охотник в зимнем снаряжении (Шория)

(syrtke), представляющую кусок конской кожи с шерстью, куда запас заворачивается, зашнуровывается и волочится на лямке (сикраг) по снегу сзади охотника. Наряду с этим часто охотник не имеет ни нарточек ни волокуши, в таких случаях привязывает охотничью ношу за плечи. Такая заплечная ноша у шорцев известна под названием «еңмен сикраг» (рис. 4).

Боевые припасы состоят из пороха и свинца. Припасы чаще приобретаются артелью сообща из расчета около 1 кг пороха и по 2—2,5 кг свинца на охотника. Из съестных припасов берется на 1 месяц на 1 человека: крупы пшеничной поджаренной — 16 кг, ячменного толокна (talkan)—8 кг, солода (ьбрак) для пригото-

¹ А. Новиков, посетивший кумандинцев в 1928 г., нарт у них не нашел, но воспоминания о их существовании сохранились. Назывались они kol сапак, т. е. ручные нарты.

ния сытной возбуждающей браги (abьrtкь) по 2 кг, мяса конского — около 24 кг, чаю — $\frac{1}{4}$ кирпича. Тубалары, кроме перечисленного, берут «аарчы» — сушеный творог, смешанный с маслом и замороженный, 1 бычий или бараний желудок (каган), наполненный замороженным маслом, которое они любят класть в чай. Шорцы еще берут измельченную сушеную рыбу, из которой они варят похлебку с шариками из теста, называемую tutpaş.

Таким образом, вес охотничьей ноши, влочащейся сзади, достигает 64—72 кг. Не имеющие şyrtke, взваливают ношу за плечи и уменьшают ее вес за счет сокращения съестного до 22—40 кг.

Так, покачиваясь из стороны в сторону, пробегая на лыжах с таким грузом от 20 до 30 км в день. В руках каждого лыжника лопатка для торможения и урегулирования бега с горы, наподобие руля. Лопатка у шорцев называется кугсек, у тубаларов — это палка (тајак). Этой лопаткой в пути, пересекая замерзшую речку, утомленный шорец пробьет лед, за-

Рис. 4. Охотники шорцы по пути на промысел

черпнет воды, насыплет туда толкану и подкрепит свои силы. Лопатка ему сослужит роль ложки и чашки вместе. Костюм шорца-охотника состоит из грубой короткой, холщевой куртки — kendir, даже не всегда подбитой кошмой и не имеющей воротника. Куртка запахивается пола на полу и стягивается холщевой же опояской, к которой прицеплен нож. Таких курток надевается две или три. Штанов двое — обе пары холщевые. На ногах кожаные обувки — Өлүк — с холщевыми голенищами, стянутыми под коленом. Вместо чулок служит трава, род осоки (*Carex pediformis*), называемая по-шорски uzat и ozagat, у кумандинцев — oјgat. Эту же траву носят и тубалары (oјoц-ot). Голову шорца прикрывает легкая шапка из холста, подбитая разным тряпьем. меховую одежду у шорцев

имеет редкий и берет в тайгу, чтобы «ночью было тепло». Не раз приходилось удивляться, глядя, как спят в шалаше у костра шорцы, подставив теплу обнаженные спины и набросив на ноги и грудь имеющуюся скудную одежду. Порой кто-нибудь из них не вытерпит мороза, поднимется полуголый и разогреет оставшийся суп. Поест наскоро горячего и снова сожмется в клубок. И так несколько раз в ночь.

На груди у каждого охотника висит набор охотничьих принадлежностей: пороховница, мешочек для пуль, пистонница. Описание и название этих предметов будет дано дальше.

По приходе в тайгу, выбрав место для стана, охотники принимаются за устройство охотничьего шалаша. Для этого выбирают толстое, густоветвистое дерево (рај рарак) — кедр или пихту, — под которым и сооружают шалаш. Старший из охотников обычно чествовал рај рарак кроплением толкана, размешанного в воде.

Тубалары вешали на это дерево ленточки трех цветов: синие, желтые и белые. Между ними привязывали шкурку белого зайца или летнюю белку, иногда хвост и голову глухаря. Вслед за этим они обращались к хозяину тайги:

Altъ kьrlu altaika	— Шестигранная обширная тайга.
As jakalu	— С воротником горностая.
Enem bolup emisken	— Как мать моя, питавшая грудью...
Adam bolup azraan	— Как отец мой воспитавший (хранивший).
Jaңr jukras baragъm-barak	— Непроницаемое для дождя густоветвистое дерево.
Jaи тьгъnbas kujaganъm	— Непроницаемое для врага мое убежище.

Развешивали ленточки вблизи стана и шелканцы (живут по реке Байгол).

Шорцы ленточек не вешали, а, придя на место охоты, огребали снег, ставили из пихтача шалаш где-нибудь около пихты или кедра и тут же обращались к этому дереву, брызгая на него абырткой:

Raj torum salbodur	— Богатый шишками расти,
Parak paştъn raj kuzuk	— с мохнатой вершиной богатый кедр,
Pis cakъъ taban	— мы хорошо найдем (заработаем).

Затем старик из артели замешивал снова абыртки и угощал хозяина горы (Tag-ēzi), брызгая ему:

Amъr cyrerge neme tabarga	— С миром ходить, что-нибудь заработать,
tiin adarga	— белку стрелять.

Некоторые еще говорили:

Разьна куш коцзын

— На вершине птицы пусть
ночуют.

tozine pis koçar

— У основания (у корней) мы
ночуем.

Охотники из рода калар (Шория) обращались к дереву, чествовали его толканом, восклицая:

Şok raj-barak!

— Шок, богатое, ветвистое!

Затем устраивали шалаш. Материалом для него служат срубленные толстые сухостойные деревья. Доски ставятся стоймя, наклонно, верхним концом

упираясь в ствол дерева. Посреди шалаша раскладывают огонь, который не угасает во все время промысла. Стены шалаша обкладывают ветками и забрасывают снегом. Дым поднимается в отверстие, образуемое стволом дерева и приставленными концами досок. Этот тип шалаша наиболее распространен на Северном Алтае. В Шории он известен под названием «агъс». У кумандинцев охотничий шалаш называют odag,

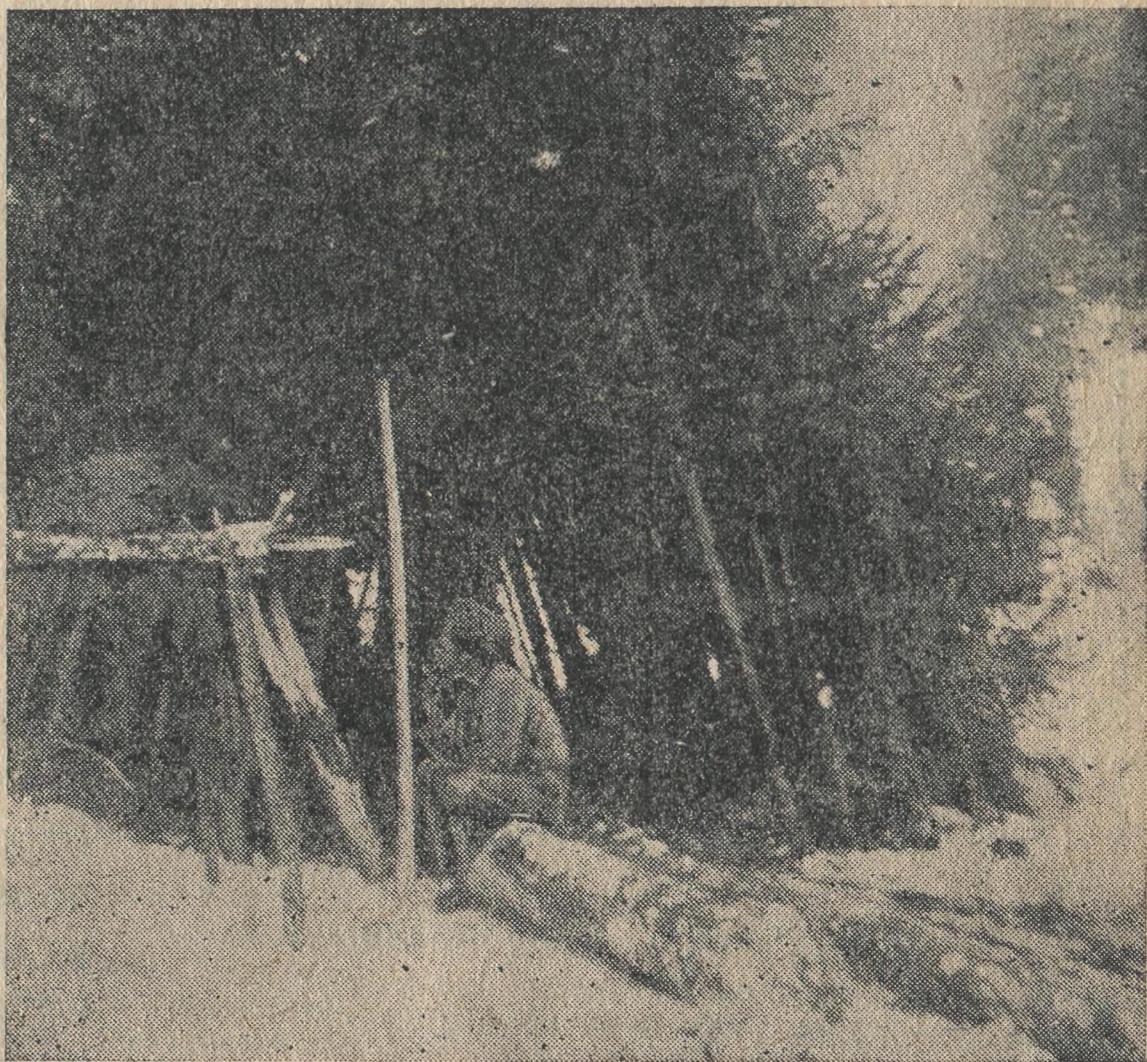
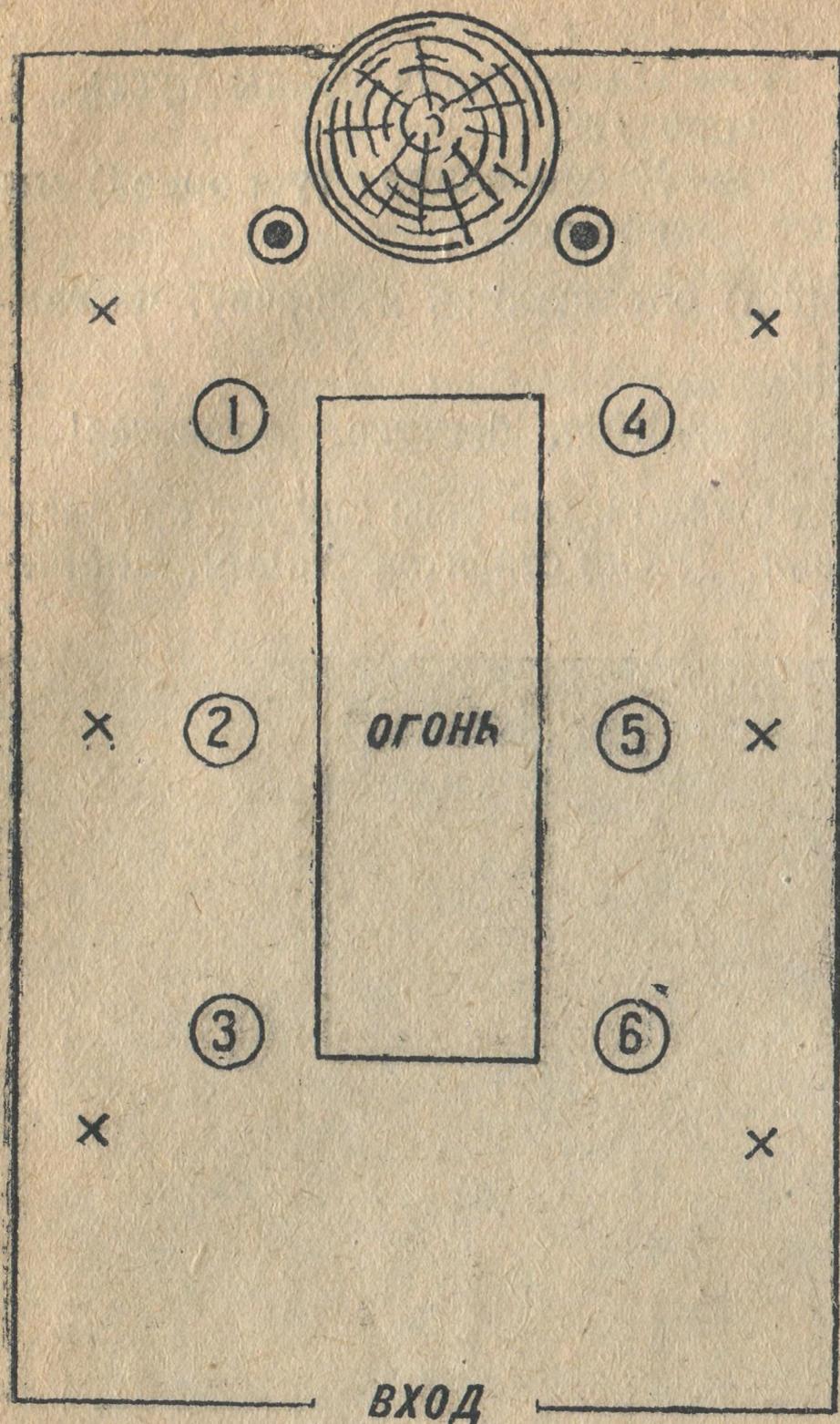

Рис. 5. Охотничий шалаш легкого типа «odag» (Шория)

у тубаларов и шелканцев — odog. Под термином «odag» у шорцев известен охотничий шалаш более легкого и временного типа (рис. 5). На устройство его требуется не больше часу времени. К большому раскидистому дереву ставят наклонно вокруг молодые пихточки с ветвями, последние с внутренней стороны шалаша обрубаются. Бока такого шалаша заваливают ветками. Из него выгребается снег, земля оттаивается, разрывается, просушивается огнем и густо устилается пихтовыми ветками. Шорский охотничий odag легко доступен воде, стекающей с дерева во время оттепели.

Размеры охотничьего шалаша определяются количеством помещающихся в нем охотников, приблизительно из расчета 3—4 кв. м на человека. Высота шалаша достигает 3 м. Вблизи шалаша устраивается настил или сруб на четырех высоких ножках, называемый

- — Места, занимаемые охотниками.
- — Сосуды с ячменной брагой.
- × — Деревянные вешалки для одежды.

Рис. 6. План охотничьего шалаша

1—Место старшего, руководителя охотничьей артели. Одновременно он является старшим и по левой стороне шалаша. Его обязанностью является изготовление и распределение ячменной браги для спутников, поселившихся на левой стороне шалаша. Старшему подчинены все охотники данной артели. 2—Помощник старшего по левой стороне. На его обязанности лежит приготовление продуктов для пищи. Ему непосредственно подчинен младший по стороне. 3—Младший по левой стороне. На его обязанности лежит, во время пребывания в шалаше, заготовка дров, воды и варка пищи. 4—Старший по правой стороне. Подчинен непосредственно старшему по артели. 5—Помощник старшего по правой стороне. Выполняет те же функции, что и его коллега на противоположной стороне. 6—Младший по правой стороне. Обязанности те же, что и у младшего по левой стороне. Охотники каждой стороны имеют общий котел.

сти, стараясь определить приблизительно по следам количество зверя.

tastak. Назначение его — служить хранилищем съестных припасов от когтистых воров, особенно росомахи. Столбики или жерди, на которых держится tastak, гладко отесаны, когтистый хищник не может по ним взобраться. Места в шалаше между охотниками тотчас же строго распределяются, и уже впоследствии никто из них никогда не занимает чужого места, хотя бы оно и было свободным. О порядке распределения мест в охотничьем шалаше можно составить себе представление на примере шорцев. Рисунок 6 изображает план охотничьего шалаша. Порядок размещения охотников был связан с теми функциями, которые выполнял каждый охотник во время пребывания на стане. Он отражал определенное разделение труда охотников, в котором немалую роль играет возрастной момент. Охотники располагались по обе стороны костра. Лучшие места принадлежали старшим. Каждый охотник развешивал на своем месте одежду и оружие. Для этого каждый имел свой *şırşır*, т. е. вешалку, представляющую собой невысокое молодое дерево с коротко обрубленными сучками. По устройстве стана охотники запасают дров и осматривают ближайшие окрестности,

Со следующего утра все расходятся в различных направлениях, отбиваясь от стана на 15—20 км. Уходя, охотник берет с собой ружье, топор и собаку, если она есть. Из съестного несколько горстей толкана. Возвращаются на стан с наступлением сумерок. Если кто-нибудь, напавши на след оленя или соболя, запоздал, он почует где-нибудь под деревом один, чтобы с наступлением рассвета продолжать гонку зверя.

Вечер охотники проводят в еде, разговорах о зверях, называя их при этом условными, иносказательными именами. Рассказывают сказки. Вечером на охотничьем стане оживление. Горит яркий костер. Утомленные охотники протягивают к огню разутые ноги и варят себе пищу. У входа в шалаш, близ костра, греются собаки. Вечером пища варится обильная и по возможности жирная — ночью спать теплее будет. После ужина достают убитых за день зверьков, оттаивают у огня и снимают шкурки. Белку снимают быстро, как и других зверьков. Один надрез ножом, а дальше действуют руками и зубами, через минуту шкурка вешается на сучок или кладется в берестяную коробку (ерсеҕ). Теперь устраивают постели. На костер кладут два-три толстых сухих дерева, которые вскоре ярко вспыхивают. Разговоры стихают, все разваливаются у огня. В руках у каждого саҕаҕ палочка для поворачивания дров и сгребания углей. Кто-нибудь начинает рассказывать сказку. Слушают внимательно. Сказка—про зверей, удалых охотников. Нередко для рассказывания сказок на промысле брали специально сказочника.¹ Происхождение этого обычая объясняют легендой. Жили два брата: Кө төксі (ясновидец) и кајсь (сказочник). Они всегда имели удачную охоту, так как им благоволили «хозяева» тайги. Однажды братья охотились. Вечером кајсь говорил сказку. На стан пришел «хозяин горы» и, оставаясь невидимым, сел на плечи сказочника, слушая его повествование. Он ушел, когда кајсь кончил сказку, и, уходя, сказал: «Как я заслушался сказки, и теперь мой жеребец убит». Второй брат — ясновидец, — все видевший и наблюдавший, не понял лишь одного: какой жеребец мог быть у хозяина тайги? Утром братья пошли осматривать свои самострелы и нашли их наполненными ценными убитыми зверями. В одном из них оказался черный дятел (kara-tas), который, как заключил ясновидец, и служил хозяину тайги жеребцом.

В другом варианте легенды хозяев тайги, пришедших слушать сказку, — трое. Все они в образе голых девиц. Кајсь также говорит сказку, его брат-ясновидец наблюдает. Девы садятся на плечи сказочника, и лишь одна устраивается рядом с ним на корточках. Ее поза смешит ясновидца, и он громко смеется. От этого девы бросаются бежать, но, решив откупиться «лошадью», снова приближаются дослушать сказку. Наутро братья убивают марала.

В шорском рассказе выступает новый элемент. Здесь охотятся три брата: сказочник, ясновидец и ҕооҕсь (игрок на дудке из сухого

¹ На рис. 4 у одного из охотников к поясу прицеплена балалайка, под аккомпанимент которой на промысле говорили сказку.

стебля дягиля). Вечером братья собрались на общий ночлег. Шоорчы взял дудку и стал извлекать из нее звуки, напоминающие флейту. Сказочник говорил сказку, аккомпанируя на балалайке с волосяными струнами. Ясновидец слушал. Вскоре он увидел, как к шоорчы подошли два горных духа. Один из них уселся на переносицу и спустил ноги под нос, второй сел на плечи. Ясновидца это рассмешило. Шоорчы перестал играть, думая, что брат смеется над ним. Горные хозяева обиделись и ушли. При уходе один из них сказал: «У нас есть лошадь со стертой спиной, надо отдать ее этому человеку», и показал на шоорчы. Утром в его петле оказался сохатый.

У кумандинцев данная легенда в нескольких вариантах. Главные лица — *şorçs*, играющий на дудке, и *kəsrəkci*, — ясновидец. Во всех случаях горные или лесные хозяева, преимущественно в образе голых девиц, однако есть среди них и старики. Слушать игру дудочника собирается большое количество этих «хозяев». Из них многие слепые и хромые. Ясновидец смеется над ними вслух. Шоорчы прекращает игру, принимая этот смех на свой счет. Горные хозяева расходятся, и далее следует награда за игру. Ловушки братьев наполняются зверями.¹

Основными продуктами питания на промысле служат толкан (ячменное толокно) и по мере возможности мясо. Тубалары берут с собой также и коровье масло в бараньих или коровьих желудках, в замороженном виде. Берут еще большие кишки, наполненные мелко изрубленным мясом с кровью и кусочками жира. Подобные колбасы возят в замороженном виде. Когда требуется приготовить суп, отрубают кусок такой колбасы и кладут в котелок. Отдельно следует сказать еще об одном довольно оригинальном кушании — «токчок», существующем и у шорских охотников. Оно состоит из толченых кедровых орехов и толкана. Из этой серой смеси, приятной на вкус, делают колобки.

Шорцы на промысле варят суп из белок. Внутренности белки варятся вместе, за исключением прямой кишки. Желудок белки вместе с содержимым печется на углях и употребляется как лакомство. Часто варят *tutpaş*; для этого берут мелко истолченную сушеную рыбу (мелкая рыба сушится и толчется с костями и внутренностями) с кусками конского сала и это заправляют шариками из теста. Любят охотники «абырткы». Для приготовления абырткы в берестяной **туяс** наливают воды, засыпают солод, плотно обертывают туяс в тряпки или кошемку и ставят близ костра к теплу. Это делают с утра. Вечером охотники, возвратясь на стан, находят абырткы готовой: солод закис, забродил. Получается приятная на вкус, сладковатая брага, слегка даже возбуждающая. Ее наливают в чашки, прибавляют туда толкану и пьют. Охотники-шорцы очень ее любят и уверяют, что она придает крепость и неутомимость.

Птиц — рябчиков, тетеревов и т. п. — шорцы варят, но дятла черного всегда жарят на углях.

¹ Кумандинские варианты по материалам А. Новикова.

В зависимости от времени года характер пищи охотников изменяется. Находясь в тайге поздней весной или летом, много употребляют пищи растительной. Черемша, или «калба» (*Allium ursinum*), слизун — рагыр (*Allium nutens*), кандык — мес (*Erythronium Dens canis L.*) и многие другие растения, как и ягоды, до некоторой степени умножают пищу охотника.

За отсутствием настоящего чая пьют бадан (*kalcar*) (*Bergenia crassifolia (L.) Fritsch*), сердцевину сухой березы или белоголовник, что значит — «сын чая» (*šij-ulʹ*).

Довольно часто во время промысла охотники голодали. Запаса, взятого из дома, нехватало, тогда ели мясо всех без разбора попавшихся зверьков. Если не было и такого мяса, то, как видно из личного опыта Софрона Тепчегешева, варили даже кожаные охотничьи мешки для толкана, которые были сшиты из сыромятной кожи, снятой с головы лошади (*At razʹ tabak cigen*).

Перейдем к описанию приемов охоты на отдельных зверей.

Охота на марала. Тубалары называют марала, как и кумандинцы, *сьгьп* — самца и *ть jgak* — самку. Кроме того, молодых маралов (телят) различают по возрасту и соответственно с этим называют: *saradak* — однолетнего, *казьк тус* — двухлетнего, *palanut* — трехлетнего. Шорцы марала называют *сьп*. Маралы водятся по всей территории черневых и кедровых лесов, но главные районы маральных отстоев, согласно В. И. Верещагину, «водоразделы между притоками Катуня, южнее реки Куюма с одной стороны и Сары-Кокшей, Кара-Кокшей и Уйменем — с другой, а также верховья рек Сумульты и Кадрина».¹

Маралья охота разделяется на два сезона: весеннюю и осеннюю. В эти времена года они имеют специальный характер. Начнем с описания первого.

Уже с мая месяца, когда появилась первая зелень, когда шкура марала не представляет какой-либо ценности, а мясо его жестко и нежирно, охотники, невзирая на это, деятельно начинают готовиться к охоте, проявляя к ней совершенно исключительный интерес. Этот интерес находит объяснение в физиологическом процессе, который в это время происходит в организме марала. Процесс этот — нарастание и набухание свежих рогов, покрытых мягкой шерстью и наполненных своеобразным органическим веществом жидкой консистенции. Рога, срезанные у марала до начала окостеневания, готовятся особым образом, сушатся и в таком виде представляют большую ценность в виду их усиленного спроса за границу — в Монголию, Китай. Между прочим, есть литературное указание, что «маральи рога тоже во множестве покупаются в Хиву, Бухарию, Ташкент и Коканд»,² но это было в прошлом.

Таким образом, весной главная цель маральной охоты — добыть

¹ В. Верещагин, Очерки Алтая, журн. «Сибирский рассвет», Барнаул, 1919 г., № 5, стр. 72.

² Н. Ананьин, О торговле маральими рогами, преимущественно отправляемыми в Китай, Томские Губ. вед., 1859 г., № 5.

столь ценные рога. Здесь придется привести один из примеров глубокой наблюдательности охотников, подметивших совпадение роста маральных рогов с размерами роста одного из зонтичных растений, называемых у них *suu paltyrgan* — борщовник (*Heraclium Sib*). Наблюдая вблизи жилья размеры роста этого растения, охотники в соответствии с этим составляют себе представление и о размерах рогов марала, чтобы во-время выехать на охоту. С началом цветения *suu paltyrgan* рост рогов у маралов прекращается, после чего рога начинают затвердевать. Охота в этот сезон происходит по хребтам высоких гор на границе леса и альпийских лугов. Там, где чаще всего пробегают маралы, устраиваются «солонцы» (*kujur*). Для этого участок земли в 1 кв. м засаливается двумя способами: в земле при помощи палки делают несколько дыр, насыпают туда соли и забрасывают ее землей или же вбивают несколько осиновых кольев и обливают их насыщенным горячим раствором соли. Марал, почуяв соль, начинает ходить лизать ее, но удовлетворить свою потребность в ней ему не удастся. Целыми ночами он роет землю и на рассвете уходит, чтобы на следующую ночь снова притти. Этим и пользуются охотники, с вечера выезжающие на солонец, если они заметили, что марал его посещает. Определив при помощи дыма, куда дует ветер, с подветренной стороны охотник устраивает караулку (*кагаул*) из камней и веток и с заряженным ружьем садится в нее на ночь. Если марал придет в эту ночь, участь его предрешена. Порой встречаются естественные солонцы, где охотники также устраивают караулки. Охота на солонцах протекает в одиночку. Весной же охотники подкарауливают маралов перед восходом солнца, когда маралы идут к ручьям или снегам отдохнуть на день.

Убив марала-рогача, немедленно отрубают ему голову и подвешивают ее рогами вниз, потом снимают шкуру, разрубая мясо. После этого варят в подсоленном чае. Варка рогов требует большого опыта. Их все время обмакивают в кипящий состав различными частями, держа в нем каждую не больше 2—3 минут, проделывая это в течение получаса. Сваренные рога сушат, повесив под дерево. Сохнут они один или два дня. Вес сушеных рогов колеблется в зависимости от размера от 2 до 12 кг. Ставят на маралов также и самострелы.

Переходя к описанию осеннего периода маральной охоты, необходимо отдельно сказать о сентябре месяце, как наиболее благоприятном в этом отношении, о чем говорит и его алтайское название «Сьгып ај» (маралий месяц). Отдохнувшие за лето на привольном корме маралы испытывают потребность в оплодотворении, и этот месяц характерен маральими гонками — *сајзарга*. Охотники в этот период ездят по перевалам, подражая при помощи особой дудки крику маралух. Возбужденные самцы бегут на этот зов и становятся добычей охотника.

Дудка для подманивания маралов — *авьыгь* сделана из лиственницы, что гарантирует ее от рассыхания. Она состоит из

двух выдолбленных половинок. Половинки эти складываются. На них натягивают кишку (барана или телянка), скрепляют деревянными кольцами, высушивают, и абыгь готова. Иногда половинки склеивают серой лиственницей. Не трудно видеть, что это орудие весьма примитивно и, вероятно, очень древне. Охотники выходят на высоты, выбирают подходящие места — ketkin-jer места, где пробегают звери, и кричат в эту дудку. Узкий конец ее вставляется в угол губ, и для получения звука воздух втягивается в себя. Иногда с абыгь охотятся и весной.

Глубокой осенью охотники подкарауливают маралов на высоких горных хребтах, когда маралы идут на зимовки в малоснежные места. В это же время устраиваются и коллективные охоты-облавы. Охотники разделяются на загонщиков и сторожей. Последние, быстро ориентируясь, занимают лучшие места, обыкновенно выходы из долины или котловины, где и убивают бросившихся искать спасения животных. Осенняя охота на марала доставляет прочную шкуру с прекрасной, густой шерстью и сочное, жирное мясо. Остается сказать еще об одном способе охоты, протекающей зимой, — это гонка по насту или глубокому снегу.

В это время маралов ловят для продажи мараловедам. Охотники гонят маралов на лыжах и утомляют их до такой степени, что марал падает обессиленный, уткнувшись головой в снег. Тогда его связывают и тащат волоком по снегу, через пни, колодины, камни. Не удивительно, что половина их гибнет от такого обращения. Ушедшие маралы также гибнут в большом количестве, так как, разгоряченные бегом, с жадностью хватают снег и простуживаются. Хищническое истребление маралов повело к их быстрой убыли. В настоящее время охота на маралов запрещена. Подобная охранительная мера была применена и раньше. В 1896 г. «на общем съезде всех семи алтайских дучин был постановлен приговор, по которому охотиться на маралов-самцов можно только весной, когда рога самцов достигают значительной величины и могут идти в продажу; на самок — в конце лета, так как к этому времени телята уже достаточно окрепнут: за убийство марала в другое время виновный уплачивает штраф от 40 до 60 рублей».¹ Нередко охотники нарушают постановление. Маралов продолжают выбивать, вернее — добивать, при каждом удобном случае. Но довольно успешное одомашнивание их путем заключения в маральники позволяет надеяться на сохранение этого благородного вида, могущего составить столь важную доходную отрасль животноводства.

Медведь (аји, азьд). Наиболее подходящим месяцем охоты на медведя считается декабрь — время окончательного перехода его в сонное состояние. Еще в ноябре, когда шорец охотится на белку, он старается замечать медвежьи берлоги, руководствуясь при этом своеобразной приметой. Медведь выбирает себе берлогу с осени, обычно пещеру, и отмечает это место надламыванием близстоящих

¹ М. Швецова, Алтайские калмыки, Барнаул, 1897 г., стр. 30.

мелких деревьев. Подобные медвежьи отметки и ищет охотник. Каждую найденную берлогу охотник отмечает своим особым знаком на близстоящих деревьях, и берлога становится его собственностью.

Зимняя охота на медведя всегда носит коллективный характер. Несколько охотников, объединившись, идут к берлоге, соблюдая при этом ряд правил, вытекающих из религиозных воззрений.¹ Подойдя к берлоге, немного отдохнув, охотники рубят жерди и загораживают выход из нее. Когда находят, что сделанное заграждение достаточно прочно, один из охотников берет длинную жердь и начинает будить медведя. Остальные, укрепившись на своих местах, стоят с ружьями наготове. Если при помощи жерди не удастся разбудить зверя, тогда его будят дымом. Встревоженный и разъяренный обитатель берлоги разламывает преграду и в это время падает, сраженный выстрелами. Его обматывают веревками, вытаскивают, потрошат.

Если устье берлоги достаточно узко, в нее вставляют обрубленное дерево, вырванное бурей вместе с корнями. Ствол проталкивают в берлогу, а корневая часть остается снаружи. Разбуженный медведь, наткнувшись на препятствие, начинает тянуть этот обрубок к себе, но никогда не толкает в обратную сторону. Корневая часть обрубка весьма прочна, поэтому втащить эту преграду в берлогу ему не удастся. Выждав, когда медведь утомится, охотники загораживают выход и убивают его. Иногда случается, что медведь быстро выберется из своего логовища и раны, нанесенные ему, не окажутся смертельными. В эти моменты он становится очень опасным. Охотники бегут от него, обязательно в гору, на ходу перезаряжают ружья и отстреливаются.

В отношении индивидуальной охоты можно сказать немного. Зимой она производится чрезвычайно редко и присуща исключительно выдающимся охотникам. Но в весенние и летние месяцы индивидуальная охота находит свое применение несравненно чаще. Медведя ищут в лесу или подкарауливают вблизи жилья. Ставят на медведя и самострелы и петли. Мясо медведя едят и заготавливают в сушеном виде. Мозг медведя тубалары высушивают и употребляют как присыпку при глубоких порезах в качестве кровоостанавливающего и заживляющего средства.

К зуля (elik, kiik). Самец — kuran, самка — kerekşin, однолетняя козуля — saar. Охота на этого зверя протекает круглый год. Лучшей порой является осень, когда шкура козули отличается прекрасными качествами: прочностью, мягкостью шерсти, а мясо бывает сочным и жирным. По приемам охота на козуль одинакова с маральей. Можно только сделать некоторые дополнения относительно облавной охоты при помощи деревянных загородей (таң), тянувшихся на несколько километров. Например, осенью, во время

¹ См. Л. П. Потапов, Пережитки культа медведя у алтайских турков, Этнограф. исследователь, изд. ЛГУ, 1928 г., № 2.

перехода козуль на зимовки в вершины Абакана, где глубина снега не так значительна, как в тайге, шорцы устраивают на пути, на правом берегу Мрассу, большие загороди из жердей, называемые *şeden*, в которые и ловят козуль. Загороди устраиваются летом, чтобы постройка резко не выделялась своим новым видом среди окружающей обстановки. Устройство их довольно просто. На некотором расстоянии от берега, параллельно течению, на протяжении нескольких километров строится высокая загородка (выше человеческого роста). К этой основной загороди пристраивается ряд перпендикулярных перегородок, такой же величины, имеющих проходы, куда ставят петли из конопляной бечевы. Получается подобие просторных пригонов из трех стен, с открытым выходом к реке. По краям этого сооружения, вверху и внизу по течению, ставятся охотничьи избушки-шалаша. Охотники поселяются в них заранее и живут неделями, дожидаясь хода козуль, постоянно имея караулы и соблюдая всяческую осторожность, чтобы не выдать своего присутствия.

Козули, идущие с левого берега Мрассу, переплывают реку и выходят на берег. В этот момент охотники выходят из засады и открывают стрельбу. Часть животных сразу же падает, сраженная пулями, большинство их в безумном страхе бросается вперед, наталкивается на изгородь, мечется в диком испуге и несется в боковые проходы, где застревает в петлях. Немногие из переплывшего стада уходят живыми.

Эта охота, несомненно хищнического типа, требует большой затраты труда и терпения, но результаты ее бывают чрезвычайно обильны.

У шорцев на козулю еще охотились при помощи солонца (*şorug*). Солонец устраивали в озерах, куда засыпали около 8 кг соли. Вблизи солонца с подветренной стороны устраивали караулку (*tastak*) в виде настила на дереве, где помещался замаскированный ветками охотник. Исключительно на козуль солонцы ставили в тех местах, где преимущественно водится козуля. Обычно же на таком солонце подкарауливали и оленей, сохатых и даже медведей, которые приходили, почуя соль. Этот тип охоты носил более всего индивидуальный характер. Иногда шли караулить козулю вдвоем.

Следует упомянуть еще об интересном и весьма первобытном приеме, применяемом весной, в мае месяце. В это время у козуль появляются детеныши. Охотники бродят по тайге и при помощи берестяной пискульки (*ediski*) подражают крику молодых козуль, подманивая самок.

Шкура козули в жизни алтайцев имеет большое значение. Из нее шьют шубы-дохи, штаны, меховые сапоги, рукавицы. На шубу идет 6—7 штук крупных шкур, 8—9 более мелких.

Олень северный (ak-kirik). Встречается в Шории и северо-восточном Алтае. Этот вид животного в настоящее время здесь довольно редок. Охота на него имеет характер скорее всего случайный. Впрочем, в местах, где охотниками определенно замечено присутствие этого

животного, ставятся петли (tuzak). Этот прием охоты на оленя особенно часто фигурирует в сказках, которые обычно начинаются «Охотник жил, на оленей петли ставил» и т. д. Любопытно охотятся за оленем зимой шорцы. Увидев на снегу следы оленя, охотник сбрасывает с себя лишнюю одежду, иногда оставляет даже ружье, и с палкой несется на лыжах по следу. Нередко бывает, что такой удалец загоняет оленя до полного изнеможения и убивает ножом. Растопив еще в теплой шкуре оленя снег, охотник утоляет свою жажду, берет с собой сильную часть мяса, остальное прячет на дерево и возвращается к товарищам. На следующий день они заберут эту добычу. Между прочим, шорцы говорят, что при подкрадывании к оленю нужно все время держаться направления головы оленя, так, чтобы приходиться ему «между глаз». Зверь тогда не видит и подпускает близко, если к нему приближаться с подветренной стороны.

Олень весьма желанная добыча для охотника. Его шкура, рога, мясо и сухожилия находят применение в хозяйстве.

Лось (*rylan, rylan, rlan*). Это животное в Шории и таежной части Алтая встречается еще реже, чем олень. Встретить сохатого — большое счастье и редкая случайность. Охотятся на него летом и зимой. Ставят петли, самострелы, устраивают даже загороди, подобные описанным выше для охоты на козуль. Еще не так давно охота на сохатого была обычным явлением. Вербицкий пишет: «Хозяин нашей юрты много лет ловит лосей зимой, делая для них загороди с воротами, в которых наставлены самострелы, и летом петлями, которые ставятся вблизи озер, куда лоси любят скрываться от комаров в воде и с удовольствием питаются здесь сочными корнями кувшинки (*Nymphaea alba*)». Подробные сведения можно увидеть и из рассказов охотников. Последние, отмечая опасность охоты на сохатого, передают интересную подробность. Когда сохатый, загнанный охотниками-лыжниками, устает, он останавливается и начинает активно обороняться, бросаясь на неосторожно приблизившихся. Орудия самозащиты у сохатого — обычно рога и копыта. Кроме того, он больно плюется кусками льда, которые образуются у него во рту при хватании снега набегу. Будто бы были случаи, когда такая «пуля» попадала охотнику в глаз и делала его кривым.

Соболь (*kis*). В настоящее время еще водится в наиболее глухих и недоступных местах Алтая, в верховьях реки Сумульты, частично по реке Кубе, по высотам, на границе леса и лугов, в каменных россыпях, преимущественно на юго-запад от Телецкого озера. Передают, что есть соболь и по верховьям реки Башкауса. В Шории местообитанием для него служит район группы гор во главе с Мустагом.

Алтайский соболь по качеству своего меха считается лучше «кузнецкого» или «красноярского». Паллас характеризует соболей этих мест следующим образом: «Наибольший прибыток получают охотники от соболей, коих там довольно много; но оные не велики и коротковолосистые, однакож часто попадаются весьма прекрасные

и черные. При том Алтайские соболя из вышележащих стран весьма предпочитают Кузнецким и Красноярским». ¹ Про абаканских и чулымских соболей неизвестный автор пишет в «Лесном журнале» за 1847 г. «Здесьние соболя хотя и не велики, но желтоваты и почитаются в торговле последними. Соболя улучшается по мере приближения к востоку, и за рекой Леной нет уже худых соболей». ²

Сезон охоты на соболя непродолжителен. Его началом надо считать выпадение первого снега, концом — январь месяц. Любимым местообитанием соболя являются каменные россыпи (kogum). Нередко он находит себе убежище в дуплах деревьев, под корнями. Несмотря на то, что промысел соболя протекает только зимой, он делится на два периода. Первый период можно считать до декабря включительно, и ему присущ коллективный вид охоты. Вторым периодом — январь — время соболиной «гонки». Здесь охота носит характер индивидуальный. Коллективная охота производилась прежде при самом тщательном соблюдении особых правил охотничьего поведения, вытекающего как из религиозных воззрений, так и из знания жизни и привычек этого зверя, — это считалось необходимым условием охотничьего успеха, а ценность соболиной шкурки делала этот успех сугубо привлекательным. ³ Дождавшись выпадения снега достаточной глубины, артель охотников в 3—4 человека идет на лыжах в поиски соболя. Кроме обычного снаряжения, охотники имеют еще сеть длиною около 120 м, шириною в 2 м. ⁴ Охотников сопровождают собаки. Напав где-нибудь в россыпи на след соболя, напоминающий след кошки (след от задних двух ног производит впечатление следа от одной ноги), и убедившись, что соболя не вышел из россыпи, охотники окружают ее сетью. Сеть устанавливается на палках. Нижний край ее придавливается камнями и засыпается снегом. Сеть снабжена в различных местах колокольчиками. Днем соболя не видно, он прячется под снегом в камнях. Тогда внутри круга, образуемого сетью, разводят несколько небольших костров. Соболя не терпит дыма и вскоре выбегает из убежища. Он мечется по кругу, всюду натывается на сеть, старается пробить себе выход и в конце концов запутывается. Его вынимают (при этом он отчаянно кусается) и умерщвляют удушением, положив голову на лыжу под левую пятку. В это время, по охотничьим поверьям, нельзя было смотреть на умирающего зверя. Случается, что охотники выследили соболя поздно вечером, окружили его сетью, но в таком случае предпочитают не выгонять его в сумерках из убежища, ибо за ним тогда трудно следить, он может где-нибудь прогрызть сеть и убежать. Охотники дожидаются утра, всю ночь, не смыкая глаз, сидят с ружьями наготове. Вот здесь-то и призваны сыграть свою роль колокольчики и

¹ Паллас, ч. II, стр. 296.

² Зверинные промыслы у народов Туркского языка, обитающих в Южной Сибири, Лесной журнал, 1847 г., № 43—44.

³ См. Л. П. Потапов, Охотничьи обряды и поверья у алтайских турок, Культура и письменность Востока, кн. V, 1929 г., Баку.

⁴ У тубаларов сеть на соболя называют сир; у шорцев низовий Мрассу — апак-

собаки. Если соболь ночью вздумает удалиться из данного места, он неминуемо наткнется на сеть, о чем сигнализируют колокольчики. Охотники, разбившись по разным участкам, по звуку определяют то место, где соболь пытается пробраться через сеть. Они в тот же момент спешат туда с собаками.

В январе эта охота принимает иной характер: промышленники расходятся на промысел в одиночку. Придя к россыпям, они по долгу бродят вокруг них, внимательно изучая следы. След соболя теперь значительно глубже и отчетливее, так как во время «гонки» они бегают друг за другом по одному следу. На таких следах охотник расставляет несколько капканов, особенно на поворотах следов. Поставить хорошо капкан — дело довольно сложное. Для этого охотник отходит в сторону от следа метра на полтора, предварительно воткнув около следа палку. Снег в январе бывает весьма глубок, свыше двух метров, благодаря чему охотник получает возможность подвести под след подкоп. Прорыв узкую лазейку под снегом до того места, где охотник наткнется на воткнутую палку, он в этом месте осторожно разрывает снег кверху и проделывает это до тех пор, пока не заметит просвечивания следа. После этого в образовавшейся пустоте под следом ставит капкан и выползает обратно. Заваливает лазейку и уходит, заматавая свою лыжную дорогу веткой или палкой.

Здесь приходится иметь дело с той кропотливой осторожностью и трудностью в приемах охоты, которые свойственны лишь опытным таежным звероловам.

Остается сказать еще об одном способе охоты на соболя. Нередко, напав на след, охотник гонит соболя с собакой. Соболю ищет спасения на дереве. Охотник, обеспечив ему невозможность отступления, опять же при помощи сети, которую ставит вокруг дерева, убивает зверька из ружья.

В хозяйстве для натурального потребления шкурка соболя редко употребляется для себя. Главное ее назначение — продажа, особенно теперь, когда соболь так редок. Убив одного или, реже, двух соболей в год, охотник увеличивает в полтора-два раза свой доходный бюджет.

Выдра (катди, у шорцев — катпа). До последних дней этот зверь, шкура которого представляет большую ценность в любое время года, водится по речушкам в глухих уголках Алтая, особенно в Шории. Выдра отличается особой осторожностью, и охота на нее сопряжена с значительными затруднениями. Охотятся на нее несколькими способами. Осенью с собаками бродят по берегам речушек. Некоторые собаки весьма умело определяют местонахождение выдры.¹ В таком случае речку два раза перегораживают часты-колом, возвышающимся над водой приблизительно на один-полтора метра. Одна перегородка ставится выше (по течению) предполагае-

¹ Между прочим, некоторые шорцы говорят: если месяц (луна) новый, выдра в верховьях реки идет, если старый — спускается в устье.

мого убежища выдры. Эта перегородка — сплошная. Вторая ставится ниже и имеет в том месте, куда с большой силой бьет течение, отверстие, в которое вставляется сеть наподобие рукава, называемая у шорцев *paга*, у тубаларов — *torkabu*. Таким образом выдра оказывается в плену. Охота на нее производится 3—4 охотниками и протекает очень оживленно. Как только перегородки поставлены, один из охотников занимает место около сети, другой с ружьем у верхней перегородки, а двое идут с собаками по разным берегам и с помощью палок производят в воде шум, вспугивают выдру. Обеспокоенная выдра стремительно бросается вниз по течению, наталкивается на перегородку, ищет выхода и обычно попадает в сеть, после чего сеть немедленно извлекается. Если же выдра бросается вверх по течению, она натывается на верхнюю перегородку; не найдя возможности проникнуть через нее, она показывается на поверхности воды и гибнет от пули. Случается, что выдра выбегает на берег, где ее настигают собаки. Шорцы часто делают обе перегородки сплошными. Тогда у каждой из них стоит охотник с ружьем. Стоит выдре показать голову из-под воды, как она погибает от меткого выстрела. Тубалары часто перегораживают реки зимой, сделав предварительно две проруби через всю ширину реки, куда вбивают колья. Расстояние между перегородками — 75—100 м.

Зимой охотники подкарауливают выдр около прорубей в лунные ночи во время «гонки» и стреляют из ружей. На больших реках по следам ставят самострелы. Выдра считается одним из самых хитрых зверей. Хитрость выдры распространяют даже на ее биологическое свойство не линять. Эту особенность тубалары и шорцы «объясняют» следующим образом. Процесс линьки зверей они рассматривают как уплату дани горному или лесному хозяину. Выдра, как известно, живет в воде и на суше. Так вот, когда она на суше находится, говорит, что уплатила дань водяному хозяину (*sugdъn ēzi*), а когда в воде живет, говорит, что горному хозяину (*tagdъn ēzi* или *tudъn azi* у тубаларов) уплатила, потому и не линяет.

По сравнению с соболем выдра чаще употребляется в местном быту. Шкурка ее служит опушкой на дорогих шапках и шубах, но все же главное назначение ее — продажа.

Кабарга (тубаларское — *tabъrgъ*, шорское — *torgaș*).¹ Обитает преимущественно по кедровым лесам. У Брема она названа мускусной кабаргой — *Moschus moschiferus*. На этого зверя охотятся осенью и зимой. Осенью охота коллективная. Выследив в какой-либо долине кабаргу, охотники загораживают ей выход городьбой (*maц*). Эта городьба состоит из ряда срубленных и последовательно наваленных друг на друга «гуськом» деревьев. В промежутки между ними подвешиваются на пол-аршина над землей веревочные или провололочные петли. Таких изгородей ставят несколько в ряд, в парал-

¹ Вербицкий приводит телеутские названия «*tobyгъ*» и «*toогъ*», Словарь, стр. 357 и 363.

лельном направлении, иногда они образуют треугольник. Длина изгородей от 1 до 5 км.

Зимняя охота чаще одиночная. В это время года тайга покрывается глубоким снегом, и кабарга уходит в высокие, мало доступные места. Тогда охота приобретает характер выслеживания с ружьем и на лыжах, но без собаки, ибо последняя легко может испугнуть этого очень чуткого зверя.

У кабарги дорого ценится половая железа самца (*kin*) — «кабарговая струя», сильно пахнущая, ради которой собственно и добывается кабарга. Маленькая шкурка кабарги с грубой, толстой, хотя и густой шерстью расценивается недорого. Мясо кабарги употребляется в пищу и считается вкусным. Шкура идет на изготовление дох, штанов, рукавиц. Muskusная железа принимается шаманами для возбуждения.

Росомаха (тубаларское — *jeken*, шорское — *кунсек*). Охота на нее начинается с выпадением первого снега. Напавши на след росомахи, охотник-шорец гонится за ней на лыжах с одной палкой и, замучив, убивает. Любопытный факт передают про нее охотники. Спасаясь от преследования, росомаха от поры до времени ложится на спину и пускает в наступающего охотника струю мочи. Моча ее ядовита. Попавши на кожу человека, она вызывает болезненное воспаление пораженного участка. Росомаху охотники не любят за ее воровство съестных продуктов.

Рысь (тубаларское — *зылузун*, шорское — *us*). Наиболее подходящее время для охоты — выпадение первого снега. Охота почти всегда одиночная, основанная на преследовании и загонке рыси на дерево, где ее стреляют. Шорцы убивают ее, как и росомаху, простой дубинкой. Рысь обычно гонят с собакой. Собак берут испытанных и опытных, иначе охотник легко может лишиться своего незаменимого спутника. Кроме этого, по следу зверя раскидывают мясо (белки или зайца и др.) и вблизи расставляют капканы или подвешивают петли. Устраивают в таких местах и караулки. Шкура рыси обычно продается, но наряду с этим употребляется для себя. Шьют из нее шубы (алтайцы). Рысий мех шел на обшивку шаманской одежды у алтайцев.

Лисица (*tolkij*). Охотятся зимой облавами, ищут по следу с собаками, ставят различные капканы. Шкурку почти всегда продают. Мясо шорцы едят.

Колонок (*saras*). Колонок живет под корнями, в дуплах. Гнездо выстилает мохом. Охота на него производится всю зиму и в настоящее время является одной из самых доходных. Ловят его с собакой, ловят деревянными капканами, кулемкой, стреляют из ружья, когда он забирается на деревья. Спасаясь от охотника, колонок забегает на высокие деревья и прячется в дупло. Дерево это охотник срубает и к выходу из дупла ставит капкан, а потом выгоняет колонка. Этот прием считается наиболее верным.

Белка (тубаларское — *tiin*, шорское — *tiin*). Белку бьют из мало-пульных винтовок в продолжение всей зимы. Охотники передают

интересную подробность из образа жизни белки. Она имеет по несколько гнезд. Каждое гнездо мягко выстлано мохом. В течение зимы белка то и дело меняет гнезда по той причине, что в моховых стенках заводятся блохи. Белка в таких случаях покидает гнездо, сменив его на другое, и вымораживает блох. Мясо белки служит существенным подспорьем в пище охотника на промысле. Оно нежно и обладает приятным вкусом, напоминающим мясо кролика.

Барсук (porsuk). Охотятся на барсука осенью. С помощью собаки отыскивают его норы и разрывают их. В одной норе иногда живет до 15 барсуков, хотя детенышей у барсуков не бывает больше двух. Барсуков душат собаки, поэтому редко приходится обращаться к помощи ружья. Для собаки барсук — соперник довольно опасный. Нередко собаки лишаются своей охотничьей профессии именно потому, что барсук нос искоусал. Шорцы барсука едят, а вообще же он добывается ради шкуры и сала.

Заяц (kojon, kozan). Охотятся зимой, чаще всего петлями. Шкурки идут на шапки. Мясо едят.

Бурундук (kørik — у тубаларов и køryk — у шорцев). Охотой на бурундука преимущественно занимаются подростки. Весной, в апреле (Lø uk aǰь — бурундучий месяц), ребяташки выходят за улусы в лес, садятся у дерева и начинают подманивать свистом бурундуков. На приблизившегося зверька они надевают волосяную петлю, насаженную на длинную палку. Шкурки бурундука продают, шьют из них шапки, а мясо едят. Ловят этих зверьков и небольшими капканами, стреляют из луков деревянными стрелами.

Крот (тубаларское — номон или jersiek, шорское — taksarta-baš). Добывать крота стали совсем недавно, в связи с появлением на него спроса в заготовительных организациях. Ловят кротов с весны до глубокой осени. Занимаются этим также женщины и ребяташки. Они устраивают маленькие кулемки. Местами, вблизи норок кротов, вкапывают в землю березовый туяс, наполовину наполненный водой. Кроты, перебегая из норы в нору, падают туда и тонут.

Оружие и орудия промысла

Выше мы уже указывали, что оружие, применяемое на охоте северными алтайцами, весьма примитивно. Ружья их прежде всего разделяются на ружья, приобретенные в Монголии или частично изготовлявшиеся на месте (в черневых районах), и ружья русские. Первая категория — это шомпольные ружья с запаянным казенником, вторая — по преимуществу патронные дробовики с затвором. Первая категория разделяется на кремневые (multyk-taš), фитильные (myltalu multyk) и пистонные с продольным нарезом (kьrlu multyk). Ниже будет дано их краткое описание, а теперь приведем еще их подразделение по качеству или характеру боя. Шорцы различают по этому признаку два типа ружей: syrekty multyk (ружье с сердцем), хорошее ружье, бьющее зверя наповал, и syrekty sok multyk (без сердца) — пронизывающее пулей зверя на-

вылет (повидимому, дальнобойное), но не причиняющее зверю смертельной раны. В низовьях реки Мрассу подобные ружья называют: *kan tutpas multyk* — не задерживающее крови ружье, и *kan tutas multyk*, т. е. держащее кровь. Тубалары также различают *jurekty multyk* (ружье с сердцем), *jurekty jok multyk* (без сердца) и называют еще один тип ружей — *korondu multyk* (ядовитое), самое лучшее. Рана, пробитая пулей такого ружья, всегда смертельна и имеет одну особенность: кровь из нее не выбегает, а «кипит» там, как выражаются тубалары.

В связи с этим практикуется улучшение убойности или «поронности» ружья. Шорцы промывают канал ствола крепким раствором сулемы. Тубалары заряжают его белыми цветами *kandьkтың enezi* (мать кандыка) и, подержав некоторое время цветы в стволе, стреляют. После этого убивают три сороки или вороны, мяса которых не едят. В зверя сразу стрелять после этих цветов нельзя, так как пуля отравляется, и мясо убитого зверя становится непригодным для еды. После указанной операции ружье называют «коронду мултык» — ружье с ядом — или *jurekty multyk*.

На крупного зверя алтайцы употребляют фитильное ружье, называемое *kondoј multyk* (без нареза). Пуля для этого ружья чугунная, крупного калибра. Она вводится в канал ствола без шомпола. Большое неудобство это ружье представляет в том отношении, что из него нельзя стрелять под гору — пуля выкатится. Подобное ружье, только пистонное, есть и у шорцов (*kyzei multyk*). Насколько широко распространены были примитивные шомпольные ружья, видно из следующих данных. Например, в Улаганском (промысловом) аймаке Ойротской автономной области при частичном анкетном опросе даже в 1927 г. удалось получить яркие цифры. Из общего числа 650 ружей в 477 обследованных хозяйствах оказалось шомпольных 621, или 95,54%, причем шомпольные делились на пистонные — 352 ружья, или 54,14%, и фитильные — 269 ружей, т. е. 41,40%.

Приведем краткое описание этих ружей и их обычных принадлежностей.

Ружье фитильное. Ложе (*кьндак*) его сделано из лучшего кедрового дерева, в которое вставлен и привязан железный ствол местной выработки. Ствол имеет четыре продольные нарезки. Патронник ружья запаян, но сообщается через маленькое боковое отверстие с правой стороны с железной полкой, куда в момент выстрела прикладывается тлеющий фитиль. С правой стороны ложа на боку устроен кожаный карман. В нем помещается фитильный шнур. Шнур одним концом вставлен в вилку курка. Ружье снабжено деревянными рогатками, назначение которых — служить опорой при стрельбе. Стреляют обычно с колена.

Ружье имеет чехол, сшитый из шкуры барсука шерстью наружу. Надетый чехол достигает прореза мушки и здесь завязывается. Он служит для предохранения фитиля и заряда от сырости. Заряжается фитильное ружье с дула. Сначала засыпают порох, за-

тем непосредственно за ним, без пыжа, заколачивают пулю. Вес такого ружья колеблется от 4 до 6 кг.

Ружье кремневое отличается от фитильного только способом зажигания пороха. Воспламенение последнего происходит здесь в результате высечения искры кремневым курком.

Дробница представляет мешочек из кожи местной выработки, напоминающий по форме кисет. Подвешивается к поясу.

Пороховница тоже делается из кожи, но кожа здесь мягкая, похожая на замшу. Пороховница имеет два отверстия: в одно насыпается порох, второе переходит в мерку для пороха, сделанную из кончика маральева или козлиного рога, украшенную орнаментом. Она закрывается кожаной или тряпичной пробкой. Есть еще пороховницы из маральего рога в виде тонких, слегка изогнутых трубок, и кожаные, в виде бутылки.

Пистонница — полый рог с деревянной крышкой. В крышке отверстие для насыпки пистонов (для пистонного ружья).

Пыжи делаются из моха, растущего на деревьях, «медвежьей бороды» (saalak). Шомпол (syume) — из жимолости (ьrgaj).

Обогадивши свою охотничью технику важнейшим приобретением — ружьями, алтайцы смогли самостоятельно обеспечить себя и огнестрельными припасами. Пули и даже порох они умели готовить сами. Еще из показания урянхайца Чообу Хорина в марте 1760 г. мы узнаем: «На Катуне урянхайцев Саянской волости при старшине Долдое 100 человек и поныне стоят, летним временем кочевать приходят на реку Ебоган и в Кан и зимой кочуют около озера Кеньга и на речке Кумрюку. За 30 верст от них кочуют Зайсан Кувшин; зимой, а особливо летом, они, с подвластными Кувшина, часто видятся, на мену привозят хлеб, табак, серу горючую, селитру и железо, а у них берут соболей, лисиц, лосины и проч. Из той селитры и серы они уже сами делают порох, а пули куют из железа.¹ (Курсив мой. Л. П.)

В 1790 г. комендант Бийской крепости сообщал, что на юго-востоке от Бийска в калмыцких улусах есть места селитренные, способные для делания пороха.²

Н. М. Ядринцев сообщает: «порох выделывают алтайцы на Башгаусе и Чолушмане (реки) сами, он весьма крупный».³ Его приготовление кратко описывает Я. Попов в статье «Алтай». «Каменные стены пещеры как бы потеют, — описывает он пещеру Бий-Шебези. — Эта отпотеть селитренного свойства, она застывает и осыпается; цвет ее темно-серый. Говорят, что из этой отпоти калмыки [алтайцы. Л. П.], сделав порошок, варили в воде с серой и углем и получали из этой смеси порох, прибавляя медвежью или сурковую желочь».⁴

¹ Материалы для истории Сибири, Чтения в Общ. ист. и древ. росс., 1866 г., кн. 4, стр. 113—114.

² Словцов, Историческое обозрение Сибири.

³ Н. Ядринцев, Об алтайцах и черневых татарах, Изв. РГО, 1881 г., вып. 4, стр. 239.

⁴ Том. Губ. вед., 1858 г., № 41.

Чрезвычайно любопытно, что алтайцы употребляли для стрельбы пули, которые готовились следующим образом: бралась каменная листовница (ају съпъс), разогревалась на огне и смешивалась с чистым песком. Из такой серой смеси катали шарообразные пули требуемого калибра, которые, затвердевши, прекрасно служили своему назначению. Ими стреляли и соболей. Назывались они бор-ок (серые стрелы). Должно быть, эти самые пули имеют в виду Юхнев¹ и только что цитированный Попов, отмечая, что «белок бьют глиняными пулями». Весьма вероятно, что эти пули у алтайцев предшествовали железным и свинцовым. Между прочим, пуля у алтайских племен называется ок — в переводе значит стрела. Это показывает, что стрела предшествовала пуле.

Ружью у северных алтайцев несомненно предшествовал лук. У племен Северного Алтая, как и вообще у всех алтайцев, охотничий лук является одним из древнейших и основных орудий производства. В охотничьем производстве населения Алтая лук непрерывно служил важнейшим орудием производства от палеолита до XIX в. включительно. Царская колониальная политика на Алтае, тормозившая развитие производительных сил покоренных алтайцев, исключительным образом способствовала застою их хозяйственного развития. Благодаря политике систематического грабежа и угнетения, которую проводил царский колониальный аппарат на Алтае от казака, купца, миссионера, чиновника до крестьянина-кулака включительно, у алтайцев свыше 300 лет господствовали невероятно отсталые приемы хозяйствования, в значительной части унаследованные с тех далеких времен, когда развитие труда еще находилось в пеленках. Вот почему еще во второй половине XIX в. у алтайцев употреблялся на охоте лук.

В своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс пишет, что изобретение лука и стрелы знаменует собой начальную стадию высшей ступени дикости. Благодаря луку и стреле «дичь стала постоянным средством питания и охота — одной из нормальных отраслей труда. Лук, тетива и стрела образуют уже очень сложное орудие, изобретение которого предполагает долгий, накопленный опыт и изощренные умственные силы, а следовательно, одновременное знакомство с множеством других изобретений». «Для дикого состояния лук и стрелы были тем же, чем железный меч для варварства и огнестрельное оружие для цивилизации, — решающим оружием».²

Главнейшим источником для суждения о длительном существовании лука на Алтае служит археологический материал. Последний указывает на существование лука на Алтае в эпоху, предшествующую употреблению металла, о чем свидетельствует находка на реке Ян-Улаган. Здесь в грунтовых погребальных ямах лежали окрашенные костяки, и в грудном позвонке одного из них торчал

¹ Горный Алтай и его население, т. I, вып. II, стр. 108. См. также пули на Саяно-Алтайской выставке Гос. Этногр. музея — шкаф с охотником.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, 1932 г., стр. 22, 23.

глубоко вонзившийся кремневый наконечник стрелы.¹ Погребение относится к ранней стадии родового общества.² Позднейшие погребения в предгорьях Алтая (в б. Бийском округе), относящиеся к эпохе родового же общества, синхроничные погребениям, обнаруженным близ деревни Андроновой б. Ачинского округа,³ также дают возможность утверждать, что население этой эпохи охотилось на зверя при помощи лука и стрел. Тем более это нужно сказать про погребения, синхроничные карасукским (близ Батени в Хакасии), исследованные по реке Оби близ села Большереченского.⁴

В более поздних погребениях, датируемых примерно VII в. н. э., следы, говорящие об употреблении лука, обнаруживаются также систематически. Находки состоят преимущественно из костяных и медных стрел трехгранной формы, приспособленных для всаживания в древко, а также остатков таких древков (см. курганы № 2 и 4 на реке Бухтарме).⁵ В курганах близ г. Бийска и г. Сrostки костяные стрелы найдены вместе с бронзовыми стрелами и железными ножами.⁶ В курганах по р. Катанде, раскопанных В. Радловым, костяные стрелы попадаются вместе с железными стрелами — трехлопастными, с широкими лопастями,⁷ там же обнаружены остатки лука наряду с железной саблей, копьем, ножами и заступом. В могильнике близ аила Кудерге, по р. Чулышману, найдены железные наконечники стрел, трехлопастные, плоские, однолопастные — несколько типов. Эти наконечники «имеют тонкие черенки, вставляющиеся в древко, при некоторых из них встречаются полые костяные шарики с прорезами, издающие при полете стрелы свистящий звук».⁸ «Поющими» стрелами славились древние «ту-гю» китайских летописей, обитавшие в Алтае. Подобную стрелу Радлову показали телеуты в 70-х годах прошлого столетия. Он пишет: «На одной из стрел между древком и наконечником был укреплен пустой роговой шарик с несколькими отверстиями».⁹ При полете такая стрела издавала гудение и могла употребляться при военных операциях, имея целью оказать влияние на моральное состояние противника.

¹ С. И. Руденко, Погребение человека каменного века в Восточном Алтае, Природа, 1926 г., № 5-6.

² См. Саяно-Алтайскую выставку в Этнограф. музее, шкаф № 3.

³ См. С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае, Материалы по этнографии, т. III, вып. 2, 1927 г.; его же, Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, 1929 г.

⁴ М. П. Грязнов, Древние культуры Алтая, Новосибирск, 1930 г.

⁵ А. В. Адрианов, К археологии Западного Алтая, Изв. Арх. ком., вып. 62, Петроград, 1916. г.

⁶ Грязнов, ук. соч., стр. 7.

⁷ Aus Sibirien, т. II, Leipzig, 1884 г. См. также Записки Русск. арх. общ., т. VII (новая серия), Спб, 1895 г.; А. А. Захаров, Материалы по археологии Сибири, Труды Гос. Истор. музея, вып. I, Москва, 1926 г.

⁸ С. И. Руденко и А. Н. Глухов, Могильник Кудырге на Алтае, Матер. по этнограф., т. III, вып. 2, 1927, стр. 45. См. также коллекции 4392—7, 8 в Сиб. отделе Гос. Этнограф. музея.

⁹ W. Radloff, Aus Sibirien, т. I, стр. 336.

как это думает Н. Козьмин.¹ Однако не менее вероятно употребление «поющих» стрел и при охоте на зверя. Так, например, в сказках тубаларов мы встречаем стрелу *kesty ok* (буквально, с глазами, с дырочками). По объяснению тубаларов, такие стрелы встарину употребляли при охоте на марала. Когда марал уходил от охотника, последний выпускал ему вслед свистящую стрелу, и это будто бы задерживало марала, который останавливался и прислушивался к свисту, озираясь по сторонам. У шорцев низовьев Мрассу нам рассказывали, что у них также охотились с поющими стрелами, которые назывались *окса съгырткыс*. Наконечник этой стрелы делался из рога, имел три отверстия, которые при полете стрелы издавали звук, и окрашивался в красный цвет. Еще совсем недавно такая старинная стрела имелась в улусе Тетенсу и только года два тому назад была продана сотруднику Томского краеведческого музея.

В могилах Кудырге найдены и остатки колчанов из бересты. Но особенно ценно обнаруженное здесь изображение лука, которое дает представление о форме и внешнем виде его, что крайне важно, так как луки, захороненные в могилах, гнивают. Изображение лука находится на костяной обкладке передней луки седла из могилы № 9 и представляет собой короткий лук с сильно загнутыми концами. При этом на рисунке хорошо виден широколопастный наконечник стрелы, такой же формы, какая найдена в этом же могильнике.² Между прочим, интересно отметить, что в могилах Кудырге вместе с колчаном была найдена связка стрел, слегка утолщенных и заостренных на конце, не имеющих металлических наконечников. Очевидно, такие стрелы употреблялись для охоты на ценных пушных зверьков и предохраняли шкурку убитого зверя от порчи. Доброкачественная пушнина была нужна алтайцам для уплаты дани различным могущественным феодалам Азии, в зависимости у которых алтайцы постоянно находились.

Между прочим, в сказках тех же тубаларов упоминаются тупые стрелы с утолщением на конце, они назывались *tomog* и также имели целью сберечь шкурку ценного зверька от порчи. Любопытно, что в фольклоре северных алтайцев, особенно в сказках, мы находим живую иллюстрацию и описание археологического материала по части стрел. Кроме упомянутых, в сказках северных алтайцев упоминаются следующие типы стрел: *кајbur-ok* — боевая, медная стрела, *sogon*.³ Последнее название бытует до сего времени. Алтайцы правого берега Катуня под термином «*sogon*» в настоящее время подразумевают стрелу самострела или же стрелу, составляющую часть деревянного капкана, которая прижимает пойманного зверька. Старик Бардымаш Тюхтенов, живущий по реке Куюму (правый приток Катуня), сообщил нам, что термином «*sogon*» вста-

¹ Хакасы, Иркутск, 1925 г., стр. 19.

² С. Руденко и А. Глухов, ук. соч., рис. 1.

³ В. Вербицкий, Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка, Казань, 1884 г., стр. 116.

рину называли стрелу ручного лука, который назывался *saadak*. У тубаларов в настоящее время термин «*saadak*» употребляется в значении стрелы ручного лука. У шорцев — это лук с полным прибором, а у телеутов — богатырский сказочный лук, наделенный свойствами живого существа. Далее, в сказках тубаларов называется стрела *kastak*. По сообщению Вербицкого,¹ телеуты термином «*kastak*» называют наконечник стрелы. В сказках шорцев верховьев Кондомы это богатырский лук, обладающий свойством ходить, разговаривать, поражать врагов.² У алтайцев, живущих по правому берегу Катуня, *kastak* значит деревянная основа само-стрела, ставящегося на крупного зверя. У шорцев рода калар с термином «*kastak*» связывается представление о хорошей примете, сулящей успех в охоте.³ Наконец, в сказках же встречается термин «*jebe*», означающий стрелу. У телеутов он до последнего времени означал стрелу с железным наконечником, который у тубаларов называется *sim*, а у правобережных катунских алтайцев *sar*.

Кроме того, в сказках алтайцев часто фигурируют луки богатырские. Они «были большие, черные и крепкие (*ortakşyn*) с железною стрелою. Стрелы были 60- и 90-конечные. У хана Тюдея лук был из рога тика (*Capra sibirica*), а тетива из цельной маральей кожи».⁴ Из насмешек, которыми один род дразнит другой род, можно заключить, что луки обкладывались берестой. Так, про род *tabьskь* (обитает по реке Чумышу) говорят: «*tas tabьska, Sas jurtlug, sagolok nemnig, tos saadaktьg* и т. д., т. е. плешивые тобыски, живущие в болоте, питающиеся сагалаками (маленькая усатая рыбка), с берестяными луками и т. д.»⁵ Перечисленные выше археологические находки и увязывающиеся с ними примеры из фольклорного материала достаточно убедительно свидетельствуют о древности и широком употреблении лука в Алтае.

В начале XVII в. русские завоеватели застали племена Северного Алтая охотившимися с луком. Это подтверждается официальными документами кузнецких воевод, которые в отписках своих московскому государю упоминают, что при сборе ясака у неплатежеспособных «татар» брали луки и таганы железные «в соболей место».⁶ Известно также, что северные алтайцы, будучи до присоединения к России «киштымами» — данниками — Алтын-хана, затем данниками «контайши» — джунгарского хана, — платили дань стрелами железными. Из «Розыскного дела о жестоких поступках с калмыками бывшего кузнецкого коменданта Бориса Синявина, по жалобе на него калмыцкого князя Байгорока Табунова» мы узнаем, что сборщики контайши приезжали из Урги к кумандинцам, шор-

¹ В. Вербицкий, Словарь, стр. 133.

² В низовьях реки Кондомы легендарный богатырский лук фигурирует под названием «ортакшын» (Словарь Вербицкого, стр. 222).

³ Л. П. Потанов, Охотничьи обряды и поверья у алтайцев, стр. 129.

⁴ В. Вербицкий, Алтайские инородцы, М. стр. 144.

⁵ Потанин, Очерки северо-западной Монголии, т. IV, стр. 938.

⁶ Акты исторические, т. III, стр. 374.

цам, шелканцам и собирали алман (дань) железными наконечниками стрел.¹ В число железных изделий, которыми уплачивали джунгарскому хану алман тубалары, также, фигурируют железные стрелы. Про «кузнецких татар» (главным образом шорцев) сообщает Г. Миллер: «иногда киргизы, яко хищный народ, к их жилищам подъезжали, и тогда сии татары откупывалися у них подарками, а именно, давали им своей работы котлы, таганы, стрелы и прочее для освобождения себя от полону, или от горшего еще злключения».² Джунгары, помимо железных наконечников, обязывали своих данников доставлять и орлиные перья на опушку стрел. «Каждый барабинский татарин обязан был зюнгарцам в год алмана по одной лисице, а за неимением — по одному речному бобру или по полукоже юфтовой, но если и сего не в состоянии доставить, по 20 стрел и к ним для опушки по 5-ти крыльев орлиных».³

Очевидно, последнее обстоятельство нашло свое отражение в насмешке на шорский род кьј, обитавший в системе р. Мрассу, говорящей: «кьјксьп југузун талазьркьјлар кесим алтынга кирген» — споривши об орлиных перьях, кыйцы забились под кичим⁴ (кожаный покров подседываемого войлока).

Знаменитый путешественник П. Паллас пишет про роды кобьј и карга, ныне обитающие в Шории: «Кобыйское поколение состоит из 58 луков, Каргинское — из 40».⁵ Из этого видно, какое громадное значение имел в то время лук, если количеством луков определялась численная характеристика рода или поколения. Относительно кумандинцев нас осведомляет Н. Шерр: «прежде кумандинцы употребляли для охоты лук, и до сих пор вместо подписи они употребляют изображение лука, но последний уже вышел из употребления».⁶ В протоколе допроса «ясачных татар» (кумандинцев и шелканцев) по делу коменданта Кузнецкой крепости Бориса Синявина «у подлинного допросу в прикладывании иноземческих рук написано два лука. К сему допросу вместо Торугача Чемонова, Егондоя Шеучина по своей вере знаки приложа».⁷ По сообщению В. Радлова, у южных алтайцев есть тамга (ја), которая изображает и называется лук.⁸ Радлов же указывает дальше, что лук и стрелы исчезли у алтайцев уже в начале XIX в. Однако у тубаларов во второй половине прошлого столетия еще промышляли с луком. Современные взрослые охотники тубалары, например, в урочище Салганду, Чой-

¹ Памятники сибирской истории XVIII века, кн. II, Спб., 1885 г., стр. 295—350.

² Г. Миллер, Описание Сибирского царства, Спб., 1750 г., стр. 417, см. также Фишер, Сибирская история, Спб., 1774 г., стр. 213.

³ О присоединении к Российским владениям южной части Западной Сибири, Томск, Губ. вед., 1859 г., № 13, тоже у Фишера, стр. 441.

⁴ В. Вербицкий, Словарь, стр. 158.

⁵ П. Паллас, Путешествие по разным местам Российского государства, Спб., 1786 г., ч. III, стр. 508.

⁶ Из поездки к кумандинцам в 1898, Алтайский сборник, т. V, Барнаул, 1903 г., стр. 97.

⁷ Памятники сибирской истории XVIII в., кн. II, № 77.

⁸ W. Radloff, Aus Sibirien, т. I, стр. 279.

ского аймака, хорошо помнят, как их деды промышляли с луком. Дед Осипа Одукова, по имени Одук, и его товарищ Согой били из лука сохатых на расстоянии 100 сажень. Лук назывался ја, стрела Saadak. Тетива (kiriş) делалась из ремня, а наконечник стрелы был железный. В годы, когда употребление на промысле лука у тубаларов было явлением довольно обычным, у телеутов б. Кузнецкого уезда Радлову показывали лук в качестве старинной вещи: «Лук

Рис. 7. Лук для охоты на бурундуков и стрельбы рыбы (Шория)

состоял из четырех слоев: слой рога, затем слой дерева, затем слой сухожилий и слой бересты. Стрелы были с железными наконечниками разных размеров и формы».¹ Одновременно Радлову удалось видеть старинный кожаный колчан с деревянным остовом, носившийся на груди, на ремне, надеваемом на шею. У шорцев низовьев Мрассу хорошо помнят сложный охотничий лук, который делался из нескольких пород деревьев, имел роговую обкладку и назывался *тус сасак*. У шорцев к концу XIX в. из лука стреляли мелких зверьков и рыбу. Посетивший шорцев в 80-х годах А. В. Адрианов отмечает: «бурундука, а также рыбу стреляют из небольшого лучка, окча; стрела, поган [sogan? Л. П.]², представ-

¹ W. Radloff. Aus Sibirien, т. I, стр. 33.

² Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г., Зап. РГО по общей географии, т. XI, Спб, 1888 г.

ляет нетолстую круглую палочку, конец которой делается в виде набалдашника.¹

О ценности лука как орудия производства у алтайцев можно судить, например, по одному документу, относящемуся к половине XVIII в. В реестре вещей, составленном алтайским зайсаном Боохолом в качестве приложения к заявлению русскому пограничному начальству по поводу обид и убытков, причиненных Боохолу зайсаном Научатом и русским чиновником Десятяровским, имеется оценка вещей, которых лишился зайсан Боохол от грабежей обидчиков. По этой оценке стоимость лука превышает стоимость кобылицы. Лук оценен в 3 р. 60 к., а лошадь в 3 руб.²

Лук со стрелами у алтайцев входил в плату за калым.³

Весьма вероятно, что в эпоху родового строя у племен Северного Алтая лук и стрела являлись мерилем натурального обмена, выполняющим функцию денег, подобно тому как на Южном Алтае такой натуральной единицей обмена являлся годовалый баран (tohtun), а на Восточном Алтае еще во второй половине XIX в. эту роль выполняла белка.⁴ Доводы, подкрепляющие последнее предположение, приведены нами в специальной статье, где выявлена одновременно и та большая роль, какую играют лук и стрела в шаманстве у алтайцев, что также служит отражением древности и важности этих орудий охотничьего производства.⁵

Дальнейшее усовершенствование и применение лук получил у северных алтайцев в виде различных ловушек и особенно самострела, находящихся в широком употреблении на Алтае до сего времени. Характерной и общей чертой для ловушек-капканов является то обстоятельство, что они все деревянные, однотипные по форме и механизму. Все они спускного устройства. В каждой из них основной частью механизма является небольшой лук, на силе упругости которого и основано все устройство и значение капкана. Этот тип капкана распространен не только по всему Алтаю, но его мы находим у качинцев, бельтиров, сагайцев, карагасов, сойотов, бурят, тунгусов, якутов и во многих других местах северо-восточной Азии. То же самое следует сказать и про самострел на основании нашего ознакомления с музейными коллекциями по сибирским народам в Музее антропологии и этнографии Академии наук и в Этнографическом музее в Ленинграде.

¹ В поездку к шорцам в 1934 г. мы лично могли отметить кое-где употребление лука с деревянной, утолщенной на конце стрелой при охоте на бурундука. Кроме того, лук применяют для стрельбы рыбы, главным образом щуки. Наконечник такой стрелы чаще железный. Образцы упомянутых стрел и лука нами привезены в Гос. Этнограф. музей.

² Материалы для истории Сибири, Чтения в Общ. ист. и древн. росс., 1886 г., кн. 4, стр. 99—100.

³ Краткое описание Бийских калмыков, Журн. мин. вн. дел, 1840 г., ч. XXXVIII, стр. 210.

⁴ Л. П. Поталов, Очерк истории Ойротии, Новосибирск, 1933 г., стр. 131.

⁵ Его же, Лук и стрела в шаманстве у алтайцев, Сов. этнография, 1934 г., № 3.

Краткое описание этих орудий может быть представлено в следующем виде.

Самострел (aja). Основные части его — лук (ja) (рис. 8) и основа (kastak) (помечено на рисунке а); Эти части изготовлены из лиственницы, наиболее отвечающей главным требованиям: крепости и способности не рассыхаться. Тетива (б) делается из конопля, а курок (в) из березы.

Ja, определяющий размеры самострела, получают путем откалывания от лиственницы палки нужных размеров. Главная работа по изготовлению лука — сгибание. Это делается просто, но все же требует некоторого умения. Один из концов палки, предназначенный для лука, втыкается в землю, к другому подвешивается груз. Груз постепенно увеличивается и сгибает палку. Подобная процедура требует 2—3 месяцев, когда лук окончательно высохнет, после чего уже натягивается тетива.

Описываемый лук имеет следующее размеры: длина 2 м 15 см, ширина 4 см, толщина 2 см.

«Кастак» — основа -- представляет собой деревянную палку толщиной 3 см, шириной 5 см и длиной 1 м 7 см. Основа эта снабжена тремя зарубками,

которыми измеряется сила упругости лука. Первую неделю охоты самострелом тетеву натягивают до первой зарубки, затем по мере ослабления она передвигается по этим зарубкам (cesty).

К принадлежностям самострела относится еще курок из березового дерева, называемый ergek. Длина его 28 см и толщина 2,5 см в толстом конце и 0,3 см в тонком.

Стрела самострела — sogon (г) имеет 70 см длины и 1 см толщины. Она четырехгранной формы с отточенным железным наконечником в виде треугольника. Размеры наконечника: длина 5 см, ширина основания 2 см.

Самострел ставится в перпендикулярном направлении к тропинке, по которой проходит зверь. Для его установки в землю вбиваются три кола (макан); два из них имеют рогатки и ставятся на одной линии, на расстоянии одного метра, третий вбивается позади их на середине. Колья с рогатками должны обязательно возвышаться над землей на 60—80 см, они служат для опоры лука, третий поддерживает основу (рис. 9). Натянутая тетива держится на курке. Возведенное состояние курка поддерживает петля из шнурка, охватывающая одновременно основу лука и курок. Стрела кладется на основу и прижимается к тетиве. Курок спускается

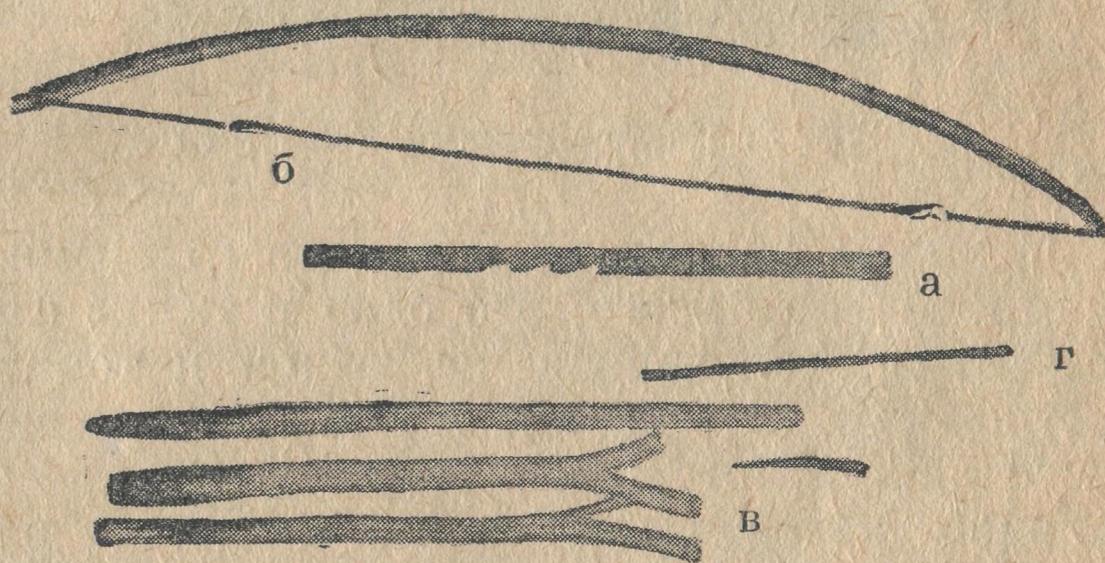

Рис. 8. Самострел в разобранном виде

самим зверем, проходящим по тропе, через которую протянута тонкая суровая нитка, привязанная одним концом к дереву или колышку, а другим к петле, удерживающей курок.

Удар стрелой для зверя почти всегда бывает смертельным, так как приходится под переднюю лопатку, ибо зверь задевает нитку передней ногой.

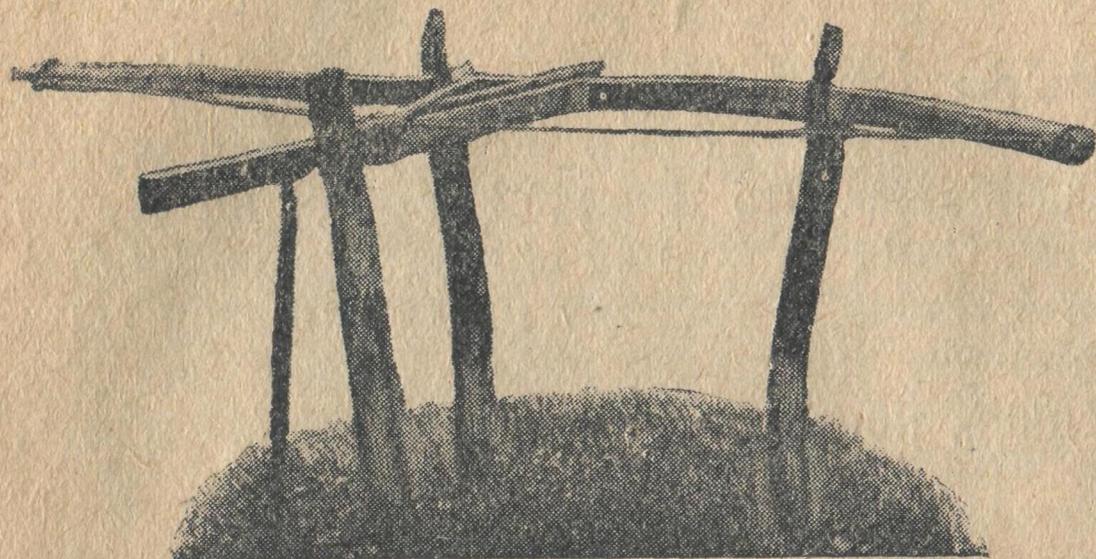

Рис. 9. Настороженный самострел

За последнее время ая вышел из употребления. По распоряжению краевых органов советской власти в Сибири самострел заносится в разряд запрещенных орудий охоты.

Капканы. Капканы для мелких зверьков изготавливаются почти каждым охотником.

Они весьма однотипны и разнятся самыми незначительными деталями. Прежде всего, это одна и та же форма с маленькими вариантами, основанная на одном и том же принципе спускового устройства. Здесь, так же как и в вышеописанном самостреле, источником потенциальной энергии является сила упругости дерева. Все эти капканы сделаны из дерева, преимущественно из лиственницы и березы, иногда из черемухи. Размеры их довольно постоянны.

Два или три вида этих капканов всюду распространены среди алтайцев и имеют одно общее название «*sergei*» (алт.) «*şergei*» (тубалары и шорцы). Капкан, изображенный на рис. 10, представляет собою перевернутый лук, применяется для ловли колонков. Он состоит из основы (*sergei*), сделанной из черемухового прута, длиной в 1 м, толщиной в 2 см, постепенно суживающегося к концу. Перегнутый в двух местах, этот прут и составляет основу. К основе прикреплен лук (*ja* — алт.) с тетивой, причем тетива пропущена через отверстие, пробитое в конце деревянной стрелы с прижимом, называемой *sōn*. Лопатка плотно прижимается тетивой к основе

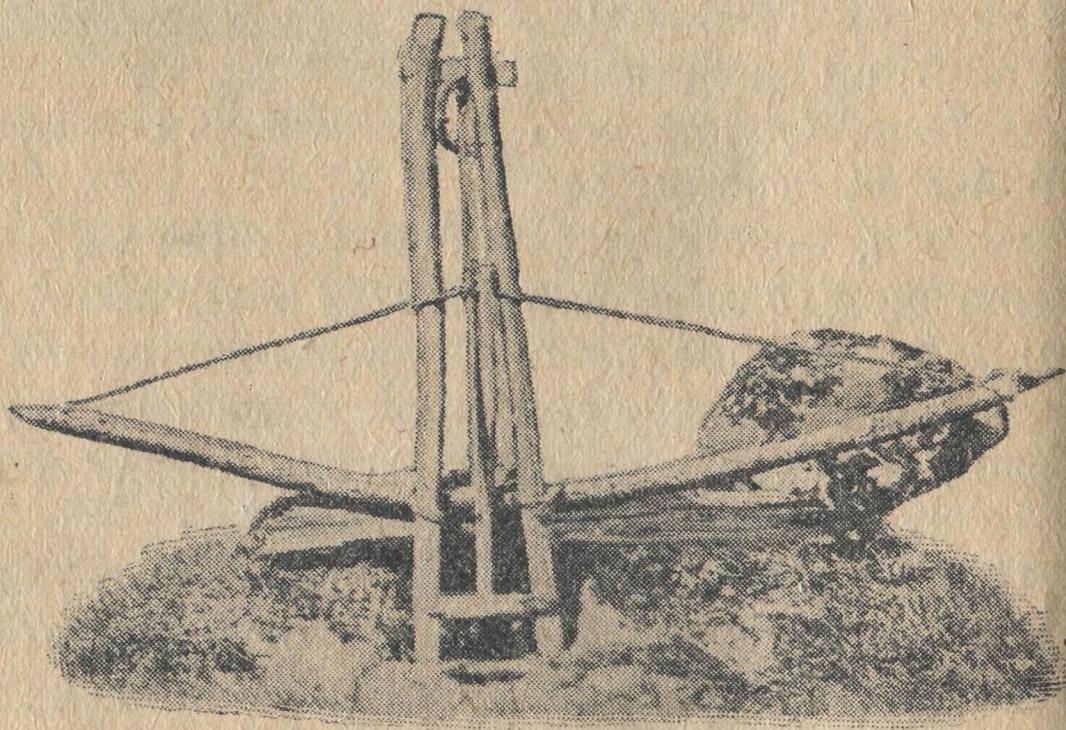

Рис. 10. Капкан для ловли колонков

капкана. В момент заряжения капкана натягивается тетива, она тянет за собой стрелу и удерживается курком (ergek), который при помощи деревянной вилки с зарубкой зацепляется за дугу, приделанную к основе, и остается во взведенном состоянии. Между стрелой и остовом образуется проход, загороженный лишь тонкой вилкой. В таком настороженном виде капкан подставляется к отверстию норы колонка с таким расчетом, чтобы зверек не мог выйти из норы иначе, как через проход капкана. Пролезая в единственный выход, зверек неминуемо задевает вилку и моментально прижимается стрелой.

Другой вид чергея, предназначенный для ловли горностаея и колонков, несколько отличается от только что описанного. Остов его напоминает петлю. Стрела — настоящая лопатка, свободно входящая в середину деревянной трубы «сосок». Длина трубы 16 см, диаметр 6 см. Заряженный чергей вставляется одним концом трубы в нору зверька, второй конец, с курком, обращен наружу. Вылезая из норы, зверек сам спускает курок и придавливается к трубе.

Третий вид чергея весьма сходен с первым, только здесь курок спускается ниткой, да еще размеры его несколько больше. В настоящее время значительное распространение имеют железные капканы фабричного производства.

Помимо лука, ружья и различных капканов, можно еще упомянуть, что в свое время, по рассказам охотников-алтайцев, на крупных зверей практиковалась охота ямами. Яма такая имела специальное название «теҫ». И теперь еще ямы местами сохранились, но уже засоренные, поросшие травой.

Наше описание важнейших орудий труда охотничьего производства на Северном Алтае было бы неполным, если бы не упомянули еще о лыжах.

Лыжи — сапа (у тубаларов), җапа (у шорцев). Тубалары делают лыжи из березы, из лиственницы, но лучшими считают лыжи из черемухи. Шорцы, отдавая предпочтение черемуховым, делают их и из тальника. Как правило, длина лыж должна доходить до подбородка их хозяину. В среднем размеры колеблются около 1,5 м, ширина лыжи 12—16 см. К переднему концу лыжа постепенно суживается, и носок ее загибается вверх. Для удобства хождения по снегу лыжи подбиваются маральей, оленьей и конской шкурой, снятой с ног этих животных. Шкура с шерстью крепко обтягивает лыжу и прикрепляется к ней гвоздиками. Гораздо примитивнее и древнее другой способ, имеющий и теперь широкое применение: лыжа кладется в скроенный и сшитый кусок шкуры, предназначенный для обтяжки, и прочно зашнуровывается. Шов шнуровки, разумеется, делается на той стороне лыжи, которая при ходьбе не скользит по снегу. Шерсть подбивается всегда ворсом в одну сторону, чтобы легко можно было двигаться вперед и не скользить назад. Собственно, только благодаря такому устройству лыж охотники без затруднения поднимаются на высокие и крутые горы. В этом изобретении нельзя не видеть громадного достижения в охотничьей технике алтайцев.

Такой тип лыж свойственен не одним только алтайцам. Он широко распространен по всей Сибири, особенно в северо-восточной части. Шкура, идущая на обивку лыж, называется у тубаларов кьс, у шорцев рьсак. Вследствие того, что горы Алтая отличаются крутизной склонов и лесистостью, лыжники управляют своим бегом специальной палкой, которая у шорцев имеет форму лопатки. Эту лопатку или палку держат наподобие кормового весла. У тубаларов она называется тајаіак — костыль, у шорцев — кугсак. Спускаясь с крутого ската, лыжник откидывается назад, переносит тяжесть своего тела на эту опору и при помощи ее тормозит бег, а также ловко извивается между деревьями.

Для ходьбы по насту весной употребляются другие лыжи. Они сделаны из сосны и не подбиты шкурой, так называемые голицы — kalbrak.¹

Лыжи у племен Северного Алтая нужно рассматривать как важнейшее техническое изобретение, результатом которого явилось сильное поднятие производительности труда зверолова. Вероятно, появление лыж означало настоящую техническую революцию примитивного звероловческого таежного хозяйства. Иначе не могло и быть.

По существу, только лыжи могли обеспечить зимнюю таежную охоту. Изобретение лыж позволило освоить глубокоснежную тайгу зимой и сделать возможной охоту в тайге в течение круглого года. Освоение огромных лесных массивов в зимнее время при помощи лыж дало резкое увеличение добычи и чрезвычайно усилило значение охоты в таежных горных районах с длительной зимой. Развитие охоты на лыжах сделало возможной добычу крупного копытного зверя (лось, олень, марал, козел) зимой. Лыжи сэкономили силы первобытного охотника, удлиннили время пребывания его на промысле, расширили во много раз территорию охоты. В условиях глубокоснежной тайги изобретение лыж, так же, как и изобретение лука, сделало мясо зверей предметом постоянного питания, а охоту ведущей отраслью труда этих горно-таежных районов.

Возникает вопрос, когда, в какую эпоху были изобретены лыжи на Северном Алтае. Ответить на него чрезвычайно трудно за отсутствием достаточных данных. В этом отношении ничего не дает и археологический материал, так как лыжи не могут долго сохраняться в земле. В нашем распоряжении имеется только один факт, который в состоянии пролить некоторый свет в этой области. У тубаларов и у шорцев существуют предания о том, что в отдаленные времена лыжи подбивались мехом выдры. В тубаларской легенде о роде sargajсь јуз (саранщиках юзах) говорится, что родоначальник юзов — «собиратель саравы» — был прекрасным ходоком на лыжах и состязался однажды в беге с шорцем. Лыжи шорца легенда описывает сделанными из особого «живого дерева» (тыңлу ағас — буквально: «дерева с душой») и подбиты они были мехом выдры. Этими лыжами

¹ В. Вербицкий приводит для голиц название «кангай» у телеутов и нижне-бийских алтайцев (т. е. кумандинцев). Словарь, стр. 126.

шорец управлял посредством ремней, привязанных к загибающимся концам, словно поводом. Лыжи эти были настолько быстроходны, что родоначальник sargaјсь јиз должен был пуститься на хитрость, которая и помогла ему несколько опередить в беге шорца. А. Новиков записал предание, по которому у кумандинцев раньше лыжи подбивались также выдрой. Однако после того, как неведомая сила затащила одного из ехотников на таких лыжах в реку, лыжи стали подбивать шкурой, снятой с конских ног.

Из этих рассказов, записанных в разных местах, становится несомненным одно положение: лыжи появились в период, когда пушной зверь еще не имел товарного значения, не имел меновой стоимости, так как такой ценный мех, как мех выдры, шел на подбивку лыж. Когда это было? Нам представляется — это было в эпоху материнского рода, когда в охоте преобладал промысел на крупного мясного зверя в целях обеспечения рода прежде всего мясом, когда зверь добывался с потребительской целью. Позднее, когда возникла охота на пушного зверя ради пушнины, которую требовали развивающийся обмен и данническое положение племен Северного Алтая, материнский род стал быстро разлагаться под влиянием нового разделения труда, под влиянием возникновения пушной охоты, которая помогла превратиться охоте на зверя в ведущую отрасль производства и тем самым переместила центр тяжести общественного труда в область мужского производства. В этом процессе развития производительных сил, показателем более высокого уровня которых явилось новое разделение труда (возникновение пушной охоты), лыжи сыграли огромную роль, как это было уже подчеркнуто выше. Подняв экономическое значение охоты, усилив значение роли мужского труда, лыжи, как и лук, способствовали и дальнейшему разложению первобытного коллективного производства. Названные орудия производства обеспечивали техническую возможность индивидуального производства. Придавая большое значение лыжам в развитии первобытной экономики северных алтайцев, мы отнюдь не утверждаем, что именно изобретение лыж разложило материнский род и превратило его в отцовский. Разложение это было вызвано ростом производительных сил, выразившимся в новом разделении труда, повлекшем за собой и рост техники охотничьего производства. Более того, само изобретение лыж стало возможным, как и всякое техническое изобретение, только на определенном уровне развития производительных сил.

Однако об этом нам придется еще говорить в специальной связи в главах, посвященных разложению родового строя у племен Северного Алтая.

III. Мотыжное земледелие и собирание корней

Земледелие у племен Северного Алтая имеет за собой большую древность и также таит в себе много архаических черт. Еще и сейчас кое-где можно встретить остатки некогда довольно распростра-

ненного мотыжного земледелия. Колониальное положение северных алтайцев до Октябрьской революции, гнет двойной эксплуатации послужили здесь причиной застойности в развитии не только охоты, но и земледелия, как и во всех остальных отраслях хозяйства. Поэтому мы имели в северных отрогах Алтая как бы законсервированные древнейшие отрасли человеческого труда.

Мотыжное земледелие было распространено особенно у шорцев и кумандинцев. Относительно последних нас информирует В. Радлов: «Все они почти без исключения занимаются земледелием, но обрабатывают свои поля мотыгою».¹ Этот вид земледелия преобладал и у шелканцев и у тубаларов. Посетивший окрестности Телецкого озера в 1742 г. поручик геодезии Шишков сообщил в своем отчете про тубаларов-двоеданцев: «копают кирками и сеют».² Однако нужно заметить, что мотыжное земледелие, хотя и приспособленное к суровым условиям горной тайги, далеко не обеспечивало потребности даже нетребовательного, привыкшего к частым голодовкам зверолова. Обработанные поля представляли собой маленькие клочки горных склонов, расчищенных от тайги. При той слабой технической вооруженности, какую имели северные алтайцы на протяжении всей истории до Октябрьской революции, расчищать под пашню большие участки тайги было невозможно. Поэтому мотыжное земледелие у племен Северного Алтая составляло подсобную отрасль хозяйства при зверовом промысле, служа последнему подспорьем наряду с собиранием корней съедобных растений.

Для Саяно-Алтайского нагорья древность мотыжного земледелия известна по археологическим памятникам.³ Это вполне согласуется и с более поздними историческими известиями. Иакинф Бичурин на основании китайских летописей мог сообщить, что в VIII в. н. э. в Урянхайском крае киргизы сеяли ячмень, просо, пшеницу. Созревшие колосья выдергивали руками и соломой обжигали на огне.⁴ Эту же технику, связанную с мотыжным земледелием, мы можем проследить как преобладающую у шорцев до Октябрьской революции. Более того, в глухих углах Северного Алтая эта техника сохранилась до последних лет, как мы в этом лично убедились. Шорцы расчищают небольшие участки тайги ручным способом. Тайга выжигается, выкорчевываются пни, и поле обрабатывается для посева мотыгой (рис. 11). Мотыга эта называется «абыл». Она состоит из железной лопатки круглой или треугольной формы, насаженной на согнутый под углом черен. У шелканцев она именуется *ol*. Впрочем, последний термин встречается в том же значении и у шорцев, как это вытекает из сообщения

¹ W. Radloff, *Aus Sibirien*, т. I, стр. 362.

² Шишков совершил в 1742 г. географическую экспедицию к Телецкому озеру. См. об этом Том. Губ. вед., 1859 г., № 1.

³ См. Саяно-Алтайскую выставку Гос. Этнографического музея, также собрания Минусинского музея имени Мартыанова, где хорошо представлены наконечники мотыг; Н. Ядринцев, *Начало оседлости*, Литер. сборник, Спб., 1885 г.

⁴ Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии.

Радлова.¹ Племена северного Алтая выделывали «абылы» сами. Очевидно, северный Саяно-Алтай с давних времен был центром производства различных железных орудий труда, среди которых производство абыла имело большое значение. Об этом, по крайней мере, можно судить хотя бы по тому, что население Южного Алтая ездило «в ясашные ее императорского величества кондомские волости для смены тулупов и войлоков на котлы и железные абылы, чем землю копают».² Абылы занимали видное место в натуральном обмене еще в первой половине XVIII в.

Абыл широко был распространен в горных лесных районах. У шорцев абыл применялся в местностях, покрытых густой тайгой. Производительность труда абылов низкая. Участок земли в 1 га обрабатывался семьей в 2—3 человека около месяца. Все же в условиях слабого развития производительных сил у племен

Северного Алтая абыл в свое время сыграл большую роль и долгое время был важнейшим орудием производства. Важность абыла в хозяйстве шорца выразилась в запрещении брать его за долг из имущества должника (по решению родового суда), и, кроме того, абыл являлся необходимой принадлежностью приданого каждой девушки (в верховьях реки Мрассу). Между прочим

Рис. 11. Обработка земли мотыгой

абыл передавался в наследство по женской линии³. Последнее обстоятельство категорически говорит о женском происхождении шорского мотыжного земледелия. Несмотря на то, что за последнее время, в связи с уменьшением значения зверового промысла, мужчина все чаще и чаще стал принимать участие в земледелии (прилагая свой труд преимущественно к расчистке тайги под пашню), абыл все же, как и озуп (озур) — корнекопалка — считается женским орудием.

В низовьях рек Северного Алтая, где долины шире и безлесны, а население экономически более зажиточно и разводит рабочий скот, абыл заменен примитивной сохой. Процесс этой замены для Саяно-Алтайского нагорья зарегистрирован исследователями на протяжении прошлого и начала нынешнего столетия⁴ У тубаларов

¹ W. Radloff, Aus Sibirien, т. I, стр. 351.

² Чтения в Общ. ист. и древн. росс., кн. 4, 1866 г., стр. 85.

³ Дыренкова и Потапов, Абыл и озуп — хозяйственные орудия шорцев. Культура и письменность Востока, кн. III, Баку, 1928 г., стр. 116.

⁴ Гр. Спасский, Сибирский вестник, ч. I, 1818 г., стр. 23; кн. Костров, Бельтиры, Зап. Сиб. отд. РГО, кн. IV, 1857 г.; Ядринцев, Отчет о поездке в 1880 г. в Алтай, стр. 28, Дыренкова и Потапов, ук. соч., стр. 113-116.

первобытная соха носила название «*andaзын*» или «*aldazyн*». Она представляла собой изогнутый корень дерева, острый конец которого предназначен для разрыхления почвы и снабжен железным наконечником или просто набитой на дерево железной пластинкой. По существу же *andaзын* — укрупненная и видоизмененная мотыга, приспособленная не для ручного вскапывания пашни, а для волочения, для вспахивания при помощи тягловой силы животного. «У урянхайцев железная лопатка укрепляется на кривой палке, а к этой последней привязывается веревка, другим концом держится на седле запряженного быка. В то время как один держит этот плуг, упирая в землю, другой ведет быка. Совершенно так же привязывают к седлу лошади *андазын тубалары*».¹

Рис. 12. Балаган из бересты на пашне

Деревянная соха более сложного устройства сохранилась у шорцев и известна под названием «*salda*». Позднейшее, по сравнению с обылом, происхождение сохи отразилось в названии месяцев у шорцев. У них месяц май имеет несколько названий: «*kpa şabyн ајь*» (месяц *битья* пашни), *kpa syrerge ајь* (месяц *волочения* пашни от глагола *syр*—тянуть, волочить), *pes ајь* (месяц растения *кандыка* — *Erythronium Dens canis L.*). Эти названия, сохранившиеся у различных родов населения Северного Алтая, особенно, у шорцев, увязываются с периодом обработки пашни мотыгой и примитивной сохой и указывают на значение заготовки к-

реньев диких растений. Наиболее древние названия «*pes ајь*» и «*kpa şabyн ајь*» последовательно отражают периоды, когда собирание корней, имевшее существенное значение в жизни шорцев, сменилось периодом регулярной обработки пашни при помощи мотыги (отсюда месяц «*битья* пашни»).

Обработка пашни описанными орудиями представляет крайне трудную и тяжелую работу. Это относится особенно к расчистке тайги под пашню, поэтому каждый расчищенный участок ценился весьма дорого и находился в частном владении обработавшего его. Однако при отсутствии удобрения расчищенная пашня давала

¹ Дыренкова и Потапов, ук. соч., стр. 113.

урожаи 3—4 года, затем истощалась, зарастала сорняками, и нужно было выбирать и очищать новый участок. Эта система земледелия способствовала быстрому уничтожению лесов у кумандинцев и шорцев, что весьма сократило районы охотничьих промыслов, кроме того, далеко отодвинуло их вглубь горных хребтов. Отступление тайги, а вместе с ней и зверя определило необходимость периодического переселения хотя бы тех же шорцев, причем переселение это шло к вершинам таежных и горных рек.

На обработку пашни выезжали обычно всей семьей. Шорцы на это время покидали улусы, забирая свой скудный скот и охотничьих собак. В течение месяца семья была занята обработкой

пашни. Жили в шалашах или балаганах, покрытых берестой (рис. 12). Женщины, вскапывая поле, вешали на ближайшее от себя дерево колыбель грудного ребенка. Подобные перекочевки на пашню совещались и на время прополки и уборки хлеба. Разумеется, описанный способ обработки пашни относится к маломощной и бедняцкой части населения, которая вынуждена была ютиться по вершинам рек. Их богатые же соплеменники, расположившие свои хозяйства в широких открытых долинах, занимались земледелием, которое мало чем отличалось от русского кулацкого земледелия. Однако же они строили свое хозяйство главным образом на посреднических операциях по скупке пушнины и кедрового ореха. Размеры посева бедняцкого хозяйства у шорцев или тубаларов составляли 0,2—0,4 га. Сеяли преимущественно ячмень. Пашню заборонивали суком или ветвями сухого дерева. Последний прием очень долго сохранялся у тубаларов, у которых даже нет названия для бороны.¹ Наряду с этим заборонивали и деревянными ручными граблями (рис. 13) и деревянной бороной (tarbaş).

Рис. 13. Посев ячменя (Шорцы)

У шорцев и шелканцев посев на старую пашню производился без предварительного вскапывания. Зерна разбрасывались и заборонивались абылом. Сеяли преимущественно ячмень, из поджаренных зерен которого делали толокно (talkan).

¹ Дерево, которым боронят, называют просто агаş, т. е. дерево.

Архаическими элементами были насыщены и приемы уборки пашни. У шорцев, шелканцев, тубаларов даже в недавнем прошлом можно было наблюдать выдергивание колосьев руками вместо жатвы. Выдернутые колосья очищались от земли, складывались в маленькие пучки, перевязывались. Корни обрубали топором и пучки вешали парами на длинные жерди, укрепленные на козлах, для просушки на солнце (рис. 14). Наряду с выдергиванием существовала и жатва, причем более ранней ступенью ее следует считать употребление вместо серпа ножа, сначала обыкновенного, потом более специального (*orguz*), которым резали созревший хлеб и траву для скота. Во времена русской колонизации края в самом конце XIX в. получил некоторое распространение и настоящий серп.

Рис. 14. Сушка снопов

Особенности перечисленных приемов жатвы отразились, например, в терминологии шорцев, которые имеют для обозначения жатвы два термина: «*aş kezerge*» и «*aş orarga*». Первый в смысле резания стеблей (хлеб резать), второй, более древний, в смысле «вырывать хлеб».¹ То же самое наблюдаем и в названии месяцев. Жители нижнего течения Кондомы называют август *aş kesen aǰ*, т. е. месяц срезывания хлеба. Такой же смысл имеет название августа у родов шор, челей — *kra keskin aǰ*. У рода же калар (Шория) сохранилось более древнее название августа — «*orak aǰ*» — месяц дергания (хлеба).

Обратимся к молотьбе. Здесь та же картина. Древнейшие приемы молотьбы выражены в обжигании колосьев на огне (рис. 15). На-

¹ Дыренкова и Потапов, ук. соч., стр. 119—120. Вербницкий, Словарь: «ор» (в. б.) жать, стр. 221, «ор» — телеут — резать.

звание сентября месяца — *urten aja*, *urtyu aja* — в других местах октября (в низовьях Кондомы) означает «месяц обжигания» и свидетельствует о распространении этого приема у шорцев, у тубаларов, у шелканцев. При обжигании колосьев работающие покрываются толстым слоем копоти. Обожженные на огне колосья молотят короткими деревянными палками, угольщенными на конце (*торок*, *токрот*) (рис. 16). Производительность труда при таком способе молотбы была также низка. Один человек в день обмолачивал менее 0,1 га урожая. Веяние производят при помощи ручных коробушек (*sargaş*, *eskin*) из бересты (рис. 17). Они представляют собой как бы разрезанный пополам круглый шаманский бубен. Дно в деревянных веяльницах прикрепляется к стенке при помощи деревянных

Рис. 15. Обжиганье колосьев на огне (Шория)

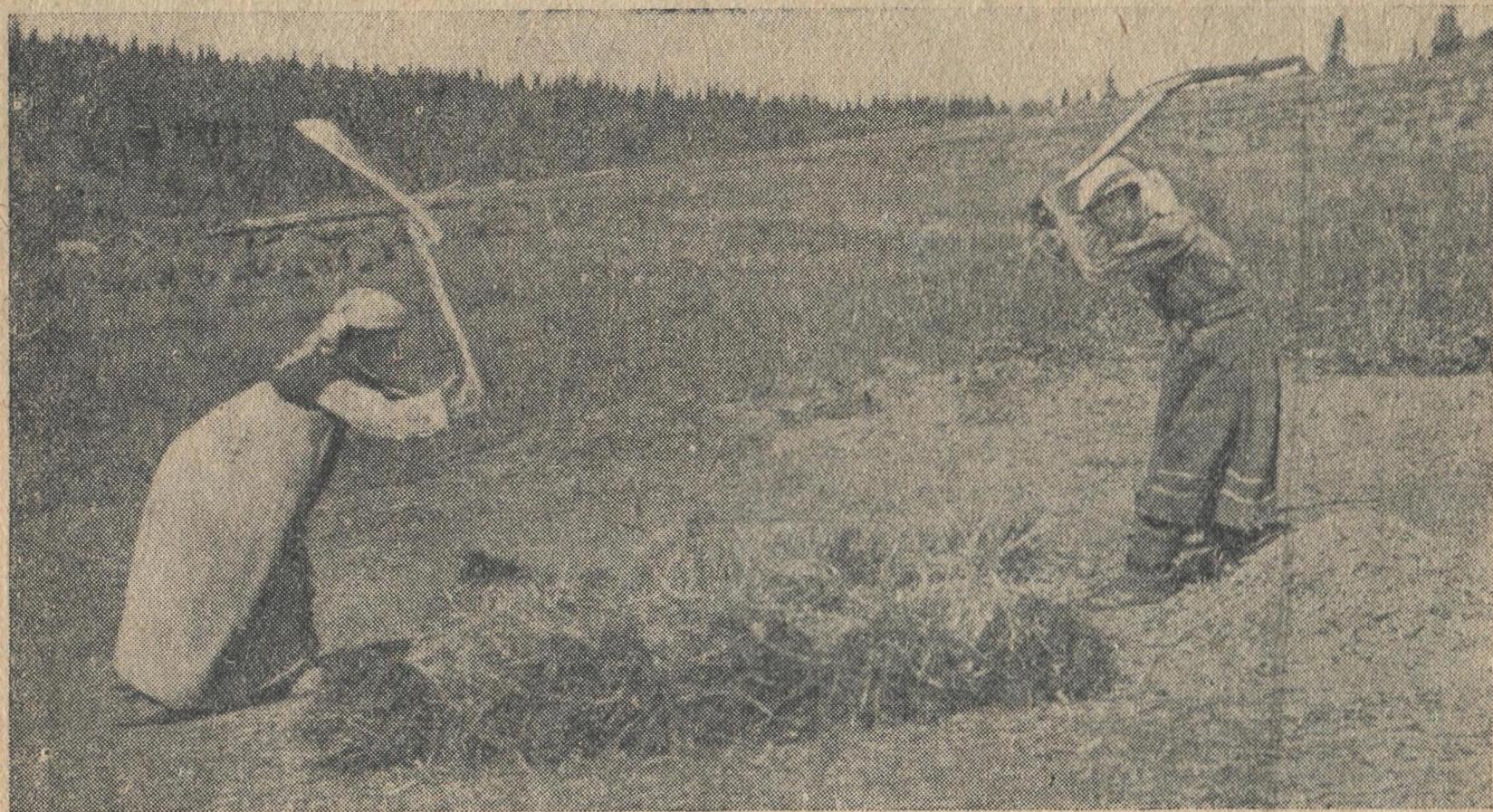

Рис. 16. Молотба (Шория)

гвоздей или кожаных ремешков. Веют на них не только зерно, но и кедровый орех. Подбрасывая зерно на ручной коробушке, взрослый работник мог с трудом провеять в день около 1,5 пелтнера зерна.

Обмолоченный хлеб шорцы засыпали в большие берестяные сосуды цилиндрической формы (ulan) и оставляли их на деревянных помостах на пашне (рис. 18). Кумандинцы и тубалары хранили хлеб в ямах, выстланных берестой.

Рис. 17. Веяние вручную

для растирания соли. Самым же распространенным видом мельницы до сего времени нужно признать ручную круглую каменную мельницу *terben*, имеющуюся в каждой семье и изгото-

Такой же примитивностью техники отличались и приемы превращения зерна в муку. Племена Северного Алтая сохранили три вида приборов для размола зерна. Наиболее древним из них, очевидно, следует признать каменную зернотерку — *raspak* (рис. 19). Она представляет собой две каменные плитки длиной 45—55 см, шириной 20—25 см. Производительность труда на такой мельнице не превышает 2—2,5 кг в день, и работа на ней требует большого физического напряжения. В настоящее время *raspak* употребляется главным образом

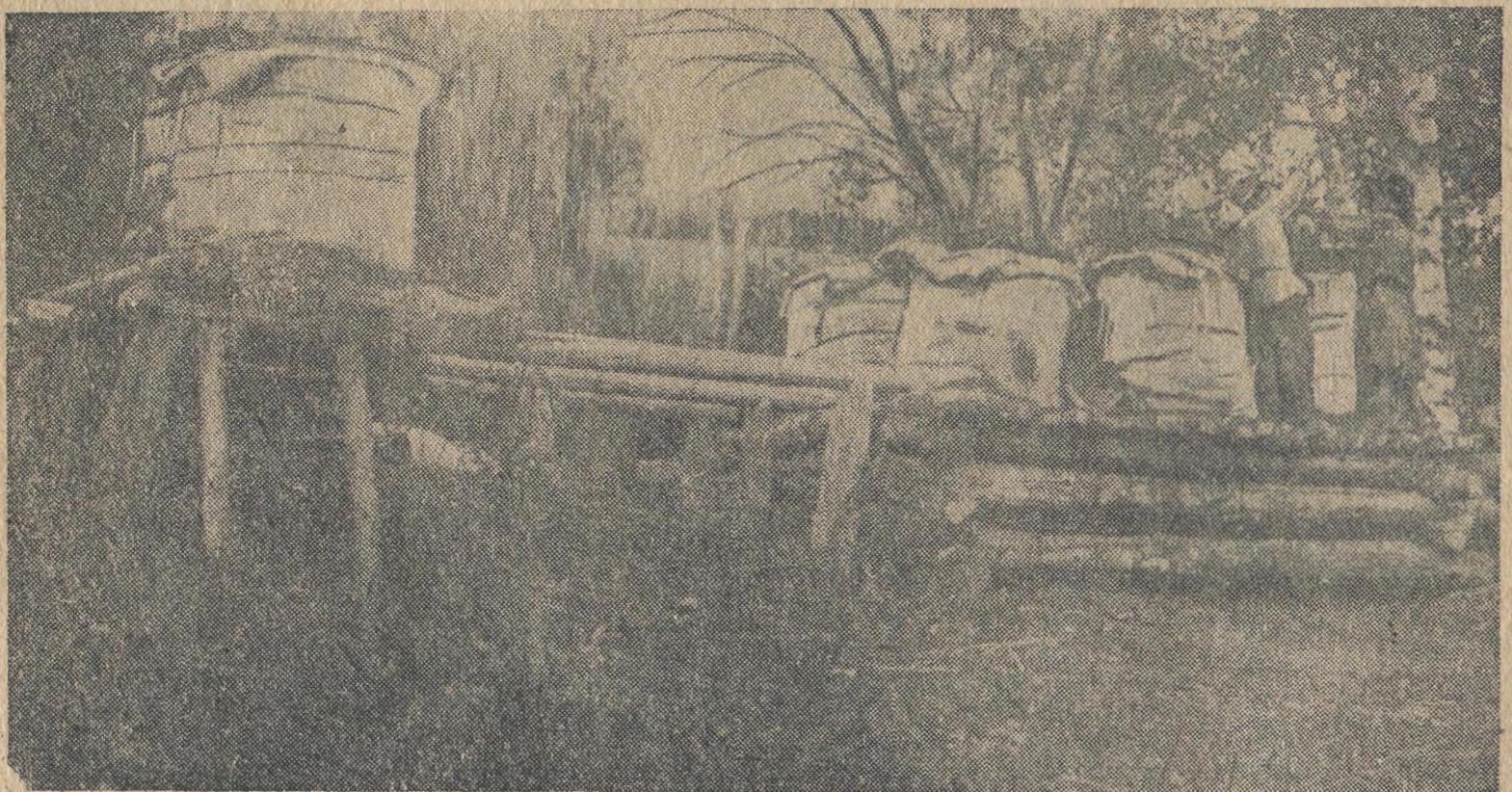

Рис. 18. Хранение зерна

вляемую северными алтайцами из специального камня (рис. 20). Устройство *terben* чрезвычайно примитивно. Она состоит из двух жерновов круглой формы, наложенных друг на друга и укрепленных на четырехугольной деревянной подставке, похожей

на столик. Диаметр жерновов около 0,5 м, толщина — 6—10 см. Посредине жерновов круглое отверстие благодаря которому оба жернова насажены на неподвижный стержень. Нижний жернов также неподвижен, верхний вращается. Зерно сыплют по одной горсти в среднее отверстие жерновов и приводят в движение верхний жернов, вращая его рукой. Для этой цели служит специальная рукоятка. Она представляет собой простую деревянную палку, один конец которой вставляется в специальное углубление, сделанное на верхнем жернове, а другой, верхний конец вставляется в отверстие, сделанное в потолке. Работа на такой мельнице также тяжела, а результаты ничтожны. В день на *terben* можно смолоть до 8 кг зерна. Наконец, для размельчения зерна существует еще

Рис. 19. Ручная зернотерка (Шория)

Рис. 20. Ручная мельница (Шория)

Рис. 21. Ступа для размельчения зерна (Шория)

деревянная ступа с пестом, выдолбленная из обрубка осины, иногда кедра или березы. Называется она у тубаларов *sogo*, у шорцев *sak* (рис. 21). Работа на описанных снарядах для размельчения зерна лежит на обязанности женщины.

Описанное выше заставляет признать, что мы имеем дело с сохранившимися остатками долго существовавшего на Северном Алтае мотыжного земледелия, выступавшего здесь в соединении с охотой.

Сохранность древнейших отраслей человеческого труда, относящихся к эпохе первобытнокоммунистического, бесклассового общества на Северном Алтае, может быть продемонстрирована и на другом материале.

В хозяйстве племен Северного Алтая, как и вообще для коренного населения лесных районов Саяно-Алтайского нагорья, вплоть до

Октябрьской революции, особое значение имело коцание съедобных корней диких растений (тазы-казар, как говорят тубалары). Еще Рашид-ад-дин сообщает об урянхайцах, что бедняки из них платили калым корнями сараны.¹ По сообщению же Ю. Клапрота, урянхайцы, кочующие между Халхой и Джунгарией, платили дань в Улясутай, состоящую из пушнины и корней сараны (*Lilium bulbiferum*) и мекира (*Polygonum viviparum*) и других растений, употребляемых у них в пищу.²

Значение диких корней усугублялось весной, когда истощались зимние запасы и наступал обычный весенний голод. У шорцев кузнецкой тайги голод этот являлся хроническим, имеющим свою историю. Так, в грамоте царя Михаила Федоровича томским воеводам говорится о побеге ясачных «Мрасских и Кондомских волостей», т. е. шорцев, «в киргизы» и в качестве причины побега приводится ответ киргизских князей, что эти люди «пришли де к ним кормиться».³ О голодовках же повествуют многочисленные предания шорцев, иногда северных тубаларов, начинающиеся так: «Был голод, люди бежали в степь». Об этом же пишут миссионеры: «У многих инородцев к весне не остается ни муки ни ячменя, и они питаются тогда единственно только корнями полевых лилий: кандыка и сараны».⁴ «О кореньях, в еду употребляемых, кои живущие по Енисею и по Кузнецким горам порознь скудные татары собирают на зиму, имея их, сверх промысла, первейшим себе пропитанием», свидетельствует Паллас. Он же пишет, что «самые крупные и хорошие коренья добывают татары, на Мрассу и Кондоме живущие, и отправляют даже до Абакана». Некоторые поколения тубаларов, скитавшиеся по дикой тайге, имели основным питанием тот или иной вид диких корней. До сего времени у тубаларского рода «juz» есть подразделение «sargaјсь-juz», т. е. «саранчики юзы» (от слова «саргај» — сарана — *Lilium martagon*), настолько велико было значение корней в их питании. У тубаларов же есть род, который называется «palaп коңлош», т. е. «калинчики конгдош» (от слова «palaп» — ягода калина, *Viburnum Opulus L.*), ибо данный род питался калиной во время хронических голодовок. В сохранившихся родовых прозвищах и насмешках про население бассейна реки Маймы (правый приток нижнего течения Катуня) говорится:

Ene Majma sargaјazьktu jatkan	— Мать (населения) Маймы имела пищей сарану.
Kaјьп, surь palьrgan	— Березовый сок, пучку, ⁵
Kандьк, sargaјazьktu	— кандык, сарану имеющие пищей
Kaјраkan Majma polbolar	— уважаемые Майма не будут.

¹ Введение в историю монголов. Труды Вост. отд. Археол. общ., 1858 г., ч. 5

² Asia Polyglotta, Paris, 1823 г., стр. 147—148.

³ Исторические акты XVII столетия, изд. Кузнецовым, Томск, 1890 г., стр. 8—9.

⁴ Вербницкий, Записки миссионера Кузн. отд. Алт. мисс. за 1863 г., Прав. обозр. 1864 г.; его же, Алтайские инородцы, стр. 15; Записки Мисс. общ., т. I, вып. IV, стр. 231 и др.

⁵ Palьrgan — пучка или борщевник (*Heracleum Sibiricum*).

Вспомним также, что месяц май — время копания кандыка — и называется у шорцев *pes aj* «месяц кандыка» и то же самое у кумандинцев *kandyk aj*.

О важнейшем значении корнекопания для населения лесных районов Саяно-Алтайского нагорья свидетельствуют и находки копалок для сараны среди инвентаря надземных погребений, именно в гробницах женщин у бельтиров и бирюсов, кочующих по реке Таштыпу.¹

Корнекопалка же представляет собой одно из самых древнейших орудий человеческого труда. Она широко распространена среди многих племен Саяно-Алтайской области под названием «*ozur*» в

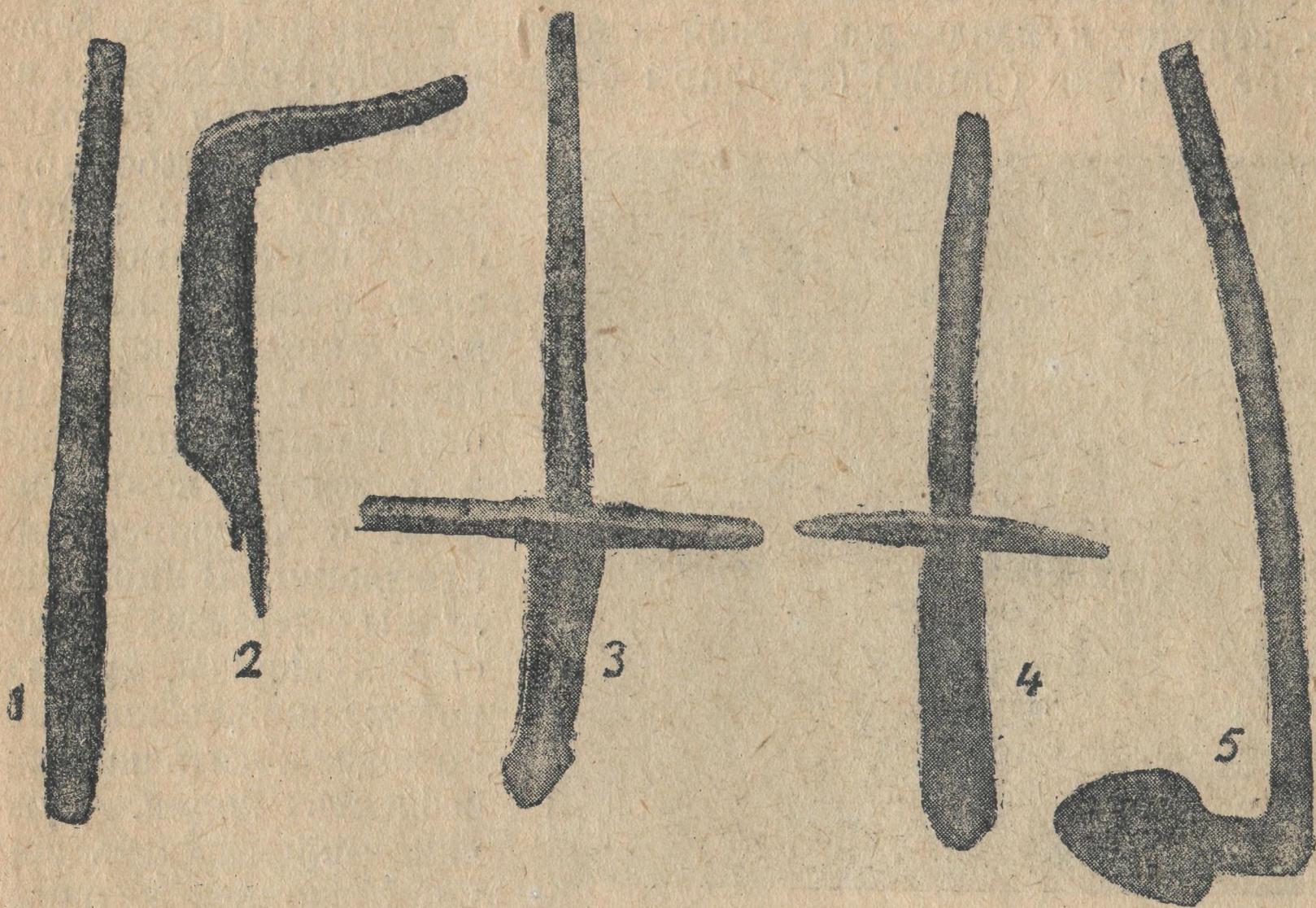

Рис. 22. Корнекопалки

наречиях шорском, алтайском, сагайском, качинском, «*ozuh*» у карагасов, «*ozuh*» у сойотов. Приведем описание одного из озупов, хранящихся в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР: «изогнутая деревянная палка длиной в 60 см, округлая в верхнем своем конце (окружность 8,5 см) и четырехгранная в средней части (ширина 6 см), с насаженным железным лезвием в виде узкой лопатки (длина 19 см, ширина в верхней части 6 см и наибольшая 7 см) с поперечной перекладиной (длина 33 см), на которую ставится нога для нажима в землю (см. рис. 22, предм. № 3 и 4).

Корни кандыка, для копания которых озуп главным образом употребляется, находятся очень глубоко в земле, и выкапывать их

¹ Дыренкова и Потапов, ук. соч., стр. 107.

довольно трудно. Луковица сараны легко выкапывается простой палкой. На рис. 22, предмет 1, мы имеем наиболее примитивную копалку, называемую также озуп, представляющую собой плоско заостренную палку (длина 73 см, ширина 5 см). Ныне этот тип употребляется у карагасов для копания луковиц сараны, причем наряду с нею имеется и озуп с железной лопаткой (см. фотографию, предмет 2). Эта палка указывает нам примитивную форму озупа. Такой палкой копали корни все эти племена до знакомства с железом.

Добывание корней, имевшее место до последнего времени, является исключительно женским делом. У шорцев, тубаларов, шелканцев, верхних кумандинцев весной женщины и девушки берут берестяные кузовки (panda) (тубалары берут коробку, сделанную из

Рис. 23. Перед отправлением на заготовку корней (шорцы)

кожи вымени коровы, называемую portoo), прикрепляют их к поясу, берут озуп и отправляются в тайгу выкапывать корни кандыка (рис. 23). Целый день они выкапывают корни и к вечеру возвращаются с наполненными кузовками. В многочисленных легендах и рассказах шорцев, тубаларов женщина обязательно ходит копать кандык, собирать корни, мужчина—промышлять зверя. У шорцев женщина заготавливает за весенний период до 1 центнера кандыка.

«У сойотов, — пишет Яковлев, — особенно женщины отбывают прямо-таки страду, с озупом в руках выкапывая сарану, кандык, черемшу, ища мышьи норы и расхищая их магазины с теми же кореньями».¹ Копание корней кандыка Паллас отмечает «у сагайцев и у племен, обитающих в Кузнецких горах, бабы, кои наиболее в сем упражняются, копают его в мае месяце».² Вот почему озуп мы находим в женских надземных погребениях у бельтиров и у бирюсов в юго-западной части б. Енисейской губернии. У шорцев во время камлания при проводах души умершей женщины в загробный мир шаман должен держать в руках озуп.³

¹ Яковлев, ук. соч., стр. 42.

² Паллас, ук. соч., ч. III, стр. 489.

³ Дыренкова и Потапов, ук. соч., стр. 108.

имели совершенно скота, а 37,3% не имели крупного рогатого скота. По долине реки Кобырсу некоторые жители, особенно дети, не знали вкуса молока. В междуродовых насмешках шорцев нередко отмечается неудачливость того или иного рода в деле разведения скота, например, про род челей (расселены по реке Кондоме и ее притокам Ындропу и Кылдашу) говорят:

Celtirek cerde kar cukpas	—	На мысу снег не держится,
celeige mal cukpas	—	у челей скот не ведется.
Род калар, обитающий по реке Мундубашу, дразнят;		
Kabyrga cerde kar cukpas	—	На косогоре снег не держится,
kalarga mal cukpas	—	у каларов скот не ведется.

Слабость развития скотоводства в таежной части Северного Алтая объясняется в значительной мере природными условиями горной заболоченной тайги, не имеющей покосов и зимой покрывающейся на 6—7 месяцев глубоким снегом, достигающим порою двухметровой толщины. При той низкой ступени развития труда, на какой находились северные алтайцы до Октябрьской революции, природные условия весьма повелительно заставляли их подчиняться себе. И только преимущественно в низовьях больших таежных рек, где долины более широки, где тайга отступала от человека, скотоводство получило некоторое развитие, и то сравнительно недавно. Если обратимся к рассмотрению типа скотоводства у северных алтайцев со стороны его приемов и техники, то обнаружим здесь существенные различия по сравнению с южным алтайским полукочевым скотоводством. Если мы будем продвигаться из типично скотоводческих районов юго-западного Алтая на северо-восток, то интересующий нас вопрос предстанет в следующем виде. По мере удаления на северо-восток и приближения к тайге сокращаются размеры скотоводства, но еще сохраняется его южный тип. Даже у тубаларов скотоводство, сокращенное условиями тайги, примыкает к южному типу. Это в большинстве случаев молочное натуральное скотоводство, за исключением немногих зажиточных хозяйств, у которых и скотоводческое хозяйство постепенно ориентировалось на рынок. По мере появления маслодельных заводов в некоторых таежных районах это сделалось особенно выгодно. Как правило же, и у байских хозяйств таежного Алтая скотоводство носило натуральный характер и имело молочное направление. У тубаларов, как и у южных алтайцев, из молока выделялись довольно разнообразные продукты. Кислый продымленный сыр (kurut, кьтьс, сеген) молочная водка (агакь) известны тубаларам, и под теми же названиями, что и на юге. Однако стоит нам пройти тубаларов, как уже картина скотоводства изменяется. У кумандинцев и особенно у шорцев скотоводство иное. Шорцы называют скот также по-турецки, но не выделяют молочных продуктов, типичных для южного скотоводства, и не имеют даже названия этих продуктов, не доят кобылиц. Скотоводство шорцев — оседлого русского крестьянского типа, с той лишь разницей, что примитивно и меньше

по размерам. Сами шорцы имеют совсем свежие воспоминания, как приобретали скот от русских. Правда, мы имеем сведения из исторических документов о проникновении лошади к шорцам и шелканцам от джунгаров, которые обменивали лошадей на железо.

Любопытно, что скотоводство шорцы начали со средств передвижения. Они не смогли развить молочное хозяйство и изредка довольствовались только одним мясом. Мы встречали людей, помнящих, как у них зарождалось скотоводство. Дорогу ему прокладывала лошадь, за ней шла корова. Лошадь была оценена как средство передвижения, как мясной запас и только. Отцы современных стариков говорили, что раньше даже в Северной Шории скотоводства не было. На их памяти только появился скот, и первым видом скота была лошадь. В улусе Акколе была всего одна кобыла на весь улус, в улусе Полбынь был табун лошадей в 6—7 голов. При этом нам подчеркивалось, что лошадей начинали разводить наиболее зажиточные люди Северной Шории, занимавшиеся главным образом торгово-ростовщическими операциями. Это вполне понятно. Местными шорскими баями-торговцами лошадь сразу же была оценена как средство для транспортировки товаров и закупленной продукции. Позднее лошадь проникла и в Северную Шорию. Но шорцы не освоили ее в достаточной степени. Седла, служащие предметом постоянных забот и внимания кочевников-скотоводов, у шорцев — простые деревяжки, сплошь и рядом без мягкой подушки и с одной подпругой из веревки, заседываемые чуть не на голую спину лошади. Ни украшений, ни прочности, ни приспособленности — ничего нет. Одним словом, не седло, а недоразумение. Шорец как бы неохотно обращается к услугам лошади. Ловить ее, заседывать слишком много возни. Лучше пройти километр или два пешком, в противоположность южному алтайцу, который, если имеет лошадь, то даже за полкилометра едет на лошади, считая неприличным итти пешком. Шорские женщины летом несут на своих спинах тяжелые вязанки дров, а иногда и целые колодины мимо свободно разгуливающих лошадей. Лошадь у шорца не используется почти круглый год. Зимой ее передвижение стесняет глубокий снег. Весной и летом шорец, если он не обрусевший и не занимается земледелием, тоже редко пользуется ею, и только осенью он увозит на ней в тайгу охотничий запас. Побывавшему у южных алтайцев шорское скотоводство кажется уродливой карикатурой.

В скотоводстве северных алтайцев, как и в других отраслях труда, имели место те же архаические элементы, свидетельствующие о крайне низкой ступени развития труда у этих племен. Так, например, шорцы, усвоив заготовку сена, все же круглый год держали скот под открытым небом, подпуская его прямо к стогу. Скот жил у стогов в небольших загородках и не выгонялся оттуда даже на водопой, утоляя жажду снегом. Почти половина сена при таком способе кормления пропадала под ногами у скота. Коегде, например, по реке Мундыбашу, заготовленное сено метали на

низкие деревья и подпускали к ним скот (рис. 27). Весной на удобренных местах зимних стоянок скота сеяли коноплю. Такого же типа скотоводство было и у шелкапцев, которые, по Радлову, «лошадей и коров держат в очень незначительном количестве».¹

Признавая недавность происхождения скотоводства у северных алтайцев, мы утверждаем это положение в отношении разведения лошадей, овец, крупного и мелкого рогатого скота. Это не исключает возможности, например, того обстоятельства, что в глубокой древности этим племенам было известно оленеводство. Смутные указания на это имеются у шорцев. Так, например, нам удалось видеть на одном из шорских шаманских бубнов рисунок, изображающий

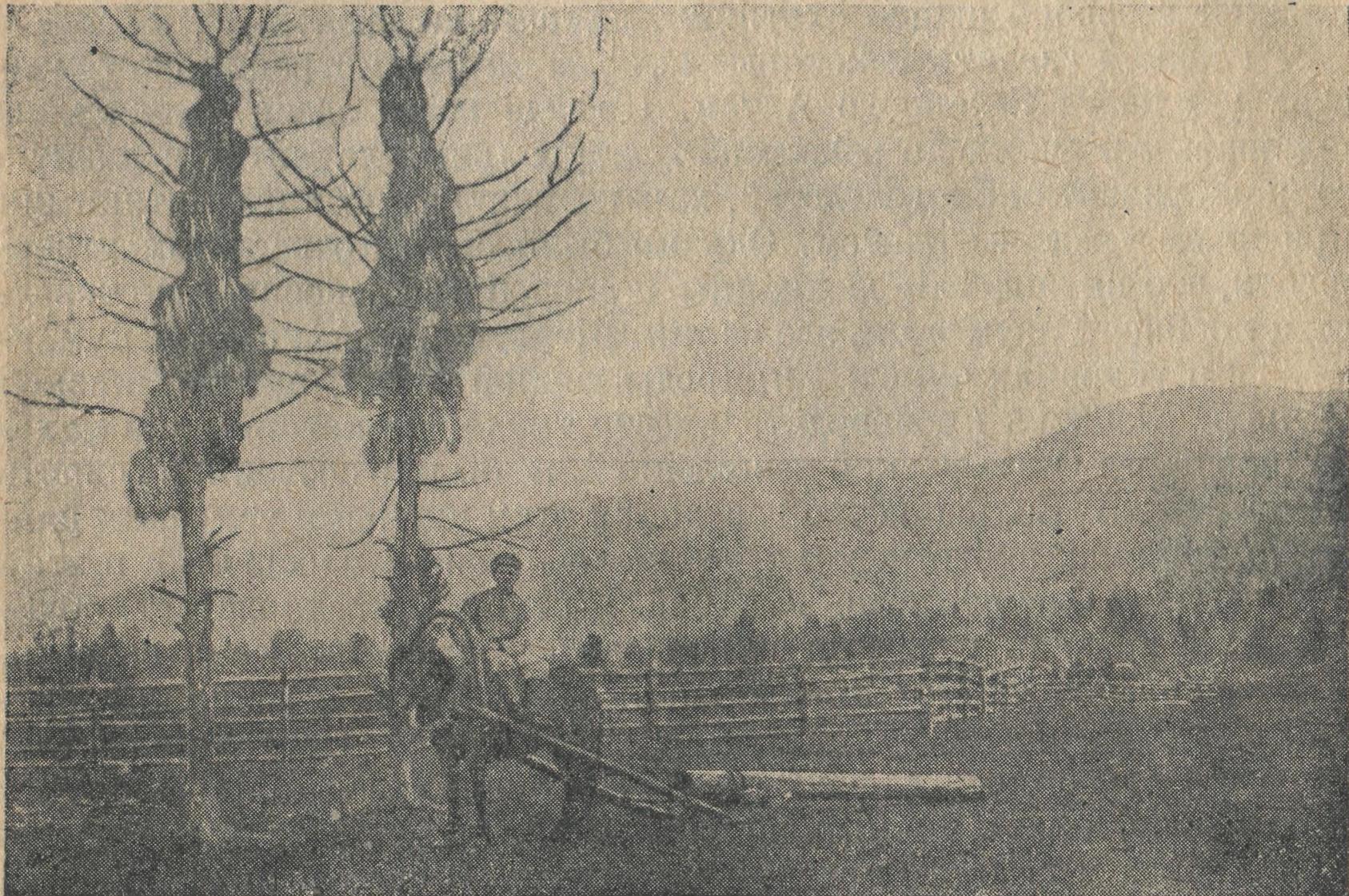

Рис. 27. Заготовка сена на деревьях (туба)

оленя, запряженного, в нарту. В рассказе, записанном нами в верховьях Мрассу, в Усть-цзасе, от старика Софрона Тенчешова (88 лет из рода Sor), шорец-охотник догнал зимой сохатого, сел на него верхом и ездил по тайге, оставив ружье, лыжи и топор на том месте, где был достигнут сохатый. Финал рассказа — охотник заблудился, вынужден был убить и съесть сохатого и, наконец, нашел свои лыжи и ружье. За время странствований верхом на сохатом медведь разрушил его охотничий балаган и утащил продукты. По возвращении домой охотник рассказывает о неудаче своей семье и в заключение приводятся слова нравоучения сына: «на сохатом не ездят». Кроме того, шорские шаманы представляют свои бубны

¹ W. Radloff, Aus Sibirien, т. I, стр. 360.

ездовым оленем, на котором они совершают свои путешествия во владение духов. К этому добавим ссылку на знаменитое Пазарыкское погребение из Северо-Восточного Алтая, где одна из захороненных верховых лошадей была замаскирована под оленя, имела оленьего типа седло без стремян, без деревянного остова и набитое оленьим волосом.¹ Погребение датируется началом нашей эры. Все это вместе взятое не только делает невозможным категорическое отрицание знакомства с оленеводством племен Северного Алтая в глубокой древности, а скорее обязывает нас сосредоточить внимание на данном вопросе в смысле его положительного решения. В этой же связи должен быть рассмотрен и факт наличия у северных алтайцев охотничьих деревянных нарт, которые в настоящее время таскают за собой пешие охотники, идущие на лыжах.

Мы можем сделать некоторые выводы из рассмотрения скотоводства у племен Северного Алтая. Прежде всего здесь мы должны признать наличный до революции натуральный характер и низкую степень развития скотоводства, характеризующуюся примитивными приемами ухода за скотом. Однако было бы неправильным утверждать, что шорцы или шелканцы неспособны к освоению скотоводства вообще. Разумеется, это не так. Шорцы и шелканцы да и кумандинцы в условиях суровой природы горной тайги, при той низкой степени развития производительности труда, на которой они находились перед Октябрьской революцией, не были в состоянии освоить скотоводство. Большинство населения этих племен в условиях царского колониального режима не имело никаких перспектив в этом отношении. Скотоводство в такой местности предполагает более высокий уровень развития производительных сил. Надо сказать, что северные алтайцы прекрасно осознавали экономическое преимущество скотоводства, например, перед охотой. Последнее обстоятельство отразилось в фольклоре. В сказке «Алтын-Мизе» старик Марал, всю жизнь промышлявший зверя, получил от божества немного скота и немного подданного народа. И сказка подчеркивает: «петли и самострели остались [без употребления, т. е. старик не стал промышлять зверя], а его старуха Кандыкчы перестала копать кандык и сарану».²

VIII. Домашнее ремесло

Наиболее характерной особенностью производства у племен Северного Алтая было слабое развитие промышленности, носившей домашний характер и не отделившейся в самостоятельную отрасль труда. Домашняя промышленность выступала на Северном Алтае в соединении с охотой и подсобным ей земледелием или рыболов-

¹ М. Р. Griaznov, The Pazirik burial of Altai, American Journal of Archaeology, т. XXXVII, 1933 г., № 1.

² Н. Я. Никифоров, Аносский сборник, Собрание сказок алтайцев, Зап.-Сиб. отд. РГО, т. XXXVII, Омск, 1915 г., стр. 65—66.

ством и была представлена ткачеством, обработкой кожи и шкур зверей и остатками некогда развитого кузнечного ремесла. Домашняя промышленность у северных алтайцев, за исключением кузнечного дела, находилась исключительно в руках женщин. Гончарное производство развития не получило и, по поздним этнографическим наблюдениям, отмечено лишь в одном месте у шорцев, живущих по реке Томи, близ впадения реки Мрассу. Несмотря на то, что из раскопок в предгорьях Северного Алтая (окрестности Бийска, с. Сростки и др.) известна керамика, сопутствующая погребениям довольно ранних эпох (погребения типа Афанасьевского, Андроновского),¹ гончарное производство у северных алтайцев до нашего времени не сохранилось, за исключением указанного пункта у шорцев. Здесь лепят горшки при помощи круга. При этом употребляют крайне примитивные деревянные орудия: два деревянных обруча (şьjьk), маленькие деревянные лопатки (сакрь) и деревянный ножик (keskiş). У кумандинцев в преданиях говорится о каменных чашках (taş ajak), возможно, это память о былом гончарстве, которое исчезло с приходом русских.

а) Ткацкое производство сохранилось в лучшей степени, в оригинальных чертах, главным образом у кумандинцев и шорцев, хотя известно шелканцам и некоторым тубаларам. Шорцы добывали волокно из дико растущих растений: крапивы, кендыря, дикой конопли. Наряду с этим специально сеяли коноплю. Из волокна крапивы вязали рыболовные сети. Ткань для одежды изготовляли из волокон конопли. Созревшую коноплю вырывали с корнем, вязали в пучки, сушили и обмолачивали. Семена шли в пищу, предварительно поджаренные на огне и смешанные с толканом. Стебель или дудку конопли не мочили и не мяли, а разламывали пополам и при помощи рук и зубов сдирали волокно и соединяли его в пучки (tudam), которые клали в берестяные коробки (ulan kendir), пересыпая шелухой ячменя, чтобы пучки не спутались. Процесс сдирания волокна называется kendir sojьrga. Содранные волокна сращивали в одну нитку, наматывали на палочку. Этот процесс назывался kendir ulaksa (соединение конопли). Затем приступали к пряже ниток (kendir irse) ручным способом при помощи веретена, имеющего каменное пряслице. Пряжа хранилась на веретене, пока не поступала в основу весьма примитивного ткацкого станка. Станок этот в виду первобытности его устройства представляет значительный интерес.

С веретена нитки сматываются в основу, называемую kendir sucursa или осум сibe — в верховьях Мрассу. Основа, состоящая из конопляных ниток, укрепляется на кольях в земляном или дощатом полу, а иногда на улице в земле или снегу. Окружность основы около 6 м. Основу сначала белят. Для этого кладут в котел с бере-

¹ Данные погребения датируются 4000—3500 лет от нашего времени и, очевидно, относятся к эпохе материнского рода в Саяно-Алтайском нагорье. См. Саяно-Алтайскую выставку Гос. Этнографического музея.

зовой или осиновой золой и кипятят в ней 2—3 дня, затем хорошо прополаскивают на реке. Ткут обыкновенно весной, зимой же производят подготовку краснов и мотков для челнока. Ткут на станке. Он имеет следующие части: 1) *adarga* или *otra* — две равных деревянных дощечки шириной 0,10 м, длиной до 0,5 м. Они соединены между собой деревянными гвоздями. Эти дощечки разделяют в основе нижний и верхний ряды ниток; 2) *paskъs*, *paskъsak* — деревянная пластинка длиной в 0,5 м, с вырезкой посередине, которой она держится за нитки во время тканья. Назначение ее — придавливать нитки во время работы на станке; 3) *kizug agazъ* — палочка на ножках, круглая, с дырками на концах, куда прикрепляются пиченки. Служит подставкой, опорой для основы; 4) *къльs*, —

Рис. 28. Мнут кожу (шорцы)

выполняет функцию берда, закрепляющего поперечную нитку ткани. По форме напоминает нож или саблю (отсюда название, *къльs*», т. е. сабля), длина несколько больше 0,5 м; 5) *salgъs* — челнок — представляет круглую деревянную палочку.

Подобное же устройство ткацкого станка у шелканцев и кумандинцев.

Из вытканного холста шили халаты (*ken-dir*), рубашки (*kebnek*), штаны (*stan*), шапки (*re-guk*), мужские, женские,

детские, праздничные и будничные, ритуальные и обыкновенные.

Кумандинцы, по сообщению В. Радлова, выделявали из овечьей шерсти грубое сукно, которое они умели красить.¹

Здесь же отметим, что для шитья наряду с нитками из дикой крапивы или конопли широко употребляли нитки, сделанные из сухожилий марала или оленя.

Помимо изготовления ниток, находило применение и изготовление веревок, арканов, бечевы, причем материалом для них у тубаларов и шорцев служило лыко лесной акации *Caragana arborensis* Lam. (по-шорски — *kastъk* и *şarkъn*, у тубаларов *саръ саркъn*). Между прочим, есть известие Георги, что телеуты бачатские делали из лыка горохового дерева рогожи, которыми покрывали свои летние жилища.²

¹ W. Radloff, *Aus Sibirien*, т. I, стр. 363.

² Георги, *Описание... народов*, ч. II, стр. 158.

б) Выделка кожи производилась у северных алтайцев следующим образом: вымоченную в воде (иногда в воду засыпали осиную золу) лошадиную или бычью кожу брили острым ножом, натирали порошком пихтового угля и отваром костей, после чего кожа становилась черной. Затем в течение месяца держали на воздухе, проветривали, потом смазывали салом, мяли в особой колоде с зазубринами (talьg) и дымили в земляных печах и снова мяли (рис. 28). Выделанная таким способом кожа не боялась ни жара ни мороза, но не выносила сырости.

Шкуры диких животных выделывали при помощи натирания их вареной печенью и солью.

Из шкур и кожи животных тубалары выделывали посуду. С этой целью, например, вымя убитой коровы сдиралось чулком, набивалось землей, высушивалось на огне. Землю потом высыпали и получалось ведерко (portogo) для хранения соли или для собирания кандыка. Точно так же сдиралась кожа с ноги лошади, и из нее таким же способом делали сосуд. Способ изготовления посуды и сосудов из сырой кожи, очищенной лишь от волоса, сшитой жилами, при помощи набивки землей и просушки у костра был довольно обычным. Очищенная и продыmlенная брюшина (каjгьп) или мочевоi пузырь (sajlo) коровы, теленка употреблялись тубаларами в качестве сосуда для хранения масла.

Наряду с этим из выделанной кожи тубалары за последнее время стали шить вьючные сумы, называемые кар. Из выделанной кожи шили и обувь. Кожаные делали только головки (для экономии кожи), голенища же из холста. Такие обутки весьма характерны для тубаларов и известны под названием «аjгь ө lуk». Тубалары шили обувь и из шкурок оленей и козлов, снятых с ног, мехом наружу. Такие сапоги назывались рьскак өдук.

в) Кузнечное ремесло. Довольно развитым и распространенным на Северном Алтае было кузнечное ремесло, носившее также домашний характер. Кузнецы не имели даже специальных помещений, а работали примитивным способом в жилой юрте. Вот почти исчерпывающий перечень предметов, выделываемых тубаларами-кузнецами в конце XIX в., что еще хорошо помнят старики: ножи (рьсак), трубки (кацза), огнива (отук), мотыги (обыл, абыл), удила (уjген), подфеи (куjьс кан), пряжки к подпругам (kolonyц базь), стремяна (узенi), различные тесла для выделки трубок (adaлгь и сись), долота для выдалбливания ложек (tartka), топоры-тесла (kergi), которыми дерево обрубалось кругом, и т. п. Правда, ремесло это в эпоху русской колонизации было вытеснено русскими кузнечными изделиями, и поэтому трудно судить о том, что оно представляло раньше. Все же и на этот счет у нас имеются известные данные, которые позволяют утверждать, что кузнечное ремесло до прихода русских было развито довольно высоко. Известно, что алтайцы умели выделывать сталь, превосходящую по качеству русскую.¹

¹ Ядринцев, Об алтайцах и черневых татарах, Изв. РГО, т. XVII, 1881 г., стр. 239.

Шорцы, или «кузнецкие татары» старинных русских документов, славились выделкой котлов и таганов, которыми они платили дань джунгарам, и выделкой абылов, которые, как мы видели в главе о земледелии, обменивали с южными алтайцами. В одном из старинных русских документов первой четверти XVII в. говорится про шорцев: «Из того железа делают они панцыри, бехтерды, шеломы, копья, рогатины, сабли и другие железные вещи, кроме пищалей. Панцыри и бехтерды меняют калмыкам на лошадей, коров и овец, также иные и ясак платят».¹ О выделке разнообразных железных изделий на Алтае свидетельствуют и археологические раскопки. Важно отметить, что кузнечное ремесло развилось здесь на собственной сырьевой базе. Племенам Северного Алтая с давних пор известны приемы и способы добывания железа из руды. Со времени русской колонизации обработка руды у северных алтайцев почти прекратилась. Тем не менее еще в конце прошлого века можно было наблюдать кое-где выплавку железа из руды, и почти до последнего времени у тубаларов можно записать способы выделки железа. Выделка железа на Северном Алтае имеет свою довольно долгую историю.

Ряд источников с несомненностью свидетельствует о давнем употреблении железа на Алтае. Археологические раскопки могильников VI—VIII вв. изобилуют находками железных изделий (наконечники стрел, копий, ножи, котлы, стремена, удила и т. д.). Несомненно, что железо добывалось и обрабатывалось на Алтае, так как рудное дело здесь было известно более ранним насельникам, чем современникам железа. Стоит вспомнить так называемые «чудские копи» или «чудские ямы», широко распространенные в Алтае и его окрестностях. Именно на такие ямы наткнулись русские зверопромышленники на реке Белой, близ горы Синюхи, и доставили образцы руд уральскому горнозаводчику Акинфию Демидову, который вскоре же на основании проб, взятых из этих руд, построил на Алтае в 1727 г. Колыванский медеплавильный завод.² Так было положено начало горнозаводской промышленности в Алтайском крае.

По свидетельству Шангина, все колыванские рудники были открыты по следам древних. Он пишет: «Мы не можем сказать, чтобы который-нибудь из всех колыванских рудников был найден непосредственно, помощью наших знаний и старания, ибо все они открыты по россыпям, оставшимся после разработки Чуди. Да ежели и ныне вновь делаются какие-либо открытия, то единственно по показанию сих насыпей». У Шангина же даются некоторые указания и на технику рудного дела в Алтае.

«Достойно замечания то, что все в Сибири находящиеся Чудские работы простираются в глубь на весьма малое расстояние, сказать

¹ Сибирский вестник, изд. Григ. Спасским, 1819 г., ч. VII, Спб., 1819 г., стр. 141.

² Рукопись шахтмейстера Ивана Бурнашева «Методическое описание Колывано-Воскресенским заводом и рудником о состоянии оных с первоначального открытия руд и по нынешний 1799 год». Хранилась в Барнаульском архиве.

вообще: от 1 до 5 сажень, а иногда немного и более». «Вероятно можно заключить, что они не имели орудий, необходимо к сему нужных, и следовательно, работали токмо на такое расстояние в глубину, пока продолжались мягкие, стланцевые или сыпучие породы». «Заключение сие совершенно подтверждается до сих пор еще находимыми в коях их инструментами, которые обыкновенно состоят из медных небольших корочек и молотков различной величины из какой-нибудь твердой породы, чрезвычайно худо обделанных». ¹

В 1751 г. по древним «чудским» коям в Бийском округе был открыт золотушенский медный рудник, где были найдены медные котлы, остатки глиняных сосудов и другие орудия «чудского производства». ²

В Барнаульском архиве хранились, по нашему мнению, еще нигде не опубликованные данные о древних рудных разработках. Так, например, унтер-шихтмейстер Василий Головин в своем отчете (1780-е годы) о нахождении серебряной руды описывает «чудские рудокопные ямы», где им были обнаружены «скотинные кости, уголь, согнившее и отчасти минерализованное дерево». Ямы находились на правом берегу р. Оби, в 175 км вверх по течению от Барнаульского завода, в конце Малетинского бора. Более точное местоположение: от деревни Малетиной на восток 4 км, а от Оби на юг 2 км. От этого места к северу находятся «по объявлению крестьянина Федора Малетина девять ям таких же, древнего народа, рудокопных». «По объявлению пищика Петелина, от деревни Ключевой к северу в одной версте древних народов рудокопные ямы, кои положением состоят в плоской долине, расположены длиною до 200, шириною до 85 сажень».

Из объяснений к петрографической карте, составленной маркшейдером Шлеттером, служившим на Колывано-Воскресенских заводах и ходившим в 1804 г. с рудокопной партией в Алтай, следует, что «выше деревни Быстрой [между реками Ишой и Березовкой, правых притоков Катуня] партией найдены были чудские копи, заложенные близ кварцевой жилы». «На правой стороне речки Тайтжилы [правый приток Чуи, выше Чибита. Л. П.] от берега ее в 35 саженьях, на северо-восточном уклоне плосколежащего пригорка, лежат рассыпавшиеся куски шлака, и при оных находится кругообразная яма, в коей, повидимому, у древних производилась расплавка руд, и сия, в нынешнем ее положении, простирается в поперечнике до 3-х, глубиной до $\frac{3}{4}$ аршина». ³

Приведенные данные не могут оставить сомнения в знакомстве древних обитателей Алтая с рудным делом и обработкой меди. То же самое относится и к железу.

Китайские источники указывают, что жуан-жуаны, выдвинув-

¹ А. Шангин, Описание Колывано-Воскресенских рудников. Москва, 1808 г. стр. 2—3.

² Голубев, Алтай, стр. 8.

³ Карта хранится в архиве чертежной г. Барнаула.

шиеся на политическую сцену в Средней Азии после гуннов, называли турков «тукю», обитавших на Алтае, «своими кузнецами». В знаменитом ответе жуан-жуанского хана, который он дал хану турок Тукю Тумыну, когда последний, ободренный победой над ойхорами, попросил у жуан-жуанского хана руки его дочери, говорится: «ты мой плавильщик, как осмелился сделать такое предложение». ¹

Стало быть, в половине VI в. в горах Алтая добывали руду и плавил железо. Более вероятно, что этим занималось не большинство населения тукю, которые, по тем же источникам, выступают как скотоводы, кочевники, а мелкие племена, жившие в лесистых горах Алтая, входившие в состав тукю, например, шорцы, издавна населяющие отроги Северного Алтая, или тубалары окрестностей Телецкого озера, которые до последних лет сохранили древние приемы добывания и плавки железной руды. Еще сибирские летописи называют население верховьев Томи, затем рек Мрассы и Кондомы «кузнецами», поясняя, что «кузнецы же словут потому, что ясачные люди государские там... берут и жгут и плавят железо и куют вместо паковален на камени..., а железо то кузнецкое и уклад велми добр, лутче свейского железа, и мягкое железо, аки свинец. Соболями, железом в казну ясак платят». ² В другом месте летописи говорится: «а вверх по Томи же реки острог Кузнецкой, тамо варят железо, железо земли тая добро». ³ Поэтому в воеводских отписках и царских указах XVII и XVIII вв. ясачное население бассейнов указанных рек фигурирует под названием «кузнецкие татары». В грамоте царя Михаила Федоровича от 11 сентября 1623 г. даже приводится довольно подробное описание добычи и плавки руды у шорцев. Приведем полностью это интересное место: «около Кузнецка (города) на Кондоме и Мрассе реках горы великие каменные, в тех горах емлют кузнецкие ясачные камни, кои разжигают на дровах, разбивают молотами и раздробив сеют решетом, а просеев сыплют понемногу в горн, где сливается железо. Из того железа делают они панцыри, бехтерды, шеломы, копыи, рогатины, сабли и другие железные вещи, кроме пищалей. Панцыри и бехтерды меняют калмыкам на лошадей, коров и овец, так же иные и ясак платят». ⁴

Добывание железа у шорцев да и тубаларов было настолько распространенным занятием, что они платили дань своим владельцам железом. Известно, что киргизы Минусинских степей получали эту дань в поделках из железа, преимущественно в котлах. Позднее

¹ Иакинф Бичурин, Сведения о народах Средней Азии, ч. I, стр. 236.

² Сибирские летописи, Описание Сибири, изд. Археограф. ком., Спб., 1907 г., стр. 382; А. Титов, Сибирь в XVIII в., М., 1890 г., стр. 79; Описание новых земель, сиречь Сибирского царства, по рукописи б. Румянцевского музея, № ССХСIV.

³ Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русских редакций, А. Попов, Москва, 1862 г., стр. 403.

⁴ О чудских копиях в Сибири, Сиб. вестник, Спб., 1819 г., ч. VII стр. 141. Приводится также и Н. Фирсовым в работе «Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве», Казань, 1866 г., стр. 44.

джунгарский хантайши брал дань с Северного Алтая также железом, именно: котлами, таганами, наконечниками для стрел, удилами и т. д.¹

Насколько видную роль в уплате дани джунгарам имели у тубаларов железные таганы, можно судить хотя бы по тому, что сборщики дани в то время носили в правом ухе, наподобие серьги, особый знак власти. Знак этот тубалары называли *ojrotop* осадь (ойротский таган), и представлял он собой миниатюрный железный трехногий таган для котла. Такой знак Государственному Этнографическому музею удалось приобрести от тубалара Кыргызака Пекеева из рода *togus*, живущего по правому притоку Пыжи по реке Сугу. По словам Кыргызака, он достался ему по наследству от предка в двадцатом колене, по имени Тагыспа (*tagьспа*).² В эти времена, как рассказывали нам старики, тубалары добывали железо из гор, расположенных между реками Уймень и Кара-Кокшей, причем гора Онугун давала ковкую сталь (*ot bolot*), гора Салынчак — хрупкую сталь (*sat bolot*). Горы эти хорошо видны из современного Бежельбика.

Еще позднее, когда Северный Алтай принужден был платить дань одновременно джунгарам и русским, те и другие требовали железа, как это можно видеть в главе об ясаке. В первой половине XVIII в. жители Северного Алтая обменивают свои железные изделия на войлок, на лошадей джунгарским калмыкам, которые специально приезжают для этого обмена.³

В конце XVIII в. «киргизы разорили рудные заведения при Каштаке, находившиеся, по всей вероятности, в ветви хребта Кузнецкого, по реке Мрассу».⁴

Более поздние источники XVIII в. — известия путешественников — свидетельствуют о плавении железа и кузнечном деле как о еще довольно распространенном занятии лесных племен Саяно-Алтайской области. Такие сведения мы имеем о сойонах, кочевавших в то время по реке Абакану, о бельтирах, также кочевавших при Абакане, у которых «издревле ведутся кузнецы, которые плавят и кууют железо», об абинцах, т. е. населении Северной Шории, плавящих «железные руды, которые находят они в поверхности гор слоями в болотах своих под дерном» и т. п.⁵

Плавка железной руды иковка железа еще кое-где сохранились в Северном Алтае, несмотря на то, что русские кузнечные изделия вытеснили местные. Как указывалось выше, тубалары делают ножи и трубки, удила и т. д. В конце прошлого века посланный министерством финансов в Алтай для исследования торговли с Китаем П. П. Яцевич между прочим доносил в своем от-

¹ Подробно см. в главе об ясаке.

² См. коллекцию 4332—136 в Гос. Этнограф. музее.

³ Материалы для истории Сибири, Чтения в Общ. ист. и древн. рос., кн. 4, 1866 г.

⁴ Словцев, Историческое обозрение Сибири, кн. 2, стр. 73.

⁵ Георги, Описание... народов, ч. II, стр. 163, 167, 168.

чете: «На левом берегу реки Чулышмана, верстах в 50 выше Чулышманского монастыря, близ скалы Тура-гая, есть гора, имеющая отвесной высоты более 400 сажен, в длину около 3 верст и состоящая из железного железняка такого превосходного качества, что в настоящее время кочевые телеуты и калмыки холодным способом, посредствомковки, прямо из рудного камня выделывают для себя топоры, молотки, ножи и стремена, хотя и очень грубой отделки, но все же годные к употреблению». И далее в том же отчете Яцевич писал: «Близ Кош-Агаса кочевые татары также выковывают разные вещи холодным способом, добывая для этого железорудный камень из Айгулакских гор и из гор, лежащих по берегам речки Буро-Бургазы», впадающей в Чую близ китайской границы. ¹

Н. М. Ядринцев во время своей поездки на Алтай в 1880 г. записал местный способ выделки железа: «На Чулышмане и Башкаусе до сих пор добывают руду, плавят чугуны, а затем выделывают железо. Первобытный способ этой выделки... состоит в выплавке чугуна из толченой руды, пересыпанной слоями угля и положенной в глиняный сосуд, внизу которого находится отверстие». ² Наиболее подробно о способе плавления железа на Северном Алтае сказано у Георги, который писал: «Плавильное их заведение едва ли может быть простее. Плавильная печь делается в зимней хижине и состоит в гемисферическом на пядень углублении глинистого пола в избе, у которого находится на одной стороне для действия двумя мехами небольшое отверстие. Яма покрывается круглою горбатою вьюшкою из глины, у которой в самом верху есть отверстие пространством дюйма в два. Когда плавят, то наполняют печь такими мелкими угольями, какие только сквозь отверстие проходить могут, и оные поджигают. А как они совсем разгорятся, то при беспрестанном раздувании мехами бросают попеременно сквозь отверстие в печь то уголье, то по небольшому количеству истолченной мелко руды. Часа в полтора выходит руды около трех фунтов. Вскрывши печь, очищают они переплавленную руду от огарков биением оной деревянными поленьями. Из выплавленного таким образом железа куют они на каменных наковальнях железными молотами железцы [наконечники. Л. П.] к стрелам и заступы [мотыги Л. П.], больше же продают невыделанного железа Российским кузнецам». ³

У тубаларов и теперь еще есть подразделение рода *koңдоq*, которое называется *kobyrsi koңдоq*, что значит «угольщики кондоши». Старики говорят, что тубалары раньше усиленно занимались выплавкой железа. Часть рода *koңдоq* заготавливала уголь для плавки железа, отсюда и получилось название *kobyrsi koңдоq*, т. е. угольщики.

¹ Обе выписки из отчета Яцевича найдены мной в архиве С. И. Гуляева.

² Отчет о поездке, См. Зап. Зап.-Сиб. отд. РГО, кн. IV, Омск, 1882 г.

³ Георги, Описание.... народов, ч. II, стр. 163.

г) Обработка дерева. В домашней хозяйственной жизни северных алтайцев особенно большое место занимала обработка дерева. Деревянные и берестяные изделия являлись преобладающими, так как гончарство отсутствовало, а из железа изготовлялись преимущественно предметы военного снаряжения и некоторое охотничье оружие. Посетивший Сибирь в XVII в. Лоренц Лянг пишет о шорцах реки Томи, что вся их утварь состоит из железного котла да сплетенных из бересты сосудов.¹ Радлов следующим образом характеризует домашний быт шорцев верховьев Мрассы: «Хижины внутри почти пусты, так как эти татары [т. е. шорцы. Л. П.] не имеют обыкновения обладать чем-либо, кроме одежды, одетой на тело. Их кухонная посуда состоит из одного плоского котла для поджаривания ячменя и одного обыкновенного котла для варки пищи. Миски, чашки, посуда для питья им неизвестны: согнутый кусок бересты заменяет всю эту излишнюю утварь». ² Еще совсем недавно тубалары, находясь на промысле, варили воду в берестяных коробках при помощи раскаленных камней, настолько малодоступны были охотникам железные котелки, которые шли в уплату дани. Берестяная посуда для кипячения воды называлась у тубаларов *tos kazan* — «берестяной котел». Этнограф А. Новиков отметил в качестве пережитка кипячение воды в берестяной посуде у охотников-кумандинцев еще в 1927 г.

Наиболее распространенным материалом для деревянных изделий являлись береза и осина. Не случайно поэтому названные деревья, особенно первое, нашли огромное отражение в культуре и считаются священными. Общеизвестно, что береза являлась предметом культового поклонения на Алтае и составляла основной материал при изготовлении жертвенников.³

Относительно осины Вербицкий сделал для шорцев следующую заметку в своем дневнике: «осина, сказали мне, всем деревьям *башлык* (голова), а потому на *аскыш* [таган. Л. П.], *кузой* (имеющий назначение кочерги) и на понукание коней никогда не употребляется». ⁴

Необходимо для уяснения важности деревянных изделий в быту северных алтайцев остановиться на кратком описании некоторых из них. Нужно заметить, что изготовлялись они домашним способом и каждым по мере необходимости. Наиболее крупные предметы из них выделывались путем долбления при помощи простого топора и незатейливых долотец, тесел. Так, например, для того, чтобы сделать лодку (*kebe*), брали осиновый обрубок длиной около 3 м и долбили его; чтобы при долблении получить дно равномерной

¹ Известия Л. Лянга о Сибири, цит. по И. Катанову, Ежегодн. Tobol. музея, 1904 г., вып. XIV, стр. 5.

² W. Radloff, Aus Sibirien, т. I, стр. 352.

³ Между прочим, у некоторой части населения Северного Алтая (река Майма) при молениях особому охотничьему духу *Kudan-bij*ю жертвенник делали исключительно из осины.

⁴ Записки Вербицкого за 1862 г., Прав. обозр., 1863 г., февраль, стр. 146.

толщины, через каждые 25—30 см дно пробивали насквозь. Впоследствии эти контрольные отверстия забивали кольшками. Выдолбленную лодку распаривали и бока ее разводили для большей устойчивости. Так же долбили колоду, которая служила кожемьялкой, или ступу (sak) для толчения зерна. У тубаларов из кедрового или осинового дерева выдалбливались кадки, куда ежедневно сливали молоко для скисания. Эти кадки имели емкость до 100 и свыше литров и назывались сарасак. Из мелких обрубков при помощи одного ножа вырезали чашки (ajak), миски, блюда (terpsi), поварешки (kalak), ложки (kaşık). Из дерева, расщепленного вдоль, при помощи сгибания делали лыжи (sapa, сапа), охотничьи нарты (şapak, сапак), луки для самострелов (şja) и мелкие ловушки [şergei, sergei]. В большом употреблении как материал для изготовления утвари и посуды была береста. У тубаларов из дерева делали маленькие столики на трех ножках для угощения сидящих на полу. У шорцев почти вся посуда делалась из бересты, начиная от маленькой чашки [tozajak], кончая огромным бураком [kuşrak] емкостью до 100—120 литров жидкости или коробом для хранения зерна [ulan], вмещающим до 240 кило зерна. Мелкие сосуды из бересты цилиндрической формы, с деревянным дном и крышкой для хранения жидкостей имели плетеный шов. В берестяных же коробках [panda, ерсеş, ерсек, eskin] и крупных бураках шов прошит ниткой [şugum], представляющей собой расщепленный кедровый корень. Такой шов называется koston [этим же термином обозначают и вышивку на одежде]. Хозяйственное значение бересты для жителей горной тайги Саяно-Алтайской области, идущей не только на перечисленные изделия, но и служащей основным покрытием жилища, отразилось в названии месяца июня «tozaj», когда обычно заготавливают бересту.¹ Даже там, где получила распространение деревянная посуда (тубалары) или там, где распространена покупная русская посуда (кумандинцы), все же сохранилась, и особенно в области культа, берестяная посуда. При всех шаманских молениях употребляется почти исключительно берестяная посуда. Правда, в значительной мере это связано с культом березы (который возник, очевидно, в силу огромного значения березы в жизни этих племен), тем не менее нельзя не признать, что вещи, вышедшие из повседневного употребления, нередко сохраняются в культе.

Из сказанного видно, насколько примитивна и несовершенна была и эта отрасль домашнего производства.

д) Производство жилища. Производство жилища у северных алтайцев носило на себе те же черты глубокого архаизма, каким характеризовалось все материальное производство. Если мы посмотрим, как, из чего и в каком виде сооружались жилища этих племен, то и здесь встретимся с самыми древнейшими приемами, способами постройки и формами жилья. До недавнего прошлого у северных алтайцев сохранились единичные землянки, один из

¹ В. Вербницкий, Словарь, стр. 365.

древнейших типов жилищ, изучаемые теперь преимущественно по археологическим раскопкам и связываемые социологически с эпохой материнского рода. В литературе землянки у кумандинцев отмечены В. Радловым во время его путешествия по Северному Алтаю.¹ О существовании землянок «у кузнецких инородцев» пишет и Н. Ядринцев, который, очевидно, видел их лично, так как отличает от жилищ, «обложенных землей», и находит большое сходство с остяцкой землянкой «карамо».²

О жилищах, стоящих наполовину в земле, пишет и Гмелин, он видел их лично под самым Кузнецком.³ О них, как о бытовавших у абинцев на рр. Томи, Кондоме и Мрассу, пишет и Георги: «хижины самые бедные, бревенчатые... Они стоят до половины в земле, и свет проходит в них большим дымовым отверстием в покрытом землей жердчатом потолке».⁴

У шелканцев еще в конце прошлого века Адриановым было отмечено как самое старинное сохранившееся у наиболее бедняцкой части населения жилище под названием «ширу» или «чиру». Само слово, записанное Адриановым (не знавшим языка) как «ширу», значит «земляной дом» (ser-иц или ser-иц). Вот как описывает это жилище Адрианов: «Передняя стена (в которой проделана дверь) и противоположная ей задняя делается

Рис. 29. Шорское летнее жилище «odag»

из горбулей расколотою пополам осины, которые и вкапываются концами в землю; вышина этих горбулей в середине стены до 3¹/₂ аршин. Две боковых стены забираются из тех же осиновых горбулей, но не стоймя, а вдоль и укрепляются между кольями, воткнутыми в землю на углах постройки».⁵ Крыша этой юрты двускатная, покрывается берестой. Дверь из горбылей, обшитых берестой, пол земляной. На зиму это жилье обкладывается землей почти до самой крыши. В «ширу» нет даже деревянных лавок, их заменяют вырезанные из земли рундуки, покрытые берестой. У шорцев, тубаларов наиболее примитивным из сохранившихся жилищ яв-

¹ W. Radloff, Aus Sibirien, т. I, стр. 211.

² Н. Ядринцев, Сибирские инородцы, стр. 115.

³ Reise durch Sibirien, т. I, стр. 278, Геттинген, 1751 г.

⁴ Георги, Описание... народов, ч. II, стр. 162.

⁵ Путешествие на Алтай и за Саяны, стр. 294—295.

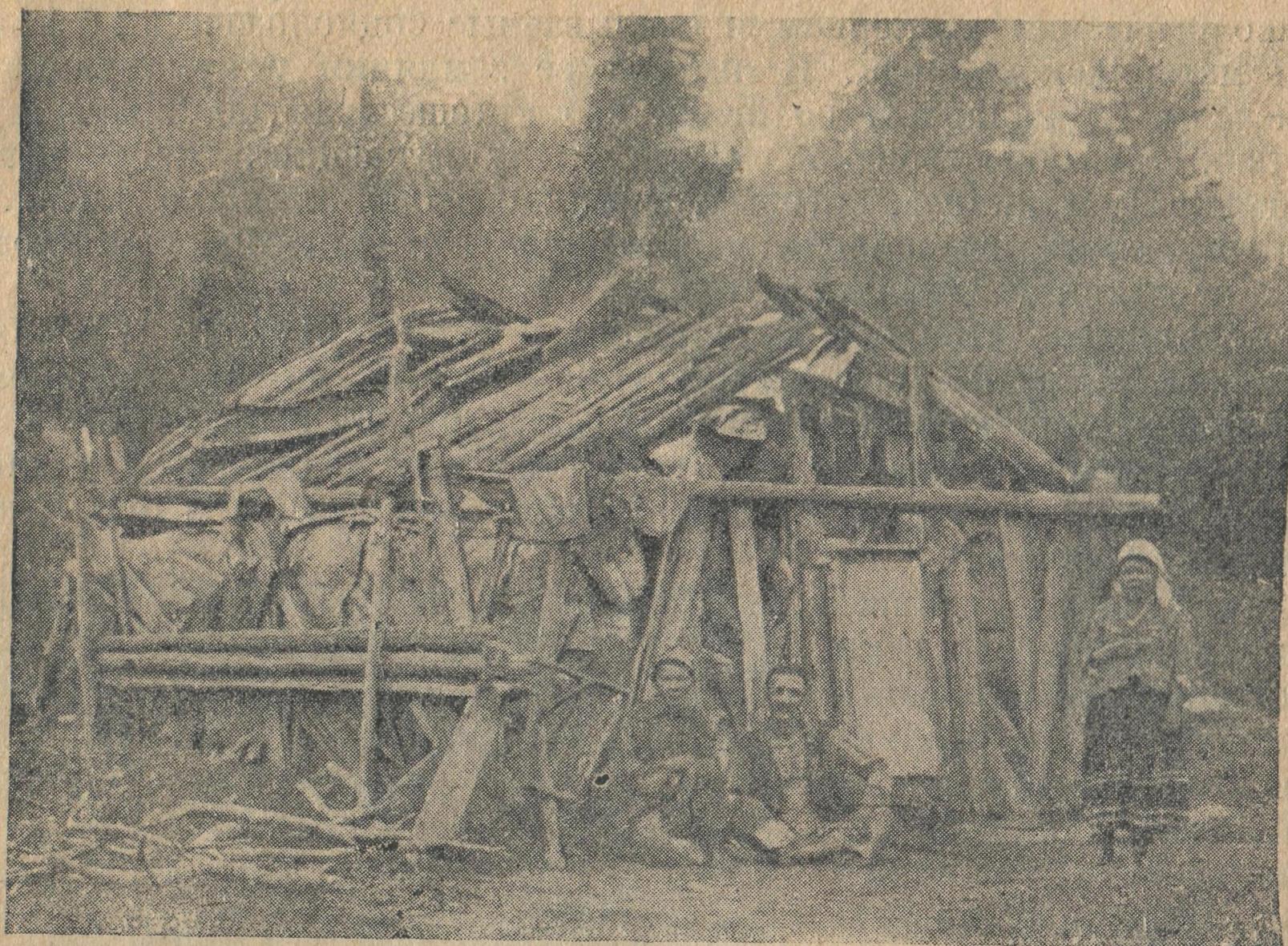

Рис. 30. Жилище-балаган (тубалары)

Рис. 31. Конический шалаш (тубалары)

лялся охотничий шалаш (odag или odog). Он состоял из ряда срубленных деревьев, сведенных в полукруг под большим развесистым деревом (рис. 29). Бока его закладывались ветками, хворостом и забрасывались зимой снегом. Внутри посредине горел неугасаемый огонь. У шорцев был второй тип охотничьего шалаша, называвшегося агъс, все отличие которого от odag состояло в материале. «Агъс» строился из толстых колотых деревянных пластин и представлял собой более прочное сооружение. Более сложным у шорцев, у кумандинцев и у тубаларов являлся балаган с двухскатной крышей, покрытой берестой, с очагом посредине, называющийся *jaļu* или *saļu* (рис. 30). Он состоял из стоймя поставленных досок и имел четырехугольную форму. В этих жилищах нет окон, дым выходит через дымовое отверстие на крыше (*tyndyk*). Наряду с этим распространен конический шалаш из жердей, расположенных по кругу, с дверью, очагом посредине и дымовым отверстием наверху. Он покрывается корой лиственницы или берестой (рис. 31). Покрытые корой лиственницы называются *kaz aļi*, покрытые берестой—*seilti*. У тубаларов же распространены четырехугольные, 6- и 8-угольные деревянные юрты из толстых бревен (рис. 32). Они называются *kerege aļi* и в зависимости от количества стен называются, например, *alt* (*kanatu kerege* — «с шестью крыльями» или звеньями) и т. д. Такая юрта имеет крышу в виде конического шалаша из жердей, покрытых берестой. Любопытно, что эта крыша не имеет собственного названия, а ее называют описательно *jaļu aļp salgan kaļņda* (покрытое березой летнее жилище), тогда как крышу плоскую называют *јара*. Очевидно, конусообразная, а иногда и куполообразная крыша появилась сравнительно недавно.

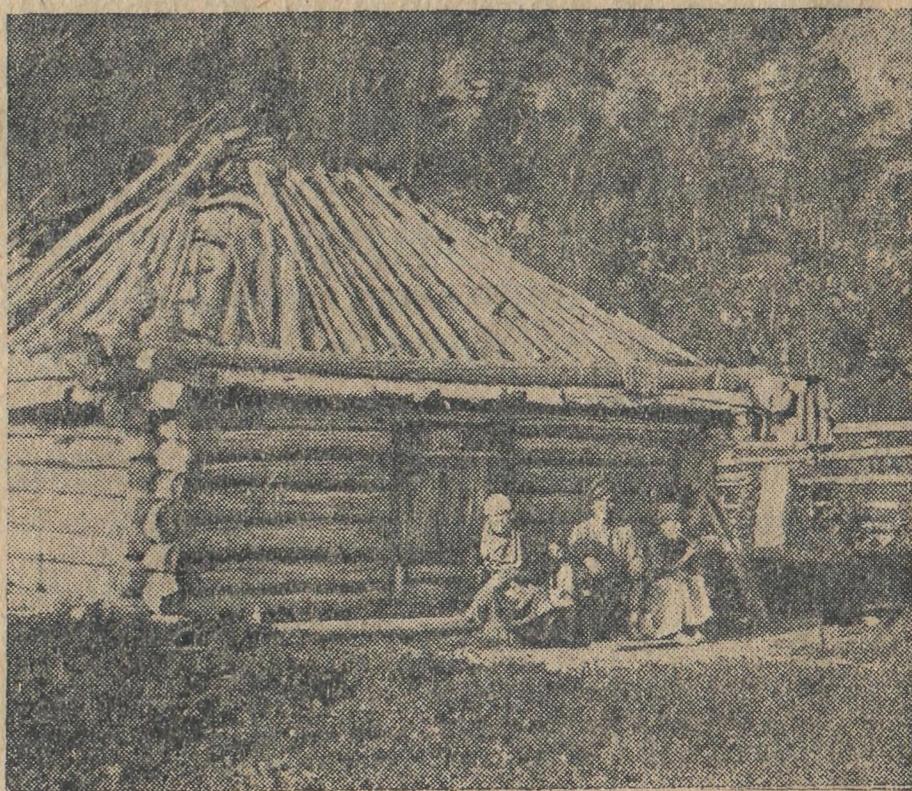

Рис. 32. Шестиугольная юрта (тубалары)

У шорцев весьма распространен еще и теперь тип бревенчатой юрты, так называемый *otug* (жилище с огнем). У этого типа жилища крыша двускатная, из колотых плах, покрытая берестой и дерном. В этой юрте очаг имеет несколько особое устройство. Он помещен у стены, состоит из двух обмазанных глиной досок, поставленных вертикально к стене, и снабжен трубой, сплетенной из прутьев и называемой *sygen* (буквально — снаряд для ловли рыбы — «морда»). Возможно, что первоначально труба представляла собой именно морду, обмазанную глиной, поэтому за трубой и сохранилось это название. Не менее любопытно, что такой очаг в целом

У шорцев весьма распространен еще и теперь тип бревенчатой юрты, так называемый *otug* (жилище с огнем). У этого типа жилища крыша двускатная, из колотых плах, покрытая берестой и дерном. В этой юрте очаг имеет несколько особое устройство. Он помещен у стены, состоит из двух обмазанных глиной досок, поставленных вертикально к стене, и снабжен трубой, сплетенной из прутьев и называемой *sygen* (буквально — снаряд для ловли рыбы — «морда»). Возможно, что первоначально труба представляла собой именно морду, обмазанную глиной, поэтому за трубой и сохранилось это название. Не менее любопытно, что такой очаг в целом

называют кебе, т. е. лодка, очевидно, по форме жѳлѳба из досок. Наиболее же частое название для очага — *şal* (буквально — «светить»), *kulei oĵmazь*, т. е. ямка с пеплом и *ot* — огонь.

Заключение

Рассмотрение и анализ материального производства племен Северного Алтая обязывают нас к некоторым выводам. Прежде всего необходимо признать, что ведущей, в то же время и наиболее древней отраслью сельскохозяйственного труда у северных алтайцев являлась охота на зверя.

Таежная, пешая охота у северных алтайцев есть реликтовая форма древней охотничьей культуры, распространенной в палеоарктической подобласти древнего Ангаро-Китайского материка, подобно тому как липа, сохранившаяся в Шории, является реликтовой формой растительности третичного периода.

Коллективная охота, местами пешая, ловля загородами, гонка зверя по насту и просто по снегу, нередко с палкой вместо ружья, подстораживание зверя на тропах, подманивание деревянной дудкой, свистком из бересты, наконец, еще сохранившиеся воспоминания о применении ям указывают на весьма первобытные приемы, вынесенные человеком из глубокой древности и существующие у самых первобытных из охотничьих племен. То же самое можно сказать про орудия промысла: недавно исчезнувший лук, самострел и многочисленные деревянные капканы спускного устройства, нарты, лыжи, подбитые шкурой, и волокуша (*syrtke*) — как нельзя лучше свидетельствуют об их глубокой архаичности.

Затем мы должны подчеркнуть еще более существенное обстоятельство. Обзор производства у племен Северного Алтая свидетельствует о низком уровне развития труда, об ограниченности продуктов этого труда. Отсюда вытекала и ограниченность богатства данного общества. Богатство большинства северных алтайцев, за исключением небольшой группы торговцев, ростовщиков, баев, состояло из примитивного жилища, крытого корой березы или лиственницы, из грубой холщевой одежды собственного изготовления, из немногочисленных и примитивных орудий труда для добывания и приготовления пищи, например: кремневого ружья, деревянного самострела или капкана, долбленой лодки, мотыги, каменной ручной мельницы. Все это дополнялось скудной утварью из дерева и бересты. Несомненно, мы имеем полное основание утверждать, что уровень производительных сил у северных алтайцев был чрезвычайно низок. А это очень важный вывод, ибо данному уровню развития производительных сил соответствуют и определенные производственные отношения, являющиеся формой развития производительных сил. Вот почему весьма важно не ограничиться только одним указанием на слабость развития производительных сил у северных алтайцев, а попытаться определить этот уровень. Однако для того, чтобы определить уровень производи-

тельных сил, мы должны прибегнуть к помощи надежного измерителя. Таким измерителем, как неоспоримо установили К. Маркс и Ф. Энгельс, является степень развития разделения труда: «Каков уровень развития производительных сил нации, всего нагляднее обнаруживается в том, в какой степени развито у нее разделение труда. Всякая новая производительная сила, поскольку она не просто количественное расширение известных уже до того производительных сил (например, возделывание новых земель), влечет за собой дальнейшее развитие и разделение труда». ¹

Какова же была степень развития разделения труда у племен Северного Алтая? Ответ на этот вопрос частично уже дан предшествующим изложением. Однако для более подробного ответа на него сделаем некоторое отступление. Маркс и Энгельс считали за первоначальную форму разделения труда «первобытное, естественно выросшее разделение труда», ² «которое вначале было лишь разделением труда в половом акте, а потом — разделением труда, совершившимся само собой, «естественно возникшим» благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайностям и т. д.» ³ Характеризуя экономический базис родового строя, Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» писал: «Разделение труда — чисто естественного происхождения: оно существует лишь между полами. Мужчина ведет войну, идет на охоту и рыбную ловлю, добывает пищу в сыром виде и необходимые для этого орудия. Женщина работает на дому и занята изготовлением пищи и одежды, варит, тклет, шьет. Тот и другая являются хозяевами каждый в своей области: мужчина в лесу, женщина в доме. Каждый является собственником изготовляемых и употребляемых им орудий; мужчина — оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина — домашней утвари». ⁴

В противоположность естественному разделению труда Маркс и Энгельс подчеркивали и выделяли *общественное* разделение труда. Таким первым крупным общественным разделением труда было, по Энгельсу, выделение пастушеских племен из остальной массы варваров. ⁵ Вторым крупным разделением общественного труда явилось отделение ремесла от земледелия. ⁶ Таким образом, основоположники марксизма дали четкое различие форм разделения труда,

¹ Маркс и Энгельс, *Немецкая идеология*. Сочинения, т. IV, стр. 11. См. Равдоникас, *Маркс — Энгельс и основные проблемы доклассового общества*, Сборник ГАИМК, посвященный 50-летию со дня смерти Маркса; его же, *К вопросу о диалектике развития доклассового общества*, *Проблемы истории докапиталистических обществ*, 1934 г., февраль; С. Н. Быковский, *Доклассовое общество, как социально-экономическая формация*, *Сов. этнография*, 1934 г., № 1-2.

² Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, 1929 г., стр. 150.

³ Маркс и Энгельс, *Сочинения*, т. IV, стр. 21; *Архив Маркса и Энгельса*, т. I, стр. 221.

⁴ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи....*, Партиздат, 1933, стр. 160.

⁵ Там же, стр. 160.

⁶ Там же, стр. 164.

без учета которого немислимо исследование исторического процесса у любого народа. Тем самым облегчена задача и нашего исследования.

Весьма существенной чертой производства у северных алтайцев является то обстоятельство, что такие занятия, как, например, земледелие, рыболовство, скотоводство, пчеловодство, кедровый промысел не выделились в самостоятельные отрасли производства внутри круга данных племен. Эти отрасли хозяйства постоянно выступают во всевозможных комбинациях в соединении с охотой, которая являлась все же ведущей отраслью производства. Шорец-зверолов являлся в то же время и немножко земледельцем, поскольку он обрабатывал небольшой клочок тайги мотыгой и сеял ячмень. Он являлся также в некоторой степени и рыболовом, так как летом добывал для своих нужд рыбу. В такой же степени он поддерживал существование своего хозяйства промыслом сбора кедрового ореха, примитивным пчеловодством. Вот эта-то комплексность хозяйства шорца, шелканца или тубалара, когда каждый занимается всем, и являлась выражением слабости развития общественного разделения труда. При этом большое значение имело естественное разделение труда. О естественном разделении труда, при котором существенное значение имеет разделение труда между полами, писали все, кто побывал у северных алтайцев. Вот сообщение Вербицкого: «Домашние работы главным образом лежат на женщинах. На юге Алтая женщины доят коров и кобылиц, шьют обувь, одежду, делают кумыс, высаживают арокы, приготавливают дрова, нося на своих спинах повалившиеся от ветра лесины, оседлывают и навьючивают коней... на севере делают все то же, за исключением ухода за скотом и еще копают землю для посева ячменя, полют свои пашни, заготавливают на зиму кандык, косят сено серповидными косами, известными в Сибири под именем горбуш, и приготавливают на халаты своих мужей двойную ткань вроде ревендука из конопля». ¹ Такую же картину рисует нам и Адрианов: «Занятия черневых татар [т. е. северных алтайцев. Л. П.] можно разделить на занятия собственно домашние, которые производятся почти исключительно женщинами, и земледелие и промыслы ореховый, звериный и пчеловодство. Домашние занятия заключаются в уходе за скотом, добыче и приготвлении пищи, изготовлении материала для одежды и обуви и шитье последних, в выделке посуды и множестве разных мелких работ по хозяйству. Все эти многосложные занятия целиком лежат на плечах женщин, которые с раннего утра и до поздней ночи, не покладая рук, находятся за работой. Мужья по дому почти ничего не делают кроме построек; он не наколет дров, не принесет сам воды, предпочитая сидеть с трубкой в зубах или ездить по гостям, принимать их у себя, беспечно попивая водку, которую должна насидеть тоже жена». ² (рис. 33).

¹ Вербицкий, Алтайские инородцы, стр. 25; его же, Записка миссионера за 1862 г., Прав. сбозр., 1863 г., февраль, Здесь речь идет только о северных алтайцах.

² Путешествие на Алтай и за Саяны, стр. 311—312.

Будучи у шорцев, нам пришлось наблюдать сцену, когда однажды утром, проснувшись от холода, хозяин, у которого мы ночевали (улус Карасу по реке Мрассу), не обнаружив дров, набросился с руганью на жену. Несмотря на то, что за дровами нужно было только выйти из юрты, наш хозяин послал жену, мотивируя свой поступок словами: «*pis er kiziler pis*», т. е.: «мы мужчины»

Таким образом, наличие естественного разделения труда являлось выражением низкого уровня развития производительных сил северных алтайцев.

Однако было бы неправильно думать, что племена Северного Алтая совершенно не знали общественного разделения труда. Безусловно оно было. Мы не можем рассматривать племена Северного Алтая совершенно изолированно от остальных племен, населяющих Алтай и Саяны. Несомненно, северные алтайцы переживали процесс первого общественного разделения труда, в результате которого в Саяно-Алтайском нагорье пастушеские племена выделились от охотничьих.

Северные алтайцы остались охотничьими племенами, внутри которых еще долго преобладало естественное разделение труда. Но и среди охотничьих племен Саяно-Алтайского нагорья еще задолго до нашей эры, как можно судить по археологическим материалам, возникло новое разделение труда. Из общей охоты на зверей, добываемых главным образом ради мяса и шкур, шедших для потребления в хозяйстве того или иного охотничьего коллектива, выделяется в самостоятельную отрасль охота на пушного зверя. Шкурки пушных зверей добывались с целью обмена, позже для уплаты дани. Охота на пушного зверя вскоре приобретает большое значение, знаменуя собой рост новых производительных сил. Значение и роль данной формы разделения труда в общем ходе исторического процесса на Северном Алтае были исключительно велики, как это мы надеемся показать в дальнейшем. Кроме того, выше мы видели, что северным алтайцам была известна и промышленность: ткачество, рудное и кузнечное дело. Однако промышленность здесь не выделилась в самостоятельную форму труда, имела домашний характер и была в тесном соединении с охотой и мотыжным земледелием.

Правда, как ремесло, повидимому, стало оформляться кузнечное производство, однако развитие его было прервано русской коло-

Рис. 33. Заготовка дров (шорцы)

низацией. Кузнечное ремесло, очевидно, начало развиваться еще задолго до русской колонизации, но и в тот период развитие второго общественного разделения труда тормозилось зависимым положением этих племен от феодальной кочевой верхушки скотоводческих племен Алтая, Монголии, Минусинской котловины. Жители лесов Северного Алтая постоянно были данниками (железом и пушниной) хакасских, киргизских, монгольских или джунгарских князей. Все это весьма задерживало развитие производительных сил в районах горной тайги Северного Алтая, так как из производителей выкачивался не только прибавочный, но и необходимый продукт. Поэтому и оказывалось, что, платя дань железными котлами, тубалары, находясь на промысле, кипятили воду в берестяной посуде раскаленными камнями. Достигнув умения плавить из руды железо и ковать его, северные алтайцы не имели возможности по указанным причинам развить это производство. Вот почему мы и выдвигаем положение, что племена Северного Алтая не пережили до конца процесса второго крупного общественного разделения труда; хотя процесс этот у них наблюдался, но был вначале надолго задержан, а в эпоху русской колонизации вскоре прерван окончательно.

Пользуясь периодизацией Моргана, переработанной и развитой Энгельсом, мы можем определить уровень развития производительных сил племен Северного Алтая высшей ступенью варварства, т. е. концом развития доклассового общества.

Развитию этого положения мы посвящаем следующую часть нашей работы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Некоторые элементы материального производства племен Северного и Восточного Алтая по коллекциям Гос. Этнографического музея в Ленинграде

Охота (тубалары)

4332—1. Ok saadak — наконечник промысловой стрелы на кабаргу, железный, двурогий. Дл. 16 см (Аил Верх, Чолуш-кара. Чойский аймак. Ойрстия).

4332—2/2. Ok saadak — наконечники промысловых стрел, железные, гарпунного типа, с одной бородкой. Дл. 11 см и 10 см.

4332—3. Kiştin kabь — сетка, промысловая снасть для ловли выдры при выходе из норы; вязана крупными ячейками из шпагата, конусообразная, в виде сачка; прикреплена входным отверстием к деревянному обручу (диам. 6,8 см, дл. 3,10 м). Ставится на трех кольях, втыкаемых в дно, причем обручем плотно придавливается к берегу с входом в нору. Выгоняют зверя дымом, палками, раскапывая нору на берегу сверху (Салганск. Правый приток р. Пыжи. Турочокский аймак).

4332—4. Kiştin tezege — обмет, промысловая сеть для ловли соболя обкладом. Если промышленникам при помощи собак удалось загнать соболя на дерево, тогда сетка укрепляется на длинные колья, которые втыкаются в землю с небольшим наклоном верхнего края внутрь, чтобы соболю не мог перепрыгнуть через растянутую кругом дерева снасть. Снасть собирается из нескольких звеньев, принадлежащих, обычно, нескольким хозяевам, членам охотничьей артели. Соболю или выгоняется палками или выкуривается дымом, если он забрался глубоко в дупло или под корни дерева. Иногда обклад держат двое-трое суток и по ночам жгут костры, чтобы не упустить ценную добычу, которая в конце концов запутается в сети. (Верх. Челуш-кара).

4332—5. Разь multьkтың рultазь — фитиль от фитильного ружья. Приготовлен из кустарника «волчье лыко» (*Daphne Mezereum*) в виде шнура, обшитого материей. Дл. 6, 24 м (Верх Чолуш-кара).

4332—6. Şьkкак — мерки, патроны для хранения зарядов пороха, двойные, из марального рога, орнаментированные. Дл. 18 см. (Р. Обрачак, левый приток Сары Кокши).

4332—7/2. Каьbндь — мерки, патроны для хранения зарядов пороха во время охоты, двойные из марального рога, орнаментированные. Дл. 18 см (Чуре, приток р. Пыжи).

4332—8, а, б, в, г/з, д, е, ж. Kottь kabандазья — «перевязь» (по-старожильчески) промысловая с набором ружейных принадлежностей: а) ремень, к которому привязаны все другие части набора; б) njанськ — мешочек кожаный для пуль, в) şькак — рожок из коровьего рога для хранения пистонов; г) каьbндь — мерки, патроны для хранения зарядов пороха, двойные из марального рога, орнаментированные; д) оксак — рьс — шомпольчик деревянный для предварительного забивания пули в ружейный ствол; е) syrteş sukuş — сумочка для хранения смазочных и протирачных материалов; ж) kottь — мешочек кожаный для хранения пороха (Аил Верх Чолуш-кара).

4332—9, а, б, в, г, д, е, ж. Кажьş kurdak — пояс ременный: а) промысловый, с набором дорожных и охотничьих принадлежностей; б) рьсактнь, кьль — ножны поясного ножа, деревянные, на ременной петле, украшенные медным орнаментированным кольцом (bel); в) картьрга — сумка кожаная, полуциркульной формы, для хранения дорожных предметов: серянок (спичек), табаку, пистонов и пр., на трех ременных петлях; г) syrteş sukuş — сумочка для хранения смазочных и протирачных материалов,

кожаная, открытая; е) протирка для чистки и смазки ружья из размягченных волокон сухожилий; ж) *şymdanьъ şyrtkьs* — манок на рябчика, в виде тонкой деревянной дудочки с двумя клавишными отверстиями. Дл. 8 см.

4332—10. *Abrga* — манок на марала, в виде деревянной трубы из двух долбленных целых половинок, скрепленных железом и берестой. Дл. 70 см.

Охотничье снаряжение

4332—11. *Aңсь ајак* — чашка охотника для питья, с длинной рукояткой, сделана из корня березы. Длина рукоятки 8 см. Диаметр — 13 см.

4332—12. *Paştyk* — мешок для крупы, один из предметов охотничьего заплечного вьюка. Шит из кусков шкуры жеребенка. Верхняя часть холщевая. Дл. 56 см.

4332—13. *Tekteigen* — сумка для хранения толкана, кожаная, верх холщевый. Привязывается в охотничий вьюк. Дл. 52 см.

4332—90, а, б. *Ok jazьtan uluku* — планка для выковывания круглых железных ружейных пуль: верхняя (а) в виде низкого цилиндра из железа, с опоясывающей по середине выемкой и полусферическим углублением на нижней стороне, верхняя сторона гладкая, предназначается для удара молотком; вторая, нижняя (б) плашка в виде четырехугольной железной тонкой пластины, с полусферическим углублением по середине верхней стороны, точно соответствующим углублению верхней планки (а). Общая высота 4 см.

4332—91, а, б. *Put takkazь* — подковка с железными шипами для хождения охотников на промысле по затвердевшим (нежным) скатам гор, фирновым полям; прикрепляется к ногам при помощи ремней с пряжками. Дл. 12 см.

4332—93/, а, б, *Şana* — лыжи для хождения по глубокому снегу из березового дерева, подбиты шкурой лошади, снятой с ног; короткие передние концы загнуты; для устранения боковых раскатов во время наста (гололедицы) на шкуру прибиты по краям узкие деревянные подрезы; место для ступни склеено берестой, и для прикрепления лыж к ногам имеются носковые и запяточные ремни с деревянными застежками вместо пряжек. Дл. 152 см.

4332—94. *Cananьъ kosok tajak* — палка для управления лыжами во время хождения, нижний конец которой переходит в узкую лопатку. Употребляется также для раскапывания снега при устройстве охотничьего стана, при установке калканов в снегу, для долбления льда в речках при добывании воды. Дл. 161 см.

4228—1, а, б, в, г. *Şergei; sergej* — ловушка на мелкого зверя, сделана из дерева: а) узкая рамочка, согнутая из одного сучка, дл. 33,5 см, б) стрела тупая, служащая для зажима мелкого зверя, в) лучок, на который натягивается тетива, дл. 54 см, г) курок для спуска тетивы, дл. 12 см.

4228—2. *Sarastьъ eti* — коленковое мясо, охотничья приманка. Общая длина 20,4 см (Ур. Артыбаш).

4332—14. *Kozloң* — лямка для ношения за спиной охотничьего вьюка. Сплетена из конопля. Дл. 3,84 м.

4332—15. *Kiis peryk* — шапка кошемная, носится охотниками на промысле. Форма круглая, с отворотом по околышу, верх плоский. Дл. 21 см.

4332—16. *Kiis ton* — куртка кошемная, длиной до колен, покрыта грубыми холстом, носится на промысле. Длина спин 90 см.

4332—17. *Tere ştan* — штаны меховые из шкуры телянка, носят на промысле, мехом внутрь, заправляются в сапоги. Пояс на вздержке. Общая длина 98 см.

4332—18, а/2, б/2. *Агьёдук* — сапоги (а/2) кожаные, голенища из холста, подошва мягкая, без каблука. Голенища перевязываются под коленом завязками (б/2). Дл. 48 см.

4332—19, а, в. *Kiis аlyk* — рукавицы кошемные, обшитые грубым холстом.

Земледелие (тубалары бассейна Телецкого озера и р. Бии)

4228—4, а, б. *Обьl* — мотыга (а). Состоит из железной заостренной лопаточки, насаженной на деревянную ручку (б), изогнутую под прямым углом. Употребляется для разрыхления почвы на полях (Усть-Пыжа).

4228—5, а, б, в. *Озьр* — копалка корней. Железная заостренная лопаточка-нако-

печник (а), насажена на деревянный черен (б), слегка изогнутый сверху. Над железным наконечником имеется поперечная перекладина (в) для нажима ногой. Общая длина 92 см (Усть-Пыжа).

4228—6. Koryn sogaj semei arba — жареный ячмень (Усть-Пыжа).

4228—7. Talkan — мука из жареного ячменя (Усть-Пыжа).

Собирание корней (тубалары бассейна Телецкого озера и р. Бии)

4332—25. Kandьkтыру portogo — ведро для собирания корней кандыка. Сделан из содранного чулком вымени коровы, высушенного на огне (предварительно набитого землей). Носят на поясе. Выс. 21 см.

4332—29. Tabanьц сој — суррогат чая из листьев бадона.

Собирание кедровых орехов

4332—27. Tyrtky bala — валец деревянный для лущения кедровых шишек на терке (tyrtkyniң enezi). Представляет собой плашку с поперечными зарубками, напоминающую валец, каким бьют белье при стирке. Дл. 33 см.

4332—28, а, б. Kuzylikten elek — решето берестяное (а) для просеивания кедрового ореха после обработки шишек на терке вальком, имеет форму четырехугольной коробки, дно которой испещрено круглыми отверстиями диаметра 1,5 см. Во время работы подвешивается на сучке дерева на деревянном крюке (б), привязанном к двум веревкам, прикрепленным к четырем углам решета. Размер 71 × 53 см.

4332—29, а, б. Takka — когти железные для лазания по кедрам во время орехового промысла, прикрепляются к ногам при помощи длинных ремней. Длина ветви 30 см

Скотоводство (тубалары)

4332—20, а, б. Kol саркь — коса-горбуша (а) на короткой кривой деревянной рукоятке. Дл. 58 см.

4332—21. Tezi — прибор для отбивания косы-горбуши, железный, в виде большого плоского гвоздя с толстой шляпкой. Дл. 9 см.

4332—22. Aјгыр кестен кызь ир — набор лекаря скота для кастрирования жеребцов: а) щипцы деревянные, с насечками, для зажима мошонки [testikula], дл. 28 см, б) diskic — пестик деревянный, которым растирают края разреза мошонки, в) kaargьс — полоса железа для прижигания края разреза с целью приостановления кровотечения. Дл. 50 см.

4332—23. Puza — чучело теленка белой масти. При доении с подпуском теленка это чучело ставят, когда корова потеряла теленка.

4332—24. Arbакь — аркан для привязи скота из лыка дикой акации (Robina Sibirica). Дл. 7,0 м.

4332—30/2. Kurut — сыр из кислого молока, копченный на дыму.

4332—95. Kөbel-terge — нагрудник седельный, украшенный по ремню морскими раковинами (Cyprea moneta), медными бляхами, кожаными кистями и большим количеством медных колец и бляшек; пристегивается к седлу при помощи железной пряжки и тонкого ремennого конца. Дл. 192 см.

4332—96. Kuјьşkan — подхвостник седельный из ремня, украшенный морскими раковинами (Cyprea moneta) и ремennыми кистями на медных кольцах; петля, проходящая под хвостом, сделана из волосяной веревки, обшитой холстом. Прикрепляется к седлу пристегиванием двух концов к пряжке.

4332—97. Kөbel terge (см. № 4332—95).

4332—98. Kuјьşkan (см. № 4332—96).

4332—99. Jugon — узда. Сплетена из пяти узких ремешков, украшена железными фигурными бляхами, посеребренными и покрытыми геометрическим орнаментом при помощи «чернети». Снабжена железными удилами. Дл. 73 см.

4332—100. Kuјьşkan (см. 4332—96).

4332—101. Katкьң kiziniң камсызь — плетень женская, выездная, праздничная круглого маленького плетения, с деревянной короткой рукояткой (череном), обтянутой кожей и украшенной шестнадцатью медными кольцами и двумя орнаментирован-

ными перстнями (один с надписью: «на счастье»); плеть к рукоятке прикрепляется при помощи ремешков, прошитых сквозь конечное расширение самой плети, украшенное медной облицовкой.

4332—135. Урсъ — соска для кормления ребенка, из кишки лошади, конусообразно срезанной на одном конце и зашитой сухожильной ниткой. С широкого конца наливаются коровье молоко, и конец завязывается ниткой. У широкого конца имеется маленькое отверстие для просачивания молока. Дл. 12 см.

Приготовление ниток (тубалары)

4228—14, а, б, в, г. Өрсөк — веретено с намотанными на него нитками из волоса: а) каменное пряслице, б) палочка, дл. 43 см, в) поперечный колышек, г) нитки.

4228—15, а, б. Ө сөк — веретено с каменным пряслицем. Общая длина 62 см. а) Пряслице каменное, б) палочка.

4228—16. Теірек — пряслице веретена. Сделано из камня.

4228—20. Сьъг исук — нитки из сухожилия марала.

4228—21. Ојгот — трава сушеная, употребляется вместо портянок.

4332—73. Сьгьньң рут — нога марала мумифицированная, высушенная, с копытом и сухожилиями. Из сухожилий готовятся сухожильные нитки.

4332—74, а, б, в. Өрсөк — веретено (а) для наматывания ниток во время сучения, с напрядлицем (б) из головки из бедренной кости теленка и колышком (в) для закрепления на пряслице стержня веретена (а). Длина стержня 27 см.

4332—75, а, б, в, г. Өрсөк — веретено деревянное (а) для сматывания ниток во время сучения с напрядлицем (б) из рога лося, с колышком (в) для закрепления напрядлица на стержне (в) и небольшим концом шерстяной нитки (г) коричневого цвета. Длина стержня 29 см.

4332—77. Inelik — игольница для втыкания иголок из куска кошмы, крытой черным плисом, украшенная по краю цветным кантом и пятью подвесками-астралами (бабками) кабарги, а по плису — шестнадцатью медными бляшками от струн; висит обычно на стене. Дл. 8 см.

4332—89. Soјogon саркьп — пучок лыка дикой желтой акации (*Caragana arborescens* Lam), из которой готовят арканы, веревки, бичеву и проч. Дл. 10 см.

Утварь — посуда (тубалары)

4332—31, а, б. Сьньј — сосуд для хранения масла из продымленного мочевого пузыря теленка, с деревянной пробкой (б). Высота 20 см.

4332—32. Irege — сосуд для хранения топленого коровьего масла из продымленной кишки лошади.

4332—33 а, б. Туіс — сосуд (а) для хранения топленого коровьего масла, из бересты, с деревянной крышкой (б) и дном, орнаментированный. Выс. 16 см, диаметр 11 см.

4332—34. Аарсаңьң тар — мешок для отжимания творога, идущего на приготовление сыра. Сшит из куска грубой конопляной ткани. Размеры 57 × 44 см.

4332—35/2. Аарсаңьң ілтен — крюки деревянные для подвешивания мешка с творогом. Прикрепляется веревками из лыка дикой акации к жердям крыши. Размеры 19 × 22.

4332—36. Talkaңьң yreten paстьk — мешок для хранения толкана. Сшит из целой шкурки утробного жеребенка, украшен по шву бахрамой. Дл. 42 см.

4332—37. То же, что и 4332—36. Дл. 42 см.

4332—38. То же что и 4332—36 и 37. Дл. 51 см.

4332—39. То же, что и 4332—36, 37 и 38. Дл. 57 см.

4332—40. Tere tektei — мешочек для хранения соли в виде миниатюрной выючной сумы. Сшит из кожи, верхняя часть из холста. На узкой стороне украшение из кожи. Дл. 20 см.

4332—41. Portogo — ведерко из вымени коровы, с сосками и шерстью. Употребляется для хранения соли. Высота 15 см.

4332—42. Koneгөс — ведерко для хранения соли. Выдолблено из куска кедрового

- дерева. Дно вставное. Скреплено двумя деревянными обручами. Верхний орнаментирован. Выс. 18 см.
- 4332—43. Poorbъj — сосуд-фляга для молока, молочной водки, воды. Состоит из трех кусков продыmlенной кожи. Имеет длинное горло с ременной петлей для подвешивания. Выс. 30 см.
- 4332—44. Sajъ — сосуд для браги или для хранения зерна. Сделан из бересты. Дно деревянное, вставное. Сшит черемуховыми прутьями. Вместо обруча спиральная лента из бересты. Выс. 81, диам. 32 см.
- 4332—45. Soo — подойник деревянный, выдолбленный из целого куска. Дно из бересты. Вм сто ручки — ремень. Выс. 25 см, диам. 16 см.
- 4332—46. Kolbak — ложка деревянная для еды.
- 4332—47. Suskansak — поварешка-ковшичек для наливания супа, молока, из корня березы. Дл. 15 см.
- 4332—48. Ajak — чашка для питья, выдолблена из корня березы. Диам. 15 см.
- 4332—49. Terşi kusur — корыто для сыворотки (сары-су), вареного мяса и пр. Выдолблена из куска кедрового дерева. Диам. 53 см.
- 4332—50. Terş. Дл. 63 см.
- 4332—51. Каркъ — ухват для снятия с огня котлов и чугунов, жаровни для ячменя. Сделан из сучка с тремя отростками. Дл. 50 см.
- 4332—52. Каркъс — ухват типа сковородника из рога марала (*Cervus Elaphus*). Дл. 20 см.
- 4228—8. Tyis — сосуд берестяной, цилиндрической формы, с деревянным доньшком. Выс. 10 см (Усть-Пыжа).
- 4228—9. Kuzur — сковородник деревянный, расщеплен с одной стороны. Дл. 24,4 см. (Артыбаш.)
- 4228—10. Kasık — ложка деревянная, плоская. Дл. 23,5 см (Артыбаш).
- 4228—11. Olozok (olocak) — сосуд, сшит из бересты. Выс. 37,5. (Бассейн Телецкого озера и р. Бии).
- 4228—12. То же, что 4228—11. Выс. 23,5 см (Усть-Пыжа).
- 4228—13. Kъjbak — сосуд берестяной, плоский, продолговатой формы, сшит из бересты. Дл. 32 см., выс. 9 см (Усть-Пыжа).
- 4332—68. Etkelek — болванка, наплыв березы, из которой вырезывается ковшичек-поварешка. Дл. 30 см.
- 4332—69. Saarsan ajak — болванка из березового наплыва, из которой выдалбливается чашка для питья. Диам. 15 см.
- 4332—70. Tartкъ — резец для вырезывания деревянных чашек и ложек из болванки, первоначально обработанной теслом (yлцус), с лезвием изогнутой формы. Общая длина 19 см.
- 4332—71, а, б. Yлцус — инструмент для выдалбливания деревянных чашек из болванки, с поперечным лезвием (а) и изогнутой под углом деревянной рукояткой (б). Длина рукоятки 28 см.
- 4332—72. Kergi — топор-тесло для выдалбливания корыт, больших чашек, кадов и пр., с поперечным лезвием, с жолобом, без рукоятки. ¹ Дл. 14 см.

¹ Таким теслом до появления настоящего топора рубили и деревья. Л. П.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	5
Введение.	7
1. Краткие общие сведения об этнографических группах Северного Алтая .	8
2. Охота.	19
Оружие и орудия промысла	57
3. Мотыжное земледелие и собирание корней.	71
4. Рыболовство	87
5. Промысел кедрового ореха.	92
6. Пчелованье и пчеловодство	93
7. Скотоводство	94
8. Домашнее ремесло	98
Заключение	112
<i>Приложение. Некоторые элементы материального производства племен Северного и Восточного Алтая по коллекциям Гос. Этнографического музея в Ленинграде</i>	117